

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ

№ 3
2016

Международный научно-аналитический журнал
Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

№ 3 • 2016

Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

В. А. Бороденя, член Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по бюджету и финансам, кандидат экономических наук;

Р. С. Гринберг, научный руководитель Института экономики Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор;

В. М. Джабаров, член-корреспондент РАН, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам, кандидат технических наук;

А. А. Дынкин, директор Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор;

А. Б. Закарян, председатель Комиссии Национального Собрания Республики Армения по внешним связям, кандидат политических наук;

М. И. Кротов, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, доктор экономических наук, профессор

И. А. Марзалюк, заместитель председателя Постоянной комиссии Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности, доктор исторических наук, профессор;

С. А. Мирзоев, руководитель Аппарата Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, кандидат юридических наук;

Г. В. Пальчик, председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор педагогических наук, профессор;

Ф. Рахими, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук, профессор;

А. И. Сергеев, Генеральный секретарь Совета Межпарламентской Ассамблеи государств—участников СНГ, кандидат экономических наук;

К. С. Султанов, член Комитета по международным делам, обороне и безопасности Мажлиса Парламента Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор;

А. В. Торкунов, ректор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор;

В. А. Шамахов, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р. С. Гринберг, научный руководитель Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Е. Карлик, доктор экономических наук, профессор;

Ю. В. Косов, доктор политических наук, профессор;

Д. И. Кузнецов, доктор философских наук, профессор;

И. Н. Новикова, доктор исторических наук, профессор;

Г. Н. Нурышев, доктор экономических наук, профессор;

К. А. Пшенко, доктор исторических наук, профессор;

Н. А. Сафаров, доктор юридических наук, профессор;

С. Т. Сейдуманов, доктор социологических наук, профессор;

А. И. Сурыгин, доктор педагогических наук, профессор

УЧРЕДИТЕЛЬ

МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПОЛИТИКА

- Ш. Д. Содиков, Э. Т. Мехдиев**
О реализации программы Европейского союза «Восточное партнерство»
на Южном Кавказе 5
Sh. Sodikov, E. Mekhdiev
The Implementation of the European Union Programme «Eastern Partnership» in the South Caucasus
-
- И. Ю. Кравченко**
Евразийская интеграция в репрезентациях экспертно-аналитических
центров США 10
I. Kravchenko
Eurasian Integration in Representations of the US Think Tanks
-
- Т. В. Мармونتова**
Российско-казахстанско-китайские проекты: международные
транспортные коридоры 16
T. Marmontova
Russian-Kazakhstan-Chinese Projects: International Transport Corridors
-
- С. Т. Сейдуманов**
Отношение казахстанцев к интеграционным процессам 23
S. Seidumanov
Attitude of Kazakhstan People to Integration Processes
-
- И. В. Чернов, Р. Г. Шамгунов**
Миграция и интеграция
на европейском и евразийском пространстве: лингвистические императивы 30
I. Chernov, R. Shamgunov
Migration and Integration at the European and Euroasian Spaces: Linguistic Imperatives
-

ПРАВО

- Н. П. Маюров, Т. В. Варячева**
Правовые основы становления Евразийского экономического союза 43
N. Mayurov, T. Varyacheva
Legal Basis of Establishment Eurasian Economic Union
-
- А. В. Кодолова**
Использование модельного закона «Об экологической ответственности
в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде»
в национальных законодательствах
государств — участников СНГ 47
A. Kodolova
The Efficiency of the Model Law «Environmental Liability Concerning the Prevention and Elimination
of Environmental Damage»
-

ЭКОНОМИКА

А. М. Барлуков

**Экономика региона с экологической регламентацией: анализ
и устойчивое развитие**

59

A. Barlukov

The Economy of the Region with Environmental Regulations: Analysis and Sustainable Development

В. Ю. Додонов

**Система торговли квотами
на выбросы парниковых газов в Казахстане. Оценка первого опыта
и перспективы**

66

V. Dodonov

The System of Greenhouse Gas Emission Trading in Kazakhstan. First Experience Evaluation and Perspectives

А. С. Исахова

**Бюджетные ресурсы как системообразующий фактор комплексного
социального развития регионов Казахстана**

76

A. Issakhova

Budgetary Resources as an Underlying Factor of the Complex Social Development of the Regions of Kazakhstan

К. П. Курьлев, Д. В. Станис, Ван Ин

Экономический пояс Шелкового пути как геоэкономический проект КНР

83

K. Kurylev, D. Stanis, Van In

The Silk Road Economic Belt as a Geo-Economic Project of China

Ш. Д. Содиков, Э. Т. Мехдиев

О реализации программы Европейского союза «Восточное партнерство» на Южном Кавказе

Аннотация: В статье рассматриваются основные сферы сотрудничества стран Южного Кавказа в рамках программы Европейского союза «Восточное партнерство». Занимая выгодное геополитическое расположение на пересечении стратегических направлений Запад — Восток и Север — Юг и обладая значительными энергетическими ресурсами, страны указанного региона находятся в фокусе внимания Европейского союза. Авторы исследуют проблемы и перспективы развития программы «Восточное партнерство» и дают рекомендации для усиления влияния России в регионе Южного Кавказа.

Ключевые слова: Европейский союз, Южный Кавказ, региональная интеграция, многосторонняя дипломатия, постсоветское пространство.

Об авторах

Шарбатullo Джаборович Содиков — кандидат юридических наук, научный сотрудник Аналитического центра Института международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России; sodikovsh@mail.ru

Эльнур Таджаддинович Мехдиев — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России; e.mehdiev@gmail.com

Sh. Sodikov, E. Mekhdiev

The Implementation of the European Union Programme «Eastern Partnership» in the South Caucasus

Summary: The authors consider the main areas of cooperation of the South Caucasus countries within the Eastern Partnership. Due to a favorable geopolitical position and considerable energy potential, these countries attract attention of the European Union. The authors also analyze the problems and prospects of the Eastern Partnership and gives a number of recommendations to enhance the Russia's influence in the South Caucasus region.

Keywords: European Union, South Caucasus, regional integration, multilateral diplomacy, former Soviet Union.

About the Authors

Sharbatullo Sodikov — PhD in legal sciences, scientific researcher of the Analytical Center of the Institute of international studies of the Moscow State Institute of International Relations MGIMO-University; sodikovsh@mail.ru

Elnur Mekhdiev — PhD in historical sciences, scientific researcher of the Center for Post-Soviet Studies of the Institute of international studies of the Moscow State Institute of International Relations MGIMO-University; e.mehdiev@gmail.com

Кавказский вектор является одним из важнейших компонентов программы «Восточное партнерство» (ВП), инициированной Европейской комиссией после вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Одна из основных целей реализации программы ВП в регионе — выход на южные границы России с последующим оказанием влияния на Северный Кавказ. И хотя официально эта цель не была заявлена, работа по ее реализации ведется планомерно и эффективно.

Предусмотренные программой соглашения об ассоциации с Азербайджаном, Арменией и Грузией были призваны рас-

ширить рамки уже существующего партнерства. Разработанная с учетом специфики кавказского региона как важного альтернативного источника энергоресурсов программа «Восточное партнерство» в значительной степени нацелена именно на энергетическую безопасность.

Полагая, что одной из угроз стабильности транзита энергоносителей с Южного Кавказа является несовершенство моделей политического устройства Азербайджана, Армении и Грузии, Евросоюз включил в программу ряд направлений сотрудничества, предполагающих содействие демократическому развитию этих молодых государств.

Данную направленность программы в целом с одобрением приняли в странах Южного Кавказа, стремившихся (каждая по своему) укрепить национальную безопасность с учетом последствий вышеупомянутых событий августа 2008 г. Программа «Восточное партнерство» имела особое значение для Грузии, рассчитывавшей прорваться в Европу на антироссийской и русофобской платформе. Поддержала программу Евросоюза и Армения, проводящая политику комплементарности и надеющаяся на зарубежную помощь. Более сдержанной была позиция Азербайджана, который как источник энергоресурсов осознавал свою первостепенную важность для Европы.

Предложенная Европейским союзом программа построена на четырех платформах: демократия, надлежащее управление и стабильность; экономическая интеграция и конвергенция с политикой ЕС; энергетическая безопасность; контакты между людьми. В ней предусматривались следующие основные сферы

сотрудничества: реализация программы управления на границах; интеграция рынка электроэнергии, повышение энергоэффективности и расширение использования возобновляемых источников энергии; поддержка малого и среднего предпринимательства; развитие проекта «Южный газовый коридор»; реагирование на катастрофы.

Хотя не все из указанных платформ устраивали руководство стран региона (особенно не нравилось то, что относилось к демократизации), в целом программа ВП была ими одобрена. Встречи, организованные с целью контроля реализации программы, проходили на регулярной основе с июля 2010 по июль 2013 г. Переговоры об ассоциации с ЕС завершились разработкой соответствующих проектов, подготовленных к парафированию на Вильнюсском саммите в ноябре 2013 г.

В ходе реализации программы Европейского союза «Восточное партнерство» в различных странах Южного Кавказа были достигнуты следующие результаты.

Азербайджанская Республика

В ежегодных докладах Европейской комиссии, посвященных Европейской политике соседства, описывается выполнение государствами — партнерами ЕС взятых на себя обязательств по реформированию политических и экономических институтов. В докладе за 2012 г., в частности, отмечается, что для осуществления новой Национальной индикативной программы на 2011–2013 гг., направленной на содействие достижению ключевых целей государственного строительства, Азербайджанской Республике выделено 122,5 млн евро [11].

Представители Европейского союза часто говорят о прогрессе в модернизации Азербайджана и подчеркивают, что стратегическое партнерство между ЕС и республикой вышло на новый, более высокий уровень. Однако в конце 2013 г., после президентских выборов в Азербай-

джане, со стороны западных стран и международных организаций в адрес руководства страны последовал шквал обвинений в нарушении принципов демократии, что негативно повлияло на взаимоотношения ЕС и Азербайджанской Республики. Критика со стороны Евросоюза процесса проведения президентских выборов, утверждения о притеснении неправительственных организаций и независимых СМИ привели к принятию парламентом Азербайджана решения о приостановлении участия в Парламентской ассамблее «Евронест».

Ограничившись на третьем саммите Восточного партнерства, проходившем в Вильнюсе, подписанием соглашения об упрощении визового режима, реадмиссии, миграции и мобильности, Азербайджан занял прагматичную, взвешенную позицию.

Республика Армения

Республика Армения участвует в программе «Восточное партнерство» с 2009 года. В 1996 г. Армения и Европейский союз заключили соглашение о партнерстве и сотрудничестве, вступившее в силу в 1999 г. В 2006 г. был утвержден план совместных действий ЕС и Армении. В 2009 г. создана консультативная группа ЕС в Ереване (финансируемая ЕС), деятельность которой была нацелена на оказание власти Армении поддержки в осуществлении основных направлений Плана действий Европейской политики соседства.

В 2010 г. начались официальные переговоры о заключении соглашения об ассоциации с Европейским союзом, была принята Национальная индикативная программа на 2011–2013 гг., по которой ЕС выделил Армении 157,3 млн евро. Программа была направлена на содействие достижению ключевых целей политики, указанных в Планах действий ЕС — Армения [10].

Отказ Армении от подписания соглашения об ассоциации с ЕС и ее заявление о вступлении в Таможенный союз с Россией, Казахстаном и Беларусью вызвали немало споров в экспертной среде. Некоторые считают, что причиной отказа стали завышенные требования ЕС

и экономически невыгодные перспективы. Одним из принципиальных вопросов внешней политики Армении сегодня является поиск путей выхода из экономической блокады, энергобезопасность и решение конфликта в Нагорном Карабахе. Сравнив преимущества сотрудничества с Европейским союзом и Таможенным союзом, Армения выбрала последний вариант.

29 ноября 2013 г. в Вильнюсе Армения и Евросоюз выступили с совместным заявлением, в котором они подтвердили готовность развивать и укреплять всеобъемлющее сотрудничество во всех сферах в рамках программы «Восточное партнерство». «Основываясь на общих ценностях, обе стороны обязуются развивать сотрудничество, направленное на развитие демократических институтов и последовательное реформирование судебной системы, стимулирование прав человека и верховенства закона, эффективное управление, борьбу с коррупцией, укрепление гражданского общества, совершенствование среды для расширения торговли и инвестиций, последовательную реализацию продвижения партнерства и расширение отраслевого сотрудничества», — говорится в заявлении [1].

Грузия

Грузия также участвует в программе ВП с 2009 г., а соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Грузией и ЕС вступило в силу еще в 1999 г. План действий ЕС — Грузия был утвержден в 2005 г. В 2008 г. в связи с военными действиями в Абхазии и Южной Осетии Европейским союзом была создана Миссия наблюдателей ЕС в Грузии. На постконфликтное восстановление из бюджета Евросоюза выделено около 500 млн евро. За 2008–2009 гг. размеры финансовой помощи Грузии достигли 850 млн евро. При этом в 2007–2010 гг. в рамках

Европейской политики соседства стране было выделено 120,4 млн евро. В мае 2010 г. была принята новая Национальная индикативная программа на 2011–2013 гг., направленная на содействие достижению ключевых целей политики. В рамках программы Европейский союз выделил Грузии 180,3 млн евро [12].

Несмотря на то что военный конфликт в Южной Осетии и Абхазии привел к отсрочке вступления Грузии в Европейский союз на неопределенный срок, ЕС продолжает укреплять отношения с Грузией.

В 2010 г. начались официальные переговоры с Грузией о заключении соглашения об ассоциации с ЕС. На Вильнюсском саммите соглашение было парафировано. В рамках саммита состоялось и подписание соглашения «О включении Грузии в гражданские миссии и военные операции ЕС», дающее стране возможность участвовать в операциях по управлению кризисными ситуациями, проводимых под эгидой ЕС, и вносить вклад в процесс обеспечения безопасности в мире [13].

После парафирования соглашения об ассоциации Президент Грузии Г. Маргвелашвили заявил, что данный проект Евросоюза не направлен против России. «Соглашение об ассоциации является главным планом действий для трансформации Грузии в истинно современное государство. Политическая ассоциация и экономическая интеграция Грузии (с ЕС) необратимы. Мы отказались от постсоветской парадигмы и сейчас поэтапно занимаем наше законное место в обществе свободных европейских наций», — подчеркнул он [7]. По его словам, благодаря проведению свободных и мирных парламентских выборов 1 октября 2012 года и президентских выборов 27 октября 2013 года, «Грузия смогла консолидировать демократические преобразования». При этом Г. Маргвелашвили выразил надежду на «координированное реагирование (ЕС) на любые явные факты давления со стороны России», направленные на то, чтобы Грузия

отказалась от подписания соглашения об ассоциации и об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли.

Подводя итог, представляется целесообразным отметить, что усиление роли Европейского союза на Южном Кавказе влечет ослабление влияния России. В данных обстоятельствах Российской Федерации необходима более эффективная внешняя политика. Изменению сложившейся в регионе ситуации могло бы способствовать следующее:

— разработка последовательной стратегии, отражающей интересы России на Южном Кавказе, с четким указанием средств, которые будут применяться для достижения поставленных целей;

— создание программных документов, регламентирующих отношения России с каждым государством региона;

— создание и финансовое обеспечение ряда высокопрофессиональных русскоязычных средств массовой информации, распространяемых на территории государств Южного Кавказа;

— интенсификация освещения деятельности России в регионе на зарубежных информационных рынках, повышение качественного уровня этой деятельности;

— реализация совместных научных, образовательных и культурных проектов, программ обмена;

— присоединение РФ к реализации проектов, осуществляемых такими вне-региональными акторами, как Европейский союз.

Использованные источники

1. Армения и Евросоюз «обязуются развивать сотрудничество» // Радио Азатютюн [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.azatutyun.am/content/article/25184400.html>.

2. Жизнин С. З., Гулиев И. А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 241–247.

3. Кожокин Е. М. Европейский Союз, Россия, СНГ: демографическое измерение // Международная жизнь. 2011. № 10. С. 1–19.

4. Муханов В. Состояние энергоносителей в Каспийском регионе и роль России в их транспортировке на мировой рынок / В. Муханов // Аналитические записки. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2008. № 6. С. 22.

5. Орлов А. А. Региональные и глобальные измерения в комплексе проблем безопасности на Южном Кавказе // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 58–60.

6. Пашковская И. Деятельность Евросоюза на Южном Кавказе / И. Пашковская // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 5. С. 59–63.

7. Президент Грузии: проект «Восточное партнерство» не направлен против России // *NRegion* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nregion.com/txt.php?i=49200>.

8. Харкевич М. В. Евразийские перспективы постсоветской реинтеграции // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 6. С. 274.

9. Чернявский С. Западная активность в Закавказье // *Международная жизнь*. 1998. № 6. С. 68.

10. ENP Country Progress Report 2012 — Armenia. Brussels, 20 March 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-242_en.htm.

11. ENP Country Progress Report 2012 — Azerbaijan. Brussels, 20 March 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-243_en.htm.

12. ENP Country Progress Report 2012 — Georgia. Brussels, 20 March 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-246_en.htm.

13. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Vilnius, 28–29 November 2013. Eastern Partnership: the way ahead. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/139765.pdf.

И. Ю. Кравченко

Евразийская интеграция в репрезентациях экспертно-аналитических центров США

Аннотация: Статья посвящена особому явлению американской академической среды — экспертно-аналитическим центрам, которые играют важную роль в выработке подходов в процессе принятия политических решений государственными органами США. Отдельным пунктом в повестке дня ведущих аналитиков всегда идет Россия, в частности ее внешнеполитические проекты. Евразийская интеграция видится им одной из последних попыток России усилить свое присутствие в Центральной Азии.

Ключевые слова: внешняя политика, «мозговые центры», евразийская интеграция, Центральная Азия, США.

Об авторе

Илья Юрьевич Кравченко (Москва, Российская Федерация) — преподаватель кафедры международной безопасности факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, кандидат политических наук; iliursuh@gmail.com

I. Kravchenko

Eurasian Integration in Representations of the US Think Tanks

Summary: The article is aimed at analyzing a special phenomenon in American academic circles — Think Tanks. They play an important role in the development of approaches in the process of political decision-making in the US government. Russia has a special role in publications of leading analysts, its foreign projects in particular. Eurasian integration is seen by them as one of Russia's last attempts to strengthen its presence in Central Asia.

Keywords: foreign policy, Think Tanks, Eurasian integration, Central Asia, USA.

About the Author

Ilya Kravchenko (Moscow, Russian Federation) — lecturer, Department of International Security, School of International Relations and Area Studies, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, PhD in Political Science; iliursuh@gmail.com

Сразу следует отметить, что американские экспертно-аналитические центры являются определенной системой институтов и по масштабам деятельности не имеют аналогов в других странах. Бурный расцвет научно-исследовательских и политических институтов в США начался после Второй мировой войны, когда стало ясно, что отныне США должны быть глубоко и постоянно вовлечены в события, происходящие за рубежом, и им придется не только управлять созданием и обеспечением эффективной работы новых международных институтов (ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд и т. п.), но и отражать через объединение демократических государств растущий вызов со стороны СССР. Поэтому США нуждались в детально разработанной глобальной

стратегии, что и определило основное назначение так называемых мозговых центров — осуществление аналитической деятельности.

Что действительно является отличительной чертой «мозговых центров» в США (кроме их большого количества), так это степень активного участия многих из них в политическом процессе, способность прямо и косвенно участвовать в формировании политики, а также готовность политиков обращаться к ним за советом. Кроме того, у некоторых американских «мозговых центров» достаточно высокий (по сравнению с аналогичными структурами в других частях мира) уровень финансирования. Перечисленные факты позволяют отдельным исследователям сделать вывод, что «мозговые центры» оказывают серьезное влияние на

формирование государственной политики.

Возрастание роли американских экспертно-аналитических центров как во внешней политике США, так и в области национальной безопасности страны является своего рода естественной реакцией на высокую активность Соединенных Штатов на международной арене в течение последних 50 лет. Аналитические компании выполняют важную функцию в процессе подготовки американских руководителей, в формировании внешней политики и политики безопасности, подкрепляют деятельность государственных структур. Они также важны в качестве платформы для взаимодействия политических и социальных лидеров, научного сообщества, осуществляемого посредством проведения круглых столов и конференций.

Таким образом, современные экспертно-аналитические центры можно рассматривать как эффективные объединения, занимающиеся поддержкой коммуникации между властью и гражданским обществом, мониторингом действий власти, критическим анализом и оценкой ее решений, формулированием альтернативных политических предложений, переводом политики на язык, доступный простым гражданам.

В сфере взаимодействия с властными структурами деятельность центров сосредоточена, как правило, на исследованиях в трех-четырёх областях, аналитическая продукция адресована подготовленной аудитории, цель публичной деятельности — влияние на общественное мнение. Центры обычно имеют собственные веб-сайты, печатные периодические издания. Издаются также книги, брошюры (тиражом около 1000 экземпляров), ориентированные на специалистов-аналитиков и органы государственной власти. В результате контактов (круглые столы, конференции и т. д.) с аналогичными структурами формируется аналитический пул, т. е. экспертная группа, стабильность которой подкрепляется практикой совместных изданий

и мероприятий. Представители экспертно-аналитических центров также могут входить в состав совещательных органов при государственных структурах, они становятся неотъемлемым элементом политической жизни и рассматриваются как полноправные участники публичной политики.

Значительную долю экспертного и академического сообществ составляют специалисты Think Tanks. Общепринятого определения термина Think Tank, как, впрочем, и самого феномена, не существует. Глава частной американской организации — Совета по международным отношениям — американский дипломат Р. Хаас предлагает определять их следующим образом: «“Мозговые центры” представляют собой независимые институты, созданные для проведения исследований и приобретения объективного знания, применимого в области политики. Они заполняют критический вакуум в пространстве между академическим миром, с одной стороны, и сферой власти, с другой» [1]. Он выделил следующие функции Think Tanks:

- создание концепций ведения внешней политики;
- пополнение рядов специалистов для дальнейшей работы в государственных структурах;
- организация площадок для дискуссий по наиболее актуальным проблемам мирового развития и международных отношений;
- влияние на мнение общественности посредством публикаций в СМИ;
- посредническая функция в диалоге США с другими государствами [1].

В свою очередь, один из ведущих исследователей Think Tanks Э. Рич подчеркивает: «Под фабриками мысли мы понимаем независимые, не основанные на интересах каких-либо групп влияния, некоммерческие политические организации, которые формируют экспертное знание, призванное оказать влияние на процессы выработки политики» [2].

Политолог Э. Линдквест, профессор Университета Торонто (Канада), считает,

что Think Tank — «это совокупность экспертизы, междисциплинарного мышления, актуальной политики и ориентации на будущее» [3].

В работах российских исследователей встречаются различные варианты перевода термина Think Tank: «фабрика мысли», «мозговой центр», «мозговой трест», «аналитический центр», «резервуар идей» и т. д. В данной публикации мы будем использовать все эти понятия в качестве синонимов. Исследователь Т. И. Виноградова дает следующее определение: «“фабрики мысли” (think tanks) — научно-исследовательские организации, осуществляющие консультирование по государственным и корпоративным контрактам (в т. ч. грантам), как правило, в области политического производства и оценки возможных социально-экономических последствий политических решений» [4].

Каков же механизм влияния «мозговых центров» на принятие внешнеполитических решений? Вернемся к их функциям, определенным Р. Хаасом. Во внешнеполитической деятельности основными являются две из них, а именно: 1) создание концепций реализации внешней политики; 2) пополнение рядов специалистов для работы в государственных структурах.

С точки зрения Р. Хааса [1], существует еще и функция генерации идей, которая имеет большое значение. По его мнению, формируется так называемое новое мышление, определяющее восприятие мира представителями американской правящей элиты. Оригинальные идеи могут изменять концепции национальных интересов США, влиять на иерархию приоритетов, сценарии действий, способствовать мобилизации политических и бюрократических коалиций. Но иногда бывает нелегко привлечь внимание занятых топ-политиков, «уже погруженных в определенное информационное поле». Поэтому «мозговым центрам» приходится использовать разные каналы и маркетинговые стратегии: публикации статей и книг, кратких обзоров,

фактологических выкладок, выступления в СМИ, ведение экспертами в Интернете блогов, которые могут привлечь внимание читателей.

Для более комплексного изучения проблемы отношения американских «мозговых центров» к евразийской интеграции автором данной статьи был проведен контент-анализ их публикаций: проанализированы частота упоминания и оценочная характеристика понятий «Eurasian integration» (евразийская интеграция) и «Eurasian Union» (Евразийский союз).

Для более точного определения оценочных характеристик ведущих экспертно-аналитических центров США был выбран период с 20 января 2013 г. по 01 мая 2016 г., что обусловлено датой начала второго срока президентства Б. Обамы — 20 января 2013 г.

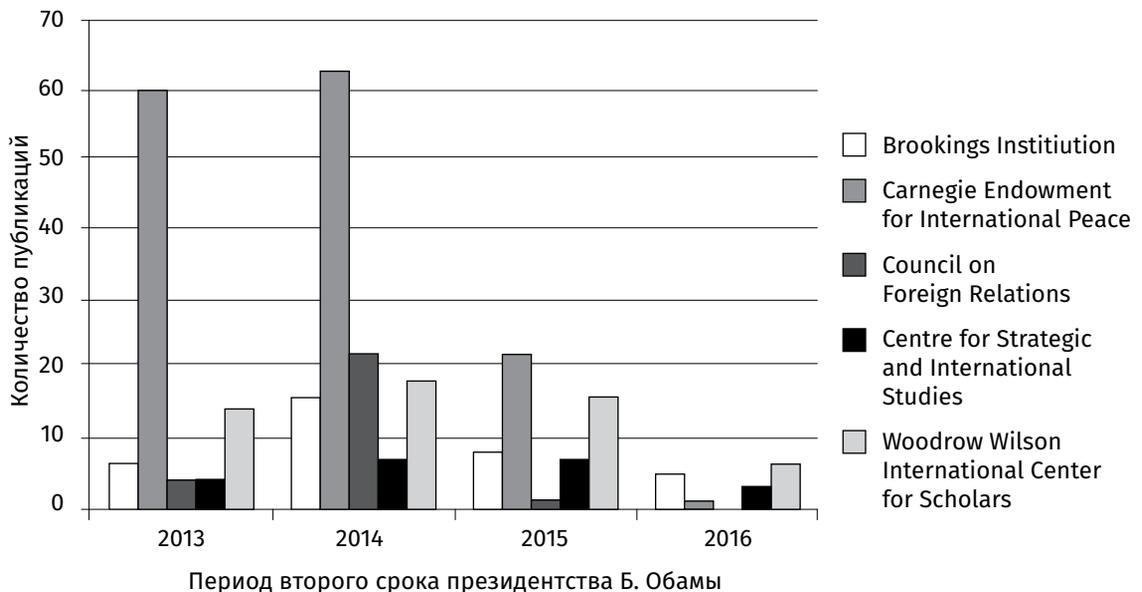
При выборе «мозговых центров» использовался ежегодный индекс-рейтинг аналитических центров Global Go To Think Tank Index за 2015 г. [5]. Этот рейтинг составляется с учетом таких критериев, как качество и репутация сотрудников, эффективность управления «мозговым центром», способность рекрутировать специалистов и аналитиков из элиты, качество и количество публикаций, влияние на процесс принятия решений, доступ к ключевым институтам власти и др. Из рейтинга был использован материал раздела «Top Think Tanks in United States» («Основные фабрики мысли в США»). Согласно данным рейтинга на сегодняшний день первые пять мест в экспертно-аналитическом сообществе США занимают следующие «фабрики мысли»: Brookings Institution, Carnegie Endowment for International Peace, Council on Foreign Relations, Centre for Strategic and International Studies, Woodrow Wilson International Center for Scholars. Публикации перечисленных центров и были использованы при проведении контент-анализа.

В результате удалось сформировать две диаграммы, отображающие частоту упоминания терминов «Eurasian integration» (евразийская интеграция) и «Eurasian

Диаграмма 1. Частота упоминания термина «Eurasian integration» (евразийская интеграция) в публикациях американских экспертно-аналитических центров

Диаграмма 2. Частота упоминания термина «Eurasian Union» (Евразийский союз) в публикациях американских экспертно-аналитических центров

Union» (Евразийский союз) в публикациях американских экспертно-аналитических центров, — диаграмма 1 и диаграмма 2 соответственно.

Результаты контент-анализа следующие.

1. В абсолютном большинстве случаев присутствует нейтральная тональность

словосочетаний «Eurasian integration», в то время как термину «Eurasian Union» дается скорее негативная оценка.

2. Резкий скачок количества публикаций в 2014 г. обусловлен двумя факторами, один из которых в американской трактовке — «аннексия Крыма», а второй — подписание договора о создании Евразийского экономического союза. Стоит отметить, что для большинства «мозговых центров» нет разницы между терминами «Евразийский союз» и «Евразийский экономический союз».

3. Очередной скачок количества публикаций в 2015 г. вызван анализом последствий санкционной политики Запада и контрсанкций, введенных Россией в качестве ответных мер.

4. Отсутствие политически ангажированных публикаций по теме евразийской интеграции.

Результаты анализа публикаций вышеназванных аналитических структур приведены ниже в виде обобщающих тезисов, представляющих оценку специалистами этих «мозговых центров» перспектив евразийской интеграции.

1. Россия будет традиционно стремиться к созданию буферных государств на своих границах и контролю над ними, поскольку видит в США конкурента. В связи с этим притязания России в евразийском регионе и усиление ею контроля территории оцениваются «мозговыми центрами» США в негативном ключе.

2. Особое внимание уделяется Казахстану. Астана, являясь союзником Москвы, в то же время пытается диверсифицировать свою внешнюю политику и заключает все больше новых торговых соглашений с главными конкурентами России в Центрально-Азиатском регионе — Китаем и США. Тем не менее создание сильного и значимого институционального потенциала для экономической интеграции в Центральной Азии (и более масштабно — в Евразии) будет иметь большую выгоду для Казахстана, так как это помогло бы стране, зависимой от соседей, приобрести статус главного

связующего звена в регионе между крупнейшими и наиболее динамично развивающимися экономиками мира. Специалисты «мозговых центров» также отмечают, что Белому дому сейчас крайне важно не упустить момент и увеличить приток инвестиций в Казахстан, а также усилить, несмотря на идеологические расхождения, политическую поддержку правящего режима.

3. По мнению экспертов аналитических центров, для оценки перспектив евразийской интеграции наиболее важно определить будущее российско-китайских отношений. На данный момент потребность Китая в энергии достаточно велика, чтобы позволить как России, так и странам Центральной Азии осуществлять крупные поставки нефти и газа в Китай без конкуренции. И протекционистские меры, предпринятые Россией, — в виде расширения возглавляемого ею интеграционного образования — хоть и могут в некоторой степени ограничить экономическое влияние Китая в Центральной Азии, скорее всего, будут носить временный характер и вряд ли негативно повлияют на китайскую экономику. Гораздо важнее для Китая будущее безопасного недорогого транзита высокоскоростных маршрутов в страны, являющиеся ключевыми торговыми партнерами Китая в Европе и Южной Азии, на Ближнем Востоке.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в отношении евразийского региона администрацией Б. Обамы был разработан новый подход, задача которого — придать новое наполнение взаимодействию США со странами региона. Для укрепления сотрудничества американские «мозговые центры» рекомендуют администрации Б. Обамы инициировать целый ряд программ, задачами которых должны быть: помощь в экономическом развитии, совместная борьба с угрозами безопасности, распространение демократических ценностей. Вполне ожидаемо, что политический истеблишмент прислушается к этим рекомендациям.

Использованные источники

1. Хаас Р. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: точка зрения политика // Информационно-аналитический портал Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4569> (дата обращения: 14.04.2016).
2. Rich An. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise. Ph. D. Dissertation. Yale University, 1999.
3. Lindquist E. A. Beyond the Myth: New Challenges for Think Tanks. 1997. URL: <http://www.nira.or.jp/past/publ/review/97autumn/alind.html>.
4. Виноградова Т. И. Фабрики мысли (think tanks) в США: особенности развития и роль в публичной политике // Сайт СПб центра «Стратегия». URL: http://strategy-spb.ru/Koi-8/Proekt/Programma/fabriki_misli/stati/fabr_misl_usa_vinogr.htm (дата обращения: 14.04.2016).
5. Global Go To Think Tanks Report 2015 // ScholarlyCommons, University of Pennsylvania. URL: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=think_tanks (дата обращения: 14.04.2016).

Т. В. Мармонтова

Российско-казахстанско-китайские проекты: международные транспортные коридоры

Аннотация: В данной статье рассмотрены возможности развития транспортно-логистического потенциала Евразии и взаимодействия в рамках геополитического треугольника Пекин — Астана — Москва. Автор отмечает большие перспективы развития ряда проектов в этой сфере. С точки зрения автора, географическое положение Республики Казахстан и экономическая ситуация в стране могут позволить ей сыграть важную роль в осуществлении данных проектов.

Ключевые слова: Евразия, геополитика, транспорт, коммуникации, экономика.

Об авторе

Таисия Викторовна Мармонтова (Астана, Республика Казахстан) — доцент кафедры регионоведения факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, кандидат исторических наук; marmontova@rambler.ru

T. Marmontova

Russian-Kazakhstan-Chinese Projects: International Transport Corridors

Summary: This article observes the prospects of the development of transport-logistic potential in the Eurasian region. The author analyzes possibilities and features of interactions in framework of the geopolitical triangle Beijing—Astana—Moscow. The author underlines that Kazakhstan plays an important role in the implementation of these projects. The author's point of view is based on analyzing of political strategy and economical situation in Kazakhstan.

Keywords: Eurasia, geopolitics, transport, communication, economy.

About the Author

Taissyia Marmontova (Astana, The Republic of Kazakhstan) — Associate Professor of Regional Studies Department, Faculty of International Relations, L. N. Gumiliev Eurasian National University, PhD in History; marmontova@rambler.ru

Любой крупный транспортный коридор — прежде всего геополитика. Экономика здесь играет подчиненную роль. Это особенно актуально для тех регионов, за которые идет конкурентная борьба между центрами силы. Евразийское пространство как раз относится к данной категории. На территории Евразии конкурируют несколько мегапроектов, направленных в том числе и на улучшение транспортно-коммуникационного потенциала: проект евразийской интеграции под патронатом России; новоосманский проект Турции; лоббируемый США проект «Новый Шелковый путь»; инициированный Китаем проект формирования Экономического пояса Шелкового пути.

Почти каждый проект предполагает создание новых инфраструктурных и транспортно-логистических объектов.

И, безусловно, каждый из них имеет свое геополитическое содержание [1, с. 30].

В рамках данной статьи сосредоточимся главным образом на той роли, которую транспортные коридоры играют в формировании геостратегического коридора Пекин — Астана — Москва. Данный треугольник является геополитически важным для Евразии, так как способствует развитию коммуникаций и обеспечивает ответ на целый комплекс вызовов, связанных с региональной безопасностью, таких как, например, вопросы урегулирования ситуации вокруг Афганистана. Гарантии сохранения безопасности в регионе могут быть обеспечены благодаря проведению координированной внешней политики КНР, РФ и стран Центральной Азии (ЦА), в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [2, с. 143–149].

Коммуникационный потенциал китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути»

Проекты возрождения Шелкового пути являются едва ли не самыми масштабными интеграционными инициативами современности. Многие столетия именно Шелковый путь был основным путем движения товаров из Азии в Европу. С появлением Южного морского пути этот путь оказался забытым. Однако с развалом СССР интерес к сухопутному транспортному коридору возродился, и одной из причин было то, что он гораздо короче, чем морской. Активно начали развиваться проекты с участием крупных международных игроков. Еще в начале 1990-х гг. ЕС и США в рамках программ ТРАСЕКА и ТАСИС начали возрождать Великий шелковый путь, видя в развитии транспортного потенциала новых государств способ поддержки независимости республик Центральной Азии и Южного Кавказа.

КНР с начала 1990-х гг. активно сотрудничала с проектами возрождения Шелкового пути в рамках западных программ ТАСИС и ТРАСЕКА. Затем, по мере роста экономических возможностей Китая, приоритетом в Центральной Азии стали различные программы двустороннего сотрудничества, например в контексте работы ШОС [3, с. 22–23].

Наиболее очевидным свидетельством активизации усилий Китая по усилению своего присутствия в Евразии, в частности в Центральной Азии, является проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Это одно из наиболее знаковых и новаторских проявлений современных тенденций: экономической глобализации и регионализации. На уровне политического руководства проект ЭПШП уже пользуется поддержкой Китая, России и стран Центральной Азии. Однако еще предстоит обсудить и решить множество вопросов, касающихся согласования интересов стран, связанных с ЭПШП, и разработать механизм взаимной координации усилий по реализации проекта [2, с. 143–149].

Китайская «шелковая» инициатива в значительной степени опирается на уже созданную в предыдущие годы экономическую базу сотрудничества с Россией и странами Центральной Азии. За последние годы КНР стал ведущим торговым партнером стран ШОС. По данным статистики за первую половину 2016 г. основными торговыми партнерами России были Китай (товарооборот составил 28,3 млрд долл.), Германия (18,2 млрд долл.) и Нидерланды (15,5 млрд долл.) [4]. КНР занимает второе место во внешнеторговом обороте Казахстана и Кыргызстана [5; 6].

Активно идет формирование новой транспортной инфраструктуры, соединяющей Китай с регионом ШОС и другими странами. Открыты новые железнодорожные линии, ведущие из КНР в Европу и Западную Азию по территории РФ и государств ЦА, сооружается автомагистраль Западный Китай — Западная Европа, проходящая через Казахстан и Россию. В постсоветский период построены автомобильные дороги, соединяющие Китай и Кыргызстан, Китай и Казахстан, Китай и Таджикистан. Расширяется сеть железнодорожного сообщения между КНР и Республикой Казахстан.

Инициатива ЭПШП является своего рода ответом на интеграционные проекты, существующие без китайского участия, — Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и продвигаемое США Транстихоокеанское торговое партнерство. Реализация концепции построения экономической «шелковой» зоны рассчитана на длительный период времени — на несколько десятилетий. Успех грандиозного проекта не гарантирован: сегодня ряд политических и экономических факторов препятствует достижению договоренностей между странами евразийского региона, а также между Китаем, с одной стороны, и государствами Евразии и Россией, с другой [7, с. 33–36].

Транспортно-коммуникационные проекты Российской Федерации

Система международных транспортных коридоров на территории России включает в себя Северный морской путь, а также два евроазиатских коридора («Север — Юг» и Транссиб). Транспортный коридор «Север — Юг» соединяет Балтийское море с Персидским заливом. Еще в сентябре 2000 г. в Санкт-Петербурге в ходе второй Международной евроазиатской конференции по транспорту между Россией, Ираном и Индией было подписано межправительственное соглашение о международном транспортном коридоре (МТК) «Север — Юг». В настоящее время он проходит по маршруту Бусловская — Санкт-Петербург — Москва — Рязань — Кочетовка — Ртищево — Саратов — Волгоград — Астрахань. Протяженность — 2513 км. Далее он разделяется на три ветви:

— Транскаспийскую: через порты Астраханской области (Астрахань, Оля) и Дагестана (Махачкала);

— Восточную: через железнодорожную сеть Казахстана, Узбекистана и Туркмении с выходом на Иран по пограничному переходу Теджен — Серахс;

— Западную: направление Астрахань — Махачкала — Самур, по территории Азербайджана с выходом на Иран через пограничную станцию Астара.

Наиболее подготовлена к работе в рамках данного международного транспортного коридора инфраструктура Казахстана. Большое значение для этого МТК имеет незамерзающий Актауский международный морской торговый порт. Через него осуществляются некоторые экспортно-импортные операции Ураль-

ского и Сибирского регионов, а кроме того, здесь проходит транспортный коридор в рамках программы ТРАСЕКА.

Наибольший вес в транспортной инфраструктуре Республики Казахстан как государства континентального имеет железнодорожный транспорт. На его долю приходится свыше 70% грузовых и более 60% пассажирских перевозок. По железной дороге идет поток грузов по коридору ТРАСЕКА на участке от пограничного перехода Достык до порта Актау. Нужно отметить, что коридор по программе ТРАСЕКА — единственный путь, связывающий страны Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), который не проходит по территории России.

С формированием ЕАЭС проблема обхода России с юга частично решилась, так как грузопоток все равно следует по единой с Россией таможенной территории. Альтернативой данному пути является «восточный луч» МТК, который в Казахстане называют «Великий мост». В рамках реализации проекта проложены железнодорожные линии на участках Жезказган — Саксаульская и Шалкар — Бейнеу, что позволило значительно сократить расстояние от станции Достык до порта Актау. Таким образом, через ветку Достык — Актогай — Атасу — Жезказган — Саксаульская — Актобе — Саратов появился выход на инфраструктуру МТК «Север — Юг». Такой транспортный коридор действительно может с большой степенью вероятности стать «Великим мостом» на пути из Китая в Европу [8].

Транспортные проекты на территории Республики Казахстан

Еще в январе 2008 г. была утверждена Концепция формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества, предполагавшая снятие барьеров в ходе международных перевозок для реализации

совокупного транзитного потенциала государств-участников.

Трансконтинентальный автодорожный коридор «Западная Европа — Западный Китай» является главным проектом отрасли начала XXI столетия. В его раз-

витии заинтересованы главные торговые партнеры Казахстана. В настоящее время подписаны межправительственные меморандумы с Россией, Китаем и Европейским союзом.

Общая протяженность коридора по маршруту Санкт-Петербург — Москва — Нижний Новгород — Казань — Оренбург — Актобе — Кызылорда — Шымкент — Тараз — Кордай — Алматы — Хоргос — Урумчи — Ланьчжоу — Чжэнчжоу — Ляньюньган составляет 8445 км. Из них по территории Российской Федерации проходит отрезок протяженностью 2233 км, Республики Казахстан — 2787 км, Китайской Народной Республики — 3425 км [9].

Основными положительными показателями данного проекта по сравнению с существующими альтернативными коридорами (автодорожный — Транссиб, морской — через Суэцкий канал) являются его протяженность и время нахождения в пути. Если при использовании морского коридора время нахождения в пути доходит до 45 суток, а по Транссибу — 14 суток, то по коридору «Западная Европа — Западный Китай» от порта Ляньюньгань до границ с ЕС время в пути составит около 10 суток. Проект обеспечит грузоперевозки по трем основным направлениям: Китай — Казахстан, Китай — Центральная Азия, Китай — Казахстан — Россия — Западная Европа [10].

Одной из самых больших инициатив, связанных с транспортом, считается Проект по развитию инфраструктуры наземного транспорта в Азии (АЛТИД) в рамках Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). В программе АЛТИД особое внимание уделяется строительству Азиатской шоссейной дороги и Трансазиатской железной дороги. Также предусмотрены работы по наземным транспортным коридорам между Центральной Азией и Европой и по транспортному

коридору порт Бендер-Аббас — Центральная Азия — Китай [11].

В то же время для повышения устойчивости региона к внешнеполитическим и экономическим рискам необходимо создание разветвленной коммуникационной инфраструктуры. Китай может принять активное практическое участие в реализации проектов Центральноазиатской железнодорожной сети, поскольку ее транзитные возможности позволяют диверсифицировать пути экспорта китайской продукции на западные рынки, открывают доступ к импорту ресурсов, способствуют модернизации западных районов КНР, обеспечивают быструю доставку военной техники, личного состава и необходимых грузов к районам возможных военных конфликтов. Китай также крайне заинтересован в выходах к Прикаспийскому региону для обеспечения альтернативных поставок углеводородного сырья в случае обострения ситуации в Персидском заливе или в Малаккском проливе. Таким образом, железные дороги стран Центральной Азии представляют геостратегическую значимость для Пекина.

Камнем преткновения в данной ситуации является ширина колеи, а также финансирование проекта. Китайской стороной предлагается строительство узкоколейной железной дороги, которая позволит значительно увеличить транзитные перевозки через страны СНГ. Функционирование железнодорожной линии с узкой колеей станет возможным только в транзитном режиме, что затруднит координацию казахстанской транспортной сети с международными перевозками и обусловит ее инновационное и техническое отставание. Узкоколейная железная дорога на территории Центральной Азии будет иметь не только экономическое, но и, возможно, военно-стратегическое значение для КНР, что гипотетически делает регион уязвимым в плане безопасности [12].

Геополитическое и геостратегическое значение транспортных коридоров в зоне Евразии

Курс на стыковку Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути был заявлен в 2015 г. лидерами России и Китая на майской встрече на высшем уровне в Москве.

Цель мегапроекта, который реализуется в двух вариантах — сухопутном и морском, состоит в попытке соединить Тихий океан с Балтикой через евразийское пространство.

Воплощение проекта предполагает решение трех важных задач.

Первая задача — строительство, развитие и совершенствование транспортной инфраструктуры Экономического пояса Шелкового пути, особенно в трансграничных районах. В результате должна быть сформирована транзитно-транспортная система, которая объединит государства Южной, Западной, Центральной Азии с Европой и Африкой.

Вторая задача — постепенное снижение (а в перспективе — полная ликвидация) торговых и инвестиционных барьеров между участниками ЭПШП, создание Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, ареал которой не ограничивается форматом АСЕАН. Пространство — вплоть до новых членов ЕС — рассматривается в перспективе как единая зона свободной торговли.

Третья задача — усиление многостороннего сотрудничества в финансовой сфере с прицелом на расширение возможности интернационализации юаня, поскольку инвестиции в инфраструктуру в основном будут китайскими.

В итоге планируется создать семь коридоров: транспортный, энергетический, торговый, информационный, научно-технический, аграрный и туристический. Для КНР это «увязка» внешнего сектора экономики с внутренними проблемами, попытка поднять экономически отсталые западные регионы страны и сделать их площадкой для «прыжка»

на Евразийский континент. Однако здесь проявляется разница позиций. В ЕАЭС большие надежды возлагаются на эффект от реинтеграции. У китайцев иной подход: они вначале налаживают сотрудничество с партнерами в двустороннем формате. И подобная тактика весьма продуктивна не только в отношении Центральной Азии и Евразии вообще: участниками ЭПШП согласились быть более 30 стран (в том числе и государства — участники ШОС) с общей численностью населения 3 млрд человек. Пекин уже подписал 11 соглашений о зоне свободной торговли с 19 странами. Кроме того, ведутся переговоры еще по семи ЗСТ, в которые войдут 23 страны. Совокупная стоимость проекта составляет 21,1 трлн долл.

Гипотетически из предлагаемых обстоятельств вытекает три возможных сценария развития взаимоотношений между ЕАЭС и ЭПШП: полное поглощение процесса евразийской интеграции китайским проектом; усиление конкуренции между ЕАЭС и КНР, что неминуемо приведет к чреватым последствиями антагонизму; объединение интересов и углубление сотрудничества в формате «интеграции интеграций».

Безусловно, последний вариант выглядит наиболее предпочтительным для всех игроков. В плане, прагматичном для ряда постсоветских государств, участие в ЭПШП открывает заманчивые перспективы осуществления того, о чем идет речь на протяжении уже четверти века: максимально задействовать масштабный транзитный потенциал, модернизировать транспортную и логистическую инфраструктуру, в которую Китай готов вкладывать колоссальные средства.

Оба проекта могут успешно стыковаться, даже несмотря на разницу в изначальных целях. Цель Евразийского экономического союза — развитие внутреннего рынка, создание новых и модернизация имеющихся производств

в альтернативных секторах экономики. Для Китая стратегически важен транзит. При этом и у России, и у Казахстана есть интерес в обоих проектах. Наряду с развитием собственных сухопутных и морских транзитных мощностей (Транссибирской магистрали — с возможными ответвлениями в Казахстан, и магистрали «Север — Юг» — в Иран через Кавказ) Москва заинтересована в пяти железнодорожных маршрутах из Китая в Германию, главным из которых является Чунцин — Синьцзян — Европа, а также в автомагистрали Западная Европа — Западный Китай.

Казахстан рассчитывает на еще две ветки ЭПШП. Одна из них — через Актау

на Кавказ с дальнейшим выходом в Турцию. Другая — выход на Ближний Восток через Туркменистан. Отдельные направления ЭПШП могут быть выгодны и имеют потенциал роста, однако решение об участии в проектах каждое государство должно принимать исходя прежде всего из целесообразности своего участия в них [13].

Таким образом, в данной ситуации на первое место выходят транспортная и инфраструктурная составляющие, дополняемые интеграционными механизмами. С реализацией мегапроекта сопряжения ЕАЭС и ЭПШП в Евразии появится и самый большой экономический блок [14].

Использованные источники

1. Сыроежкин К. Г. Транспортные коридоры на евразийском пространстве: экономика или геополитика // Транспортные коридоры Евразии: новые пути сотрудничества: материалы Международной конференции (20 апреля 2015 г., г. Астана) / отв. ред. Е. Т. Карин. Астана : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2015. С. 30–35.
2. Кожирова С. Б. Центральная Азия в стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» // Вторые Евразийские регионоведческие чтения «Центральная Азия и АТР: новые горизонты взаимодействия». Сборник научных трудов международной конференции. Астана : Изд-во ЕНУ, 2014. Т. 1. С. 143–149.
3. Казанцев А. А. Транспортные коридоры через Центральную Азию: как создать их интегрированную сеть в условиях геополитических противоречий? // Транспортные коридоры Евразии: новые пути сотрудничества: материалы Международной конференции (20 апреля 2015 г., г. Астана) / отв. ред. Е. Т. Карин. Астана : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2015. С. 19–25.
4. ФТС: внешнеторговый оборот России в январе — июле 2016 года // URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2016/08/05/0010> (дата обращения: 05.10.2016).
5. Анализ состояния внешней торговли Казахстана по состоянию на первый квартал 2015 г. // Национальное агентство по экспорту и инвестициям. Kaznex invest. — С. 5. URL: <http://www.kaznexinvest.kz/images/anonsi/Анализ%20внешней%20торговли%20Казахстана%20за%201%20полугодие%202015%20г.pdf> (дата обращения: 05.10.2016).
6. Внешнеторговый оборот Киргизии // Торговое представительство РФ в Киргизской республике. URL: <http://torgpredkg.ru/index.php/inform/informatsiya-o-kirgizskoj-respublike/2011-08-02-11-24-56> (дата обращения: 05.10.2016).
7. Чеклина Т. Н. Перспективы сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества в рамках проекта «Экономический пояс на Великом шелковом пути» // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 2. С. 33–36.
8. Баженов Ю. М., Грозин А. В. Международный транспортный коридор «Север — Юг» как фактор интеграции евразийского пространства // URL: <http://www.materik.ru/problem/detail.php?ID=15111> (дата обращения: 05.10.2016).
9. Дорога Западная Европа — Западный Китай // Официальный сайт Союза транспортников Казахстана. URL: http://www.kazlogistics.kz/ru/chain_cluster/road_west/ (дата обращения: 06.10.2016).
10. Значение проекта «Западная Европа — Западный Китай» в развитии регионов Казахстана // Новый путь в Европу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europe-china.kz/info/86> (дата обращения: 06.10.2016).
11. Абдуллаева Т. Состояние и перспективы развития транспортных магистралей Центральной

Азии // CA&CC Press® AB /Central Asia & Central Caucasus Press AB/ [Электронный ресурс]. URL: http://www.ca-c.org/journal/2001/journal_rus/cac-03/17.abdru.shtml (дата обращения: 06.10.2016).

12. Рахимов К. К. Геостратегические трансформации Центральной Евразии. URL: <http://profi.gateway.kg/transport/155-geostrat-tranform.html> (дата обращения: 06.10.2016).

13. Соколай О. ЕАЭС — Шелковый путь: как вписаться в «девятый вал» // Ритм Евразии

[Электронный ресурс]. URL: <http://m.ritm Eurasia.org/news-2015-05-31-eaes-shelkovyj-put-kak-vpisatsja-v-devjatyj-val-18165> (дата обращения: 06.10.2016).

14. ЕАЭС и Шелковый путь — основа для строительства новой Евразии. // Евразийский коммуникационный центр [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasiancenter.ru/politicsexperts/20150605/1004118210.html> (дата обращения: 06.10.2016).

С. Т. Сейдуманов

Отношение казахстанцев к интеграционным процессам

Аннотация: Статья посвящена особенностям проводимых в Республике Казахстан реформ Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева, а именно разработке стратегии «Казахстан-2050», Государственной программы инфраструктурного развития «Нұрлы жол» (Светлый путь) на 2015–2019 годы, Плана нации «100 конкретных шагов». Также рассказывается о причинах подписания Договора о Евразийском экономическом союзе и последствиях его действия, об участии на постоянной основе представителей парламентов стран Содружества в международном форуме «Евразийская экономическая перспектива», об отношении казахстанцев к интеграционным процессам. В статье показано, что, несмотря на все перипетии и сложности, Казахстан остается верным сторонником и драйвером евразийской интеграции.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, евразийская экономическая перспектива.

Об авторе

Серик Турарович Сейдуманов (Астана, Республика Казахстан) — депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Казахстан.

S. Seidumanov

Attitude of Kazakhstan People to Integration Processes

Summary: The article is devoted to peculiarities of the President's reforms held in the Republic of Kazakhstan, such as «Kazakhstan-2050» Strategy, the State program of infrastructure development «Nurly Zhol» (Bright Path) on 2015–2019, the National plan «100 specific steps». Also describes the reasons for the signing of the Treaty on the Eurasian Economic Union and the further consequences, the participation of representatives of the parliaments of the CIS countries in the international forum «Eurasian Economic Perspective», the attitude of Kazakhstan People to the integration processes. The article shows that despite all the troubles and difficulties, Kazakhstan remains a staunch supporter and driver of Eurasian integration.

Keywords: Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Eurasian economic prospect.

About the Author

Serik Seidumanov (Astana, Republic of Kazakhstan) — Member of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Social Sciences, Professor, Corresponding-Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.

Известно, что только точный анализ ситуации дает возможность правильного решения проблем. Сегодня перед Казахстаном, как и перед большинством стран мира, стоят два главных глобальных вызова. Первый из них обозначен в документах правящей партии «Нұр Отан» как кризис цивилизации. В Казахстане считают, что кризис цивилизации это одновременное наложение пяти разрушительных факторов планетарного значения: мирового экономического кризиса; мирового валютного кризиса, гонки девальваций; мирового геополитического кризиса; мирового миграционного кризиса; агрессивного

наступления и проявления мирового экстремизма. Кроме того, для всех развивающихся экономик, в том числе Казахстана, глобальным вызовом является наступление четвертой промышленной революции. От этих вызовов не уйти, страны должны не только их принять, но и найти адекватные ответы.

В XXI в. прогресс уже не воспринимается как сугубо экономический и технологический рост. Известно, что в переходную эпоху многократно возрастают риски кризисов, конфликтов и государственных катастроф. Каждая из стран рано или поздно оказывается перед «развилкой

исторического пути»: деградация, революция либо эволюционный путь развития. Политические волнения последних лет в арабском мире и на постсоветском пространстве наглядно продемонстрировали, что попытки «революционных скачков», какими бы благими идеями они не оправдывались, ведут страну к срыву развития, хаосу и деградации. Казахская модель — это эволюционный путь, при котором устойчивость общества обеспечивается реализацией проектов опережающего развития в экономической, политической и гуманитарной областях. В современных социально-экономических теориях выделяют три основных условия эволюции государства: выверенный стратегический план развития; наличие политического лидера, умеющего поставить и реализовать высокие цели; главным фактором развития становится человеческий капитал. Двигатель развития стран — мотивированные и высокопрофессиональные трудовые ресурсы. Там, где идет прирост трудовых ресурсов, страна процветает, где этот показатель снижается — деградирует. По одной из современных теорий — теории тройной спирали — механизмом развития являются: сильное государство, сильный бизнес и инновационные образование и наука, т. е. прогресс осуществляется не сугубо рыночными методами, определяющими силами становятся государственная воля, мобилизованное состояние нации и трудовой потенциал, иначе говоря, человеческий потенциал.

Предстоящие пять лет определяют судьбу стран Содружества в XXI в. В ответ на глобальные угрозы в Республике Казахстан выработан план действий — это реформы Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева. В Казахстане реализуется долгосрочная стратегия «Казахстан-2050», есть Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» (Светлый путь) на 2015–2019 годы, принят План нации «100 конкретных шагов» по пяти направлениям: формирование профессионального государственного аппарата; обеспечение верховенства

закона; индустриализация и экономический рост; идентичность и единство; создание подотчетного государства. План нации приблизит Казахстан к стандартам качества жизни развитых стран, так как он ориентирован на стандарты стран Организации экономического сотрудничества и развития. Пять реформ призваны сделать население Казахстана менее зависимым от государства, дать ему больше экономических свобод, снять еще оставшиеся бастионы консерватизма, патернализма и иждивенчества. Им на смену должны прийти мобильность, инициатива, труд. Государство при этом сосредотачивается на том, чтобы создавать возможности, снимать крайние дисбалансы, например бедность, обеспечивать защиту территории и населения. В Казахстане формируются правила, которые корреспондируются с общемировыми, они прозрачны и легко узнаваемы, что должно привлечь инвесторов. В обратном случае государство, как показывает мировой опыт, может стать анклавом и быть подвергнутым внешнему и внутреннему давлению. Новые программы — это поддержка человеческого капитала как ресурса экономического роста. Это, по нашему мнению, достойный путь нации к безопасному будущему сквозь мировой шторм.

В настоящее время внешнеполитический курс Казахстана осуществляется в обстановке обостряющейся мировой конкуренции и конфликтов, когда мировой порядок образца XX в. разрушился и прежние системы безопасности дают сбой. Казахстан на протяжении 25 лет независимости отличался миролюбивой, сбалансированной и многополярной внешней политикой. Предсказуемость и принципиальность республики в мировых делах создали авторитет и ресурс доверия Казахстану в мировой политике.

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев ранее предупреждал о все возрастающих политических рисках для Казахстана, что идет «перекройка» прежнего мироустройства, мир становится ареной все более ожесточенной конкуренции: «От Северной Африки и Ближнего Востока

до Северо-Восточной Азии протянулась гигантская дуга нестабильности. Претерпевает серьезные изменения баланс сил, как на глобальном уровне, так и в отдельных регионах планеты». В этих условиях востребована нынешняя роль Казахстана на международной арене.

Как известно, Н. А. Назарбаев является идеологом и инициатором евразийской интеграции. Модель интеграции была им предложена еще в 1990-е гг. Она предполагает равноправие государств — участников СНГ, решение всех вопросов путем консенсуса, сохранение национальных суверенитетов. В ходе первого официального визита в Россию 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев выступил с идеей формирования Евразийского союза государств. В июне 1994 г. детально разработанный интеграционный проект был направлен главам стран Содружества, а затем опубликован в прессе. Впервые в официальном документе новое интеграционное объединение было названо Евразийским союзом.

Евразийская интеграция сегодня стала частью мирового экономико-политического процесса. 29 мая 2014 г. в Астане на заседании Высшего евразийского экономического совета был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Договор обозначил переход евразийского экономического проекта на новый, более глубокий, уровень интеграции. 10 октября 2014 г. в Минске был заключен Договор о присоединении Республики Армения к ЕАЭС, а 23 декабря 2014 г. в Москве — Кыргызской Республики.

На современном этапе мирового развития невозможно представить себе деятельность какого-либо экономического субъекта в изоляции от окружающего мира. Сегодня благосостояние экономического субъекта зависит не столько от внутренней организованности, сколько от характера и степени интенсивности его связей с другими субъектами. Решение внешнеэкономических проблем приобретает первостепенное значение. Мировой опыт показывает, что обогащение субъ-

ектов происходит только посредством их интеграции друг с другом и с мировым хозяйством в целом.

Интеграция — неотъемлемая составляющая политического, экономического и культурного развития современного мира. В настоящее время большинство регионов в той или иной степени охвачено интеграционными процессами. Процессы глобализации, регионализации, интеграции — реалии современных международных отношений, с которыми столкнулись новые независимые государства. Вряд ли будет считаться преувеличением утверждение о том, что современный мир — совокупность региональных интеграционных объединений. Занимая место в каких-либо интеграционных процессах, государства — участники СНГ имеют возможность получения значительно больших материальных, интеллектуальных и иных средств, чем в одиночку. В экономическом отношении — это преимущества в привлечении инвестиций, укреплении производственных зон, стимулировании торговли, свободном перемещении капитала, рабочей силы и услуг. В политическом — снижение риска конфликтов, в том числе вооруженных.

Важно учитывать, что развитие интегрированной экономической системы возможно лишь на основе целенаправленных, компетентных и скоординированных усилий всех интегрирующихся субъектов. В большинстве случаев в основе интеграционных процессов лежат причины экономического характера, а также воздействие внешней среды — как правило, наиболее крупных и влиятельных субъектов мировой политики и экономики.

Интеграционные процессы в экономическом пространстве носят на данном этапе региональный характер, поэтому сегодня представляется важным рассмотрение проблем внутри самих региональных объединений.

После распада СССР и создания СНГ произошли кардинальные структурные преобразования, повлекшие за собой серьезные осложнения и снижение уровня жизни во всех странах — участницах Содружества. Развитие интеграционных

процессов в Содружестве Независимых Государств — прямое отражение внутренних политических и социально-экономических проблем государств-участников. Существующие различия в структуре экономики и степени ее реформирования, социально-экономическом положении, геополитической ориентации государств Содружества определяют выбор и уровень их социально-экономического и военно-политического взаимодействия. В рамках СНГ для новых независимых государств реально приемлемой и действующей стала интеграция «по интересам». Этому способствовали и основополагающие документы СНГ. Они не наделяют это международно-правовое объединение государств в целом либо его отдельные исполнительные органы наднациональными полномочиями, не определяют действенные механизмы реализации принимаемых решений. Форма участия государств в Содружестве практически не налагает на них никаких обязательств. Так, в соответствии с Правилами процедуры Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ любая страна, входящая в Содружество, может заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе, что не рассматривается как препятствие для принятия решений. Это позволяет каждому государству выбирать формы участия в СНГ и направления сотрудничества. Несмотря на то что в последние годы между бывшими советскими республиками устанавливались и сейчас преобладают двусторонние экономические отношения, на постсоветском пространстве в рамках СНГ возникли объединения отдельных государств (союзы, партнерства, альянсы): Союзное государство (Беларусь, Россия), Центрально-Азиатское экономическое сообщество (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), Таможенный союз (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан), Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). С 2014 г. к ним добавился Евразийский экономический союз (Армения,

Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия). Эти «разноформатные» и «разноскоростные» интеграционные процессы отражают сложившиеся реалии в постсоветских государствах, интересы лидеров и части формирующейся национально-политической элиты постсоветских государств.

Особую роль занимают в интеграционных процессах парламенты стран Содружества. Так, в апреле 2015 г. в Петербурге встретились главы и представители национальных парламентов Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России. Все пять государств в 2014 г. подписали договор об участии в Евразийском экономическом союзе. В Президентской библиотеке им. Б. Н. Ельцина прошел международный форум «Евразийская экономическая перспектива». На встрече речь шла о развитии общего экономического пространства в ближайшие два года. На форуме подчеркивалось, что требуется унифицировать существующее законодательство стран-участниц и создать новые общие регламенты, например Таможенный кодекс, регулярно проводить форумы и круглые столы с участием экспертов из разных областей, создать условия для рынков труда, взаимопризнания национальных лицензий и т. д. По словам Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина, около 40 стран уже ведут переговоры о создании зоны свободной торговли с ЕАЭС, особый интерес к экономическому союзу проявляет Вьетнам. Председатель Государственной Думы предложил также создать отдельное направление в образовательных программах по изучению евразийской интеграции.

В октябре 2015 г. в Астане успешно прошел очередной форум «Евразийская экономическая перспектива», который добавил новый важный аспект в работу таких конференций — подготовку и внесение на рассмотрение глав государств — участников ЕАЭС дорожной карты по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Казахстанская делегация внесла пять новых предложений, которые

будут актуальны в будущем. Во-первых, это развитие транспортной инфраструктуры, соединяющей все страны-участницы, и ее интеграция в международные транспортно-коммуникационные коридоры. В 2016 г. Казахстан завершает строительство казахстанского участка в 2700 км автомобильной дороги Западная Европа — Западный Китай, которая позволит в 3,5 раза сократить сроки доставки грузов в Европу. Это позволит реализовать программу транспортно-коммуникационного взаимодействия государств — членов ЕАЭС и Китая. Во-вторых, это даст возможность Евразийской комиссии совместно с отраслевыми министерствами государств-членов подготовить программу промышленного развития стран Евразийского экономического союза, в том числе и в свете взаимодействия с Китаем по Экономическому поясу Шелкового пути. В-третьих, сотни лет Великий шелковый путь служил проводником распространения новых знаний. Поэтому было предложено проработать вопрос развития сотрудничества научно-исследовательских институтов и вузов ЕАЭС и Китая. В-четвертых, предложено создавать возможности для использования ресурсосберегающих, альтернативных и возобновляемых источников энергии. Это актуально в преддверии проведения в июне — сентябре 2017 г. в Астане международной специализированной выставки «Экспо» на тему «Энергия будущего». Кроме того, в Казахстане проводится активная работа по созданию Международного финансового центра и Международного арбитражного центра по аналогии с Дубайским, которые будут расположены на территории строящегося выставочного комплекса «Экспо». Все это позволяет профильным министерствам государств — членов ЕАЭС подготовить концепцию инновационного сотрудничества между государствами — членами Евразийского экономического союза.

8 апреля 2016 г. в Бишкеке прошел V международный форум «Евразийская экономическая перспектива». В мероприятии приняли участие депутаты Нацио-

нального Собрания Республики Армения, Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Парламента Республики Казахстан, Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, представители Правительства, министерств и ведомств Кыргызской Республики, Евразийской экономической комиссии и других международных организаций. На открытии форума Председатель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики А. Ш. Жээнбеков отметил, что вхождение Кыргызской Республики в ЕАЭС совпало с замедлением роста глобальной экономики, санкционными войнами, углублением экономических кризисов в государствах региона. Он также подчеркнул необходимость совершенствования механизмов сотрудничества по движению товаров, капитала, трудовых ресурсов и услуг, актуальность развития кыргызского агропромышленного комплекса для Евразийского экономического союза и создания транспортно-логистических центров. Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкин заявил, что полноправное членство Кыргызстана в ЕАЭС открывает перед республикой широкие перспективы, снимает преграды для передвижения товаров и услуг, дает новые возможности в области инвестиций, развития крупных проектов прежде всего в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства и других областях, и подчеркнул, что позитивным результатом для кыргызской стороны от вступления в Евразийский экономический союз является решение проблемных вопросов в миграционном законодательстве, снятие таможенного и санитарного барьеров. Казахская делегация отметила интеграционную приоритетность ЕАЭС для стран-участниц, а также акцентировала внимание на значительном экономическом потенциале данного международного объединения и позитивных перспективах развития сотрудничества ЕАЭС с различными международными интеграционными объединениями и государствами Европы

и Азии, в том числе в вопросе о создании зоны свободной торговли с ШОС. Также была отмечена необходимость дальнейшего развития приграничного сотрудничества и углубления межпарламентского взаимодействия государств — членов ЕАЭС. В целом большинство выступающих были единодушны в том, что форум дает возможность странам — членам ЕАЭС совместно проанализировать проделанную работу и наметить перспективы повышения роли парламентов в дальнейшем развитии данного объединения.

Проблематика становления новой государственности в постсоветских странах, зарождения и развития межгосударственных отношений, вхождения их в международное сообщество, проблемы формирования и функционирования интеграционных объединений активно исследуются во всех странах ЕАЭС. В связи с этим можно рассмотреть отношение казахстанцев к интеграционным процессам. Так, по результатам социологических исследований 2014 г., о заключении Договора о Евразийском экономическом союзе в Казахстане были осведомлены 72% опрошенных, а поддержали это решение 86%. Несмотря на все перипетии и сложности, Казахстан оставался верным сторонником евразийской интеграции. На вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о Евразийском экономическом союзе?» получены следующие ответы: смотрю по ТВ — 86%, читаю в газетах — 27%, узнаю от ближнего окружения, родственников, друзей — 23,3%, слышу по радио — 21%, видел рекламный щит — 4,3%, в Интернете — 3%, слышал на встрече с информационно-пропагандистской группой — 1,8%, другое — 0,1%, затруднились с ответом — 0,9%. На вопрос: «Какое из суждений относительно создания Евразийского экономического союза в большей степени отражает вашу собственную точку зрения?» ответы получены следующие: 61,9% респондентов считают, что «в результате экономической интеграции произойдет увеличение благосостояния граждан стран-участниц, усиление их экономик за счет развития производства», 16,2% — «вслед за экономи-

ческой интеграцией последует интеграция в политической, военной, гуманитарной, культурной и других сферах, что приведет к потере независимости и суверенитета Казахстана», 6,5% опрошенных полагают, что «создание союза может быть выгодным только для России, для других стран это не выгодно», при этом 15,4% опрошенных затруднились с ответом.

Данное социологическое исследование показало, что, по мнению респондентов, интеграционные процессы в основном ориентированы на развитие конкурентоспособности экономик и, в конечном счете, социальных систем. Казахстанцы понимают уровень внешних рисков и важность консолидации по принципу «главное, чтобы был мир». Так, лидерами по уровню поддержки создания Евразийского экономического союза стали приграничные регионы. За интеграцию больше выступают респонденты с высшим образованием и получившие научную степень. Среди приверженцев интеграции — граждане, имеющие банковский депозит. В ее пользу говорят больше сельчане. Среди поддерживающих интеграцию — работники государственных организаций и частных компаний, хотя реже — крупных национальных компаний и холдингов. Лучше к интеграции относятся руководители высшего уровня, в меньшей степени — предприниматели и средний руководящий состав. Мужчины более консервативны и менее оптимистично рассматривают экономический союз. Более широкая поддержка Евразийского экономического союза у старшего поколения. Лучше всего к интеграции относятся служащие государственного сектора и силовых структур, а также занятые в сельском хозяйстве, далее — работники промышленного производства, хорошо относятся трудящиеся в торговле. Менее всего поддерживает ЕАЭС финансовый сектор. Осторожно относятся к интеграции работники сферы строительства, услуг, энергетической и добывающих отраслей.

В порядке приоритетности казахстанцами фиксируются следующие три вектора сотрудничества: экономический, политический, социально-культурный.

Наиболее предпочтительным регионом взаимодействия для казахстанцев выступает пространство Таможенного союза, Единого экономического пространства (Беларусь, Россия), и, конечно, Евразийского экономического союза. США и страны Европы рассматриваются как важные партнеры. Центральная Азия в целом и отдельные страны, входящие в ее состав, не являются приоритетами для международного сотрудничества. При этом расширение зоны взаимодействия в границах Центральной Азии за счет более тесных контактов с Афганистаном не воспринимается в массовом сознании как приемлемое.

В этих условиях для снижения уровня еще имеющегося негативного отношения к Евразийскому экономическому союзу в Казахстане было начато продвижение нового дискурса, в рамках которого основными установками стали следующие положения:

— сотрудничество стран в рамках Евразийского экономического союза назрело давно, однако по ряду причин не переходило в практическую плоскость, оставаясь лишь декларацией намерений;

— руководство Беларуси, Казахстана и России проявило политическую волю, форсировав на последнем этапе заключение необходимых соглашений;

— фундаментальные изменения не могут быть безболезненными и одинаково выгодными всем участникам хозяйственных отношений во всех трех странах. Вступление Казахстана в Евразийский экономический союз с Россией и Беларусью несет как положительные, так и некоторые отрицательные перемены для казахстанского бизнеса. Однако первые, бесспорно, преобладают. При этом ставка делается на развитие конкурентоспособного казахстанского бизнеса.

Особо подчеркивается, что при выдвигании и продвижении международных инициатив, в том числе тех, которые могут интерпретироваться как интеграционные, необходимо соблюдение баланса интересов, получившего отражение в концепции многовекторности внешней политики Казахстана.

В информационно-пропагандистской работе более активно стали использоваться термины «суверенитет» и «независимость». Оптимальной стратегией продвижения позиции Казахстана относительно политической составляющей Евразийского экономического союза стало совмещение четкой, подкрепленной фактами критики любых попыток политизации этой структуры с одновременным указанием на то, что Казахстан поддерживает любые формы интеграции, не ограничивающие его суверенитета.

Выдвижение интеграционных инициатив со стороны руководства Казахстана, а также активизация деятельности страны в имеющихся международных структурах ныне сопровождается идеологической работой, направленной на разъяснение населению, прежде всего — представителям среднего класса и малообеспеченным слоям, тех преимуществ, которые получают государство и конкретные люди.

Евразийская интеграция — это деятельность национального бизнеса в условиях жесткой конкуренции на открытых мировых рынках. Евразийская интеграция призвана повысить конкурентоспособность страны и национального бизнеса, а значит, приближает Казахстан к целям ее продвижения — вхождение к середине XXI в. в число развитых стран мира. Создание Евразийского экономического союза как новый этап интеграции дает Казахстану логистический прорыв — доступ к российской и белорусской транспортной инфраструктуре, казахстанский бизнес получает конкурентные логистические возможности, исключительно важные в условиях сегодняшней ожесточенной мировой конкуренции. Евразийскую интеграцию, на наш взгляд, нужно рассматривать также в контексте четвертой промышленной революции. Это позволит, например, осуществить стратегию «Казахстан-2050», которая предполагает строительство крупных промышленных объектов, участие в производственной кооперации и трансферте технологий, а всем странам, входящим в ЕАЭС, — иметь развитые экономики, достигнуть благополучия и процветания.

И. В. Чернов, Р. Г. Шамгунов

Миграция и интеграция на европейском и евразийском пространстве: лингвистические императивы

Аннотация: В статье раскрывается роль лингвистического фактора в миграционных и интеграционных процессах на евразийском пространстве. Авторы рассматривают языковой коллектив как первооснову любой социальной и политической организации. Миграционные процессы в значительной степени влияют на развитие современного государства, а продуманная лингвистическая политика становится одним из важнейших гарантов его сохранения.

Ключевые слова: миграция, интеграция, нация, языковое сообщество, языковая политика.

Об авторах

Игорь Вячеславович Чернов (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук; i.chernov@spbu.ru

Руслан Габдрашитович Шамгунов (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук; ruslan.shamgunov@gmail.com

I. Chernov, R. Shamgunov

Migration and Integration at the European and Euroasian Spaces: Linguistic Imperatives

Summary: In article reveals the role of a linguistic factor in migratory and integration processes on the Euroasian space. The authors consider language collective as a fundamental principle of any social and political organization. Migratory processes substantially influence the development of the modern state, and the thought-over linguistic policy becomes one of the major factor of his preservation.

Keywords: migration, integration, nation, linguistic community, linguistic policy.

About the Authors

Igor Chernov (St. Petersburg, Russian Federation) — Associate Professor of the Department of World Politics of School of International Relations of Saint-Petersburg State University, PhD; i.chernov@spbu.ru

Ruslan Shamgunov (St. Petersburg, Russian Federation) — Associate Professor of the Department of International Relation in Postsoviet Space of School of International Relations of Saint-Petersburg State University, PhD; ruslan.shamgunov@gmail.com

Еще древнеримский писатель и политический деятель Цицерон (I в. до н. э.) писал о Риме как о *civitas ex nationum conventu constituta* («обществе, состоящем из различных собравшихся национальностей») [1]. По его мнению, именно это обстоятельство играло ключевую роль в росте масштабов воровства, насилия и разгуле преступности, которые стали повседневным явлением в Риме того времени. В имперскую эпоху уже Сенека, Тацит и Ювенал выражали свою озабоченность наплывом иностранного насе-

ления, которое трансформировало город и лишало его «исконной природы». Тем не менее имперские амбиции и военно-политическая интеграция Средиземноморья не могли не сопровождаться миграционными процессами, а озабоченность древних авторов оказалась несколько преждевременной: Римская империя только входила в эпоху своего расцвета и просуществовала еще около 500 лет.

Очевидно, что любой интеграционный процесс между государствами приводит не только к усилению экономического

и политического сотрудничества, но и к снятию миграционных барьеров внутри интеграционного объединения, к созданию общего рынка труда и капитала. Несмотря на очевидные отличия между такими интеграционными объединениями как Европейский союз (ЕС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), многие закономерности и проблемы, с которыми сталкиваются эти организации, схожи. Например, проблемы, связанные с миграционными потоками. Причем речь скорее идет не о развитии сотрудничества между ЕС и ЕАЭС в этой сфере (так, например, проекты Европейского союза на Украине приживались с большими сложностями и нередко оказывались неэффективными, способствуя обострению социальной напряженности и росту конфликтного потенциала в стране и регионе в целом [2]), а о значительном сходстве происходящих процессов, позволяющем использовать чужой (в том числе и негативный) опыт.

10 октября 2000 г. был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. В отличие от своих предшественников Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) получило международный статус и стало субъектом международного права. В рамках ЕврАзЭС действовал безвизовый режим передвижения граждан стран-участниц и упрощенный порядок получения ими гражданства в государствах Сообщества, на территории всех этих стран признавались сертификаты, ученые степени и документы о получении образования, выданные в любом государстве ЕврАзЭС. С 1 января 2015 г. вместо Евразийского экономического сообщества начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Поскольку на пространстве ЕврАзЭС реализуется модель разноскоростной интеграции, в 2010 г. был создан Таможенный союз (ТС), включивший в себя только три страны — Беларусь, Казахстан и Россию, — готовых выполнять взятые на себя обязательства. В 2012 г. с участием этих стран было сформировано Единое эко-

номическое пространство (ЕЭП). Подписанные в рамках ЕЭП соглашения предусматривают свободу передвижения капитала и труда, общую политику конкуренции, координирование макроэкономической политики, торговли услугами, технических стандартов, а также доступа к газо- и нефтепроводам, электросетям и железнодорожным сетям [3].

На постсоветском пространстве Беларусь, Казахстан и Россия фактически сформировали ядро интеграционных процессов, к которому примкнули Армения и Кыргызстан, а Таджикистан выразил свое желание последовать их примеру. В том, что экономики этих республик выиграют от присоединения, сомнений не возникает. Другой вопрос, насколько присоединение этих государств способствует развитию реальной интеграции. Кыргызстан с его непрекращающимися политическими и экономическими потрясениями представляет для партнеров в большей степени источник проблем, а не выгоды. Трудно привести иные, кроме геополитических, причины его присоединения к Единому экономическому пространству. То же самое можно сказать об Армении и Таджикистане, хотя с политической стабильностью там пока все в порядке. Единственное, что способны реально дать эти республики для интеграции, это трудовые ресурсы.

Если в 1990-е гг. основную часть потока мигрантов, приехавших в Россию, составляли русскоязычные граждане, покинувшие бывшие союзные республики из-за подъема волны национализма, то в 2000-е гг. основной поток мигрантов — граждане новых суверенных государств, отправившиеся в Россию в поисках заработка.

Ежегодно в Россию на заработки приезжало до 7 млн мигрантов, минимум четверть из них — на нелегальной основе, 60% мигрантов — выходцы из стран Центральной Азии [4]. По данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, на июль 2014 г. в стране находилось 11,1 млн иностранцев, примерно 3,7 млн — нелегалы [5].

Россия стала второй страной мира по количеству мигрантов на ее территории, уступив лидерство лишь США. Однако появление нескольких миллионов дополнительных рабочих рук не создавало проблем на рынке занятости, поскольку на рабочие места, занимаемые трудовыми мигрантами, россияне не претендовали из-за неудовлетворительных условий труда или его низкой оплаты. Значительная часть мигрантов — в основном низкоквалифицированная рабочая сила — занята в торговле и строительстве.

С созданием Евразийского экономического союза, одним из ключевых условий функционирования которого является свобода передвижения рабочей силы, возможностей для трудовой миграции станет больше, что создает определенные проблемы для всех участников миграционных процессов.

Например, для России это проблема появления рабочих-мигрантов, плохо владеющих русским языком либо не знающих его вовсе, не соблюдающих правил поведения, принятых в стране, что приводит к конфликтным ситуациям. Положение усугубляет отсутствие или непроработанность процедур и механизмов интеграции и натурализации мигрантов.

Не менее серьезной проблемой является перевод заработанных мигрантами средств за рубеж: в 2006 г. объем трансакций из Российской Федерации в страны СНГ, по данным Центробанка, составил 1,29 млрд долл., а экономический ущерб из-за неуплаты налогов, причиненный нелегальным вывозом денег, — более 8 млрд долл. [6] В 2015 г. трудовые мигранты перевели в родные страны 33 млрд долл. [7] И это при том, что в России ухудшилась экономическая ситуация, вызванная падением цен на нефть и девальвацией российского рубля. Российские власти ожидали сокращения масштабов трудовой миграции из стран Центральной Азии на 70% [8]. Если приток мигрантов и сократился, российская экономика этого не заметила. Основными адресатами денежных переводов из России являются граждане

Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Украины.

Россия — не единственная страна ЕЭП, принимающая трудовых мигрантов. Привлекателен для мигрантов и Казахстан, который по темпам экономического развития, по средней заработной плате обогнал Россию. В Казахстане не была проведена девальвация национальной валюты, поэтому нет ничего удивительного, что республика импортирует трудовые ресурсы из России. По данным за 2014 г., в страну приехало 8 тыс. россиян [9] — больше, чем из любой другой страны постсоветского пространства. Как и в России, в Казахстане большинство мигрантов работают в строительном секторе.

Для стран-доноров отток квалифицированных кадров создает проблемы в сфере экономического развития, обрекая их на экономическое отставание. Например, в Казахстане за последние годы число эмигрантов с высшим образованием превысило число иммигрантов с высшим образованием на 65% [10]. Однако важно также помнить, что в Россию и Казахстан приезжают те, кто не может найти работу дома, т. е. в результате снижается уровень безработицы, в некоторой степени спадает напряженность в стране, в страну-донор поступают огромные деньги: для Кыргызстана, например, денежные переводы из России составляют 20% национального бюджета. Правда, если руководство государства совсем перестанет заботиться о населении страны, то никакие денежные переводы не спасут. Это на себе испытали президенты Кыргызстана.

В целом нужно согласиться с утверждением специалистов, что миграционные процессы являются важнейшей составляющей международного сотрудничества на пространстве Евразийского экономического союза [11]. Опыт миграционной политики, накопленный не только странами — участницами Таможенного союза (ТС) или Единого экономического пространства, но и другими интеграционными объединениями (например, ЕС),

необходимо учитывать при расширении и углублении интеграционных процессов.

Одним из главных вопросов, по которому разворачиваются политические дебаты в современной Европе, остается сама концепция нации, которая подвергается сомнению как «политкорректным» переносом понятия мультикультурализма с уровня межгосударственного на уровень этноса и государства, так и изменением этнического и конфессионального состава населения Европы (например, Франции).

Данный демографический фактор — стремительный рост иммиграции, приводящий к изменению этнического состава нации — продолжает оказывать значительное влияние на внутреннюю ситуацию во Франции в политической, экономической и культурной сферах. Согласно статистике 1999 г. граждане, живущие во Франции на протяжении не менее трех поколений, составляли 77% населения страны, а первое и второе поколение иммигрантов — 23% (около 13,5 млн человек), из которых 7,4% (4,3 млн человек) родились за границей от родителей-нефранцузов. Статистика пытается отслеживать и родной (т. е. тот, на котором родители воспитывали детей) язык жителей Франции. По данным 1992 г. стандартный французский язык считали родным всего 68% населения страны. Что касается религиозной принадлежности, то в 2005 г. мусульманское население Франции насчитывало около 6 млн человек (10%), и миграционный поток (легальный и нелегальный) во Францию не уменьшается [12].

Очевидно, что в таких условиях голлистская концепция «нация-этнос» как концепция высшей идентичности начала ставиться под сомнение. Лидеры ультранационалистического Национального фронта осторожно пытались реанимировать понятие «французский этнос» (по терминологии Ю. И. Рубинского, «деградация французской национальной идеи» [13, с. 50]). В свою очередь, идеологи левого и центристского лагеря

начали требовать признания мультиэтничности и мультикультурализма французской нации. Появился даже новый термин — «коммунотаризм», означающий верность своей особой идентичности, превалирующей над уважением прав и обязанностей, накладываемых гражданством.

По мнению многих французов, Франция была создана политической волей, а не географическим детерминизмом. Централизация государства, культивирование его авторитета были направлены на то, чтобы заставить бретонцев, провансальцев, эльзасцев, жителей Иль-де-Франса и т. д. жить вместе. Однако именно духовная унификация различных этносов делала государство сильным, потому во Франции и было изобретено столько методик гомогенизации, призванных разрушить соперничающие идентичности. Во имя единства нередко отвергались не только плюрализм, но и толерантность. Этот революционный идеал нации был полностью воспринят де Голлем, но с тех пор подобная «сконструированная» идентичность нации стала предметом идеологического «франко-французского» конфликта, и сама идея нации находится под вопросом.

Как отмечает Ю. И. Рубинский, французы ощущают угрозу своей национальной идентичности, исходящую «как извне, под воздействием процессов европейской интеграции и глобализации, так и изнутри — ввиду продолжающегося притока иммигрантов из третьего мира. Под вопросом оказалась сложившаяся веками модель монокультурного общества, которая компенсировала неоднородность его этнических корней за счет ассимиляторской политики государства» [13, с. 54].

С точки зрения П. Бирнбаума, задачей современного французского общества является преодоление традиционного «схематичного» взгляда на нацию. Так как во Франции существует множество различных социальных групп, продолжается постоянная иммиграция и формируется даже «общество иммиграции»

(близкое к США), то идентичность современного французского общества состоит из многих внутренних идентичностей, которые должны сохранить свою легитимность. В современном обществе национальная идентичность не должна противостоять распространению многообразия и мультикультурализма [14].

Как пишет А. Кузнецов, «с начала 1970-х годов Канада, а затем США, Австралия и некоторые другие государства пошли по пути утверждения принципа мультикультурализма в качестве основы своей политики. Политика мультикультурализма была призвана обеспечить не только индивидам, но и их объединениям возможность сохранения своих культурных особенностей, поддерживая тем самым определенный баланс между коллективными и индивидуальными правами. Сегодня многие зарубежные теоретики и практики рассматривают принцип мультикультурализма как наиболее адекватный ответ на вызовы этнического сепаратизма и этнонационализма» [15, с. 10]. Так, «американский политолог Д. Холиндер видит решение этой задачи в формировании постэтнических наций на основе космополитической модели мультикультурализма» [15, с. 12].

Персонаж книги Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» Шалтай-Болтай (Humpty Dumpty) говорит: «When I use a word it means just what I choose it to mean» («Когда я использую какое-нибудь слово, оно означает именно то, что я хочу, чтобы оно значило»). У термина «мультикультурализм» много значений. «Толковый словарь английского языка Collins предлагает следующее: “Политика поддержания разнообразия этнических культур в рамках общины, общества”... Впрочем, неуклюжее слово “мультикультурализм” и не задумывалось как точное определение. Похоже, более широкая его трактовка предполагалась изначально» [16]. Мультикультурализм не вызывает сомнений как часть гуманистической идеологии международных организаций (например, таких как «Франкофония» — Международная организация франкофонии).

Вероятно, он оправдан как естественный результат развития общественной мысли иммигрантского многонационального и многокультурного американского общества. Но его привязка к иммиграционной и интеграционной политике европейских стран вызывает серьезные сомнения.

В последние десятилетия мультикультурализм как идеология и политическое явление стал важным фактором жизни европейских стран. Зачастую он рассматривается как логическое продолжение политического плюрализма, лежащего в основе современной демократии, и воспринимается как культурный плюрализм, необходимый в любом современном цивилизованном обществе. Однако эта логическая связь не столь бесспорна, как кажется на первый взгляд. Очень часто культурный плюрализм выступает в качестве противника политического плюрализма. Кроме того, сама современная европейская демократическая система существует на основе национального государства, что противоречит идеологии мультикультурализма. О сложностях, возникающих при практическом применении концепции мультикультурализма, все чаще говорят ведущие политики и публицисты ряда европейских государств. В 2010 г. о крахе политики мультикультурализма заявила канцлер Германии А. Меркель. «Во время конференции молодежной организации Христианско-демократической партии в Потсдаме Меркель заявила, что мигранты, приезжающие на работу в Германию, должны говорить по-немецки, поскольку только в этом случае они могут стать полноценными участниками рынка труда. “В начале 1960-х наша страна пригласила иностранных рабочих в Германию, и сейчас они здесь живут, — отметила канцлер. — Некоторое время мы сами себя обманывали и говорили себе: «они у нас не останутся, когда-нибудь они уедут», но так не произошло. И, конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход

провалился, совершенно провалился» [17].

В этом же духе высказывались премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон (2011 г.) и бывший президент Франции Н. Саркози. Последний полностью поддержал позицию германского канцлера: «Да, это провал. Правда заключается в том, что во всех наших демократиях слишком пекутся об идентичности тех, кто прибывает, и слишком мало — об идентичности принимающей стороны... Конечно, нужно уважать отличность каждого от других, но общество, в котором общины сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным. Если кто-то с этим не согласен, пусть не приезжает во Францию. Наши соотечественники, исповедующие ислам, должны иметь возможность жить и практиковать свою религию, как и все другие наши сограждане (принадлежащие другим конфессиям)... Но речь должна идти лишь о французском исламе, а не исламе во Франции... Французское общество не хочет менять свой образ и стиль жизни, отказываться от равенства между мужчинами и женщинами... свободы для девочек ходить в школу» [18].

Критика мультикультурализма становится все более актуальной для политической публицистики, причем не только правой, но и левой (достаточно вспомнить книгу немецкого социал-демократа Т. Саррацина «Германия: самоликвидация»). Даже Ф. Олланд, избранный президентом Франции от Французской социалистической партии на вопрос философа Э. Морена: «Не пора ли внести во французскую конституцию статью о том, что “Франция является светской, единой, неделимой и мультикультурной республикой”?», ответил: «Франция создавалась путем последовательной интеграции — сначала своих провинций, затем того населения, которое прибыло обогатить нацию. Это заставило написать Фернана Броделя, что “Имя Франция — разнообразие”. Однако понятие “мульти-

культурализм” порождает двусмысленность и позволяет думать, что мы общество, в котором больше не существует общих ценностей. Речь идет не об уничтожении каких-либо этнических корней или безразличном отношении к ним, а о том, чтобы создать условия, при которых французы будут ассоциировать себя с Республикой. Я предпочитаю укрепить светскость нашей Конституции (так как светскость является великим принципом свободы: ко всем гражданам, представителям всех конфессий следует относиться одинаково) и дух братства (принцип светскости позволит нам жить всем вместе, иметь равные права и обязанности)» [19].

И все же, как представляется, идея мультикультурализма остается главенствующей в интеллектуальной жизни современного Запада, соотносится в основном с положительными коннотациями, и любая ее критика зачастую рассматривается как расистская.

Этот феномен, видимо, нуждается в объяснении. Сама идеология мультикультурализма является интеллектуальным продуктом, созданным за океаном, в США и Канаде (канадское правительство П. Трюдо в 1971 г. ввело в действие «Акт о мультикультурализме»). И это не случайно. Очевидно, что американское общество, как общество иммигрантов, в отличие от европейского, имеет свои особенности, и мультикультурализм естественным образом вырос на американской почве. После краха американской политики расовой сегрегации и дискриминации (отсутствующей в Европе в таких формах!) в 70–80-е гг. XX в. господствующей идеологией межрасовых взаимоотношений в США стала идея «color-blind». Но эта идеология столкнулась с тем, что упразднение расовой дискриминации не ведет к исчезновению культурных различий. А реализация политики мультикультурной политкорректности невозможна иначе как с позиции базовых культуры и языка, что, в свою очередь, приводит к культурной дискриминации и порождает напряжение в инокультурных

общностях. Мультикультурализм стал своего рода ответом на такой вызов.

Представители же разных американских так называемых рас — афроамериканцы, индейцы, латинос — отказались от предложенной им расовой и культурной «бесцветности». Наоборот, с точки зрения сторонников концепции мультикультурализма, «race is everywhere» («этничность присутствует везде») [20]. Причем в американском иммигрантском обществе, пережившем длительный этап эволюции, данная концепция вполне применима и нормативна в условиях мирового господства американской культуры и языка. Иное дело в европейских странах, которые никогда не были обществами иммигрантов. Данная идеология, искусственно пересаженная на европейскую почву, становится фактором межэтнической розни, распада нации (в контексте европейского понимания государственности) и ведет к росту ультраправых националистических движений с неорасистской идеологией.

Все это является естественным результатом применения на практике политики мультикультурализма в его американском понимании. Отчасти здесь можно говорить о том, что политика мультикультурализма сталкивается с собственными принципами, построенными на признании многообразия культур. Европейская культура, в отличие от американской, зачастую не принимает его практики. Национальный вопрос в Европе осложнен множеством проблем: провальной иммиграционной политикой и ксенофобией, исламским экстремизмом и исламофобией, проблемами с интеграцией и кризисом политики ассимиляции. Именно иммиграционная волна порождает всплеск ультраправых неорасистских настроений. Мультикультурализм, подрывающий основы ассимиляции иммигрантов, их усиливает.

Таким образом, мультикультурализм и теоретически, и практически является питательной почвой для неорасизма и нового апартеида. Что мы имеем в виду, когда говорим о неорасизме?

Левые американские и американизированные европейские интеллектуалы в дискуссиях по национальному вопросу часто навешивают ярлыки на своих идеологических противников, обвиняя их в расизме и фашизме. Причем эти пропагандистские клише очень часто рассматриваются не как часть пропаганды, не подвергаются сомнению и воспринимаются как должное в общественном мнении. Таким образом, политическая пропаганда становится частью реальности. А сам термин «расизм» незаметно теряет свое исходное значение, заключающееся в идее об изначальном биологическом и интеллектуальном превосходстве одной расы (или одного этноса) над другими. Но реализуясь в плоскости других концепций, он привносит с собой все свои первоначальные отрицательные коннотации. Так, например, И. Валлерстайн и Э. Балибар рассматривают неорасизм как новое явление, а не как простую адаптацию классического расизма. Более того, они говорят о безрасовом характере современного неорасизма. Безрасовый расизм, по их мнению, уже не сводится к подчеркиванию детерминирующего характера биологической наследственности, он базируется на постулате о том, что невозможно уничтожить культурные различия. Более того, новый расизм говорит не о превосходстве одной расы (или этноса) над другими, но скорее подчеркивает катастрофические последствия устранения границ между культурами. Эта идеология и может быть, по мнению данных ученых, обозначена как неорасизм или дифференциалистский расизм [21]. Причем этот неорасизм имеет ту же идеологическую основу, что и современный мультикультурализм (хотя и постулирующий себя как антирасизм). Это так называемый антропологический культурализм Леви-Стросса, признающий различие и неизменность культур при их абсолютном равноправии. По мнению Леви-Стросса и его последователей, смешение культур и упразднение культурных дистанций неизбежно приводит к межэтническим

конфликтам и общему подъему агрессивности в обществе, а в своем крайнем варианте — к гибели всех культур, слитых в один «плавильный котел», и к интеллектуальному вырождению человечества.

Левые обвиняют правых в том, что те в целях маскировки своей «неорасистской» идеологии вместо термина «раса» используют теперь термин «иммиграция». Однако, на наш взгляд, это верно лишь отчасти. Иммиграция, сопровождающаяся успешной ассимиляцией, не приводит ни к росту социальной напряженности, ни к усилению влияния ультраправых партий. Именно политика мультикультурализма, отвергающая ассимиляцию (и, если применять к ней терминологию Балибара — Валлерстайна, представляющая собой дифференциалистский расизм), и создает расизм, провоцируя у граждан одного государства чувство разной национальной принадлежности и поддерживая эффект «чужого». Мультикультурализм разъединяет, а не сближает культуры. Причем за пределами США эта идеология культивируется только в западноевропейских странах и соотносится лишь с иммиграционной политикой и ее последствиями. Мультикультурализм, понимаемый как «переодетая ассимиляция», не устраивает его адептов, отвергающих принцип *e pluribus unum* (из многих — единое), когда «единое» базируется на так называемых западных ценностях. А с другой стороны, эта идеология часто выступает лишь как орудие борьбы с западной европейской культурой. Нация лишается общей культуры, торжествуют принципы культурного и морального релятивизма, и сама западная европейская демократия оказывается под угрозой, причем с двух сторон. С одной стороны, угрозу представляют собой новые культурные общины, не желающие интеграции и отвергающие европейские идеалы и ценности, с другой — ультраправые политические движения, вызванные к жизни иммиграционной волной. И то, и другое в значительной степени порождается мульти-

культурализмом, в основе возникновения и того, и другого лежит дифференциалистский расизм, основанный на тезисе о сохранении чистоты культуры.

Россия в некоторой степени похожа на Францию и потому иногда заимствует ее опыт. Видимо, поэтому франко-голлистское представление о нации начинает прокладывать себе путь и в российской науке. Например, В. А. Тишков выступает за необходимость утверждения в стране понятия многоэтнической гражданской нации наряду с «безраздельно господствовавшим понятием культурной нации или этнонации» [22, с. 8]. Тишков пишет, что в России «до сих пор отвергается существование многоэтнической гражданской нации, несмотря на высокий уровень социально-культурной гомогенности населения страны и повседневно демонстрируемую российскость рядовыми гражданами. Вместо этого сохраняется доктрина “многонационального народа России”, а не “многонародной нации”, что было бы гораздо точнее» [22, с. 146]. С точки зрения В. А. Тишкова, «важнейшим направлением государственного строительства на ближайшее десятилетие представляется утверждение доктрины России как национального государства с многоэтническим составом населения и гражданской общностью россиян. Это единственно возможная доктрина государственного устройства, которой следуют все страны мира... Только Россия представляет собой саморазрушительное исключение. Несостоятельная доктрина сути самого государства как некой не до конца самоопределившейся общности активно используется против России во внешних соперничествах» [22, с. 146]. По-видимому, идеи В. А. Тишкова были услышаны, когда в России конституционно закрепился государственный статус русского языка и в республиках, входящих в Российскую Федерацию, было отменено требование знания национального языка, объявленного официальным, к кандидатам на должность глав субъектов Российской Федерации. Заметно влияние публикаций указанного автора

и в Послании Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации. В нем Д. Медведев, говоря о многонациональном населении страны, неоднократно употребляет такие обобщающие формулировки, как «народ с тысячелетней историей, освоивший и цивилизовавший огромную территорию», «судьба великого народа» и, наконец, в соответствии с предложениями В. А. Тишкова «Конституция предопределила путь обновления России как государства свободной нации», «условием... единства российской нации — как залога стабильного цивилизованного развития всей страны» [23]. Это — новое, мы бы сказали, инновационное толкование конституционного положения о многонациональном народе России. Вероятно, в обществе созрели условия или, скорее, потребность (в том числе на мировом политическом уровне) в представлении всего населения России как сплоченной социальной общности (нации, но не единого этноса, до этого очень далеко). Мы сознательно не употребляем термина «новая историческая общность», применявшегося к советскому народу, так как не хотим проводить какие-то исторические параллели и вызывать соответствующие ассоциации. Отметим также, что сам французский «образец», как было показано выше, переживает серьезный кризис.

Насколько оправдано для России не теоретическое, а практическое следование по пути Франции в области «нациестроительства»?

Любое современное многонациональное государство, определяя возможные контуры своей языковой и национальной политики, неизбежно сталкивается с языковым парадоксом. Этот парадокс заключается в следующем: для долговременного сохранения единства разных этнических элементов внутри отдельного политического образования необходима языковая унификация (государственный язык), а навязывание государственного языка с неизбежностью ведет к ущемлению

других языков и, следовательно, способствует росту национализма «малых» этнических языков и распаду государственного единства. «С момента возникновения современные государства всегда стремятся к языковой унификации... Единый язык — это средство национальной консолидации и заметный маркер, отличающий население одного государства от внешнего мира. Но эта идеальная форма в реальности не существует» [22, с. 223].

Укрепление единства нации возможно через продуманную языковую политику. Перечислим возможные направления языковой политики государства.

1. Успешная языковая ассимиляция (когда один язык объявлен государственным и всячески навязывается иноязычным гражданам). Это путь, пройденный многими нациями-государствами. Так, из 193 суверенных государств 148 официально имеют один государственный язык, ассимилирующий все остальные. Это оптимальный метод для создания нации в понимании позапрошлого века, но очевидно, что это средство неприемлемо в современном демократическом государстве, не сумевшем стереть в менее политкорректные времена все другие языки на своей территории (или получившем новые в результате сравнительно недавней массовой иммиграции). По мнению Ю. И. Рубинского, «под вопросом оказалась сложившаяся веками модель монокультурного общества, которая компенсировала неоднородность его этнических корней за счет ассимиляторской политики государства» [13, с. 54]. В современном мире ассимиляционная языковая политика приведет не только к внутривнутриполитическому напряжению и радикализации не желающих ассимилироваться, но и к серьезному внешнему давлению на государство-ассимилятор как нарушающего права человека.

2. Полное фактическое равенство языков (официальный мультилингвизм). Официальный мультилингвизм декларирует предоставление двум и более

языкам в рамках одного государства равных коммуникативных возможностей во всех сферах, на всех социальных уровнях, т. е. декларируется принцип так называемого идеального мультилингвизма, который на самом деле фактически не достижим. Кроме того, представляется, что официальный мультилингвизм (как государственная политика по предоставлению полного юридического равенства двум или нескольким языкам) также является источником конфликтов. Это неизбежно, так как объективно складывается неравное распределение социальных ролей между языками, находящимися в конкурентной борьбе. Официальный мультилингвизм не только не является оптимальным методом сохранения стабильности нации, но и часто ведет к этнолингвистическим конфликтам. Как не может быть двух (и более) государственных машин в одном государстве, претендующем на стабильность, так не могут сосуществовать два (и более) государственных языка, имеющих не только равные юридические, но и фактические права. В случае наличия в одном государстве двух примерно равных и по статусу, и по количеству носителей государственных языков, они неизбежно начинают бороться за доминирование на всей территории, делят ее на свои языковые зоны, провоцируют территориальные конфликты внутри государства (пример Бельгии). В случае явного численного перевеса носителей одного из государственных языков доминирующий язык даже при декларировании юридического равенства неизбежно вытесняет малые языки в непрестижные сферы (прежде всего в домашнее общение). Доминирующее большинство неизбежно навязывает языковую унификацию, испытывая незаконное чувство языкового превосходства, что неминуемо вызывает у представителей малых этносов, опирающихся на свои конституционные права, законное требование уважения своей культурной идентичности. Официально признанный государственный мультилингвизм (или даже билингвизм),

как, например, в Индии, Канаде, Бельгии, является не знаком особой толерантности данных государств, но — знаком исторической слабости. Эти государства официально стали многоязычными в силу абсолютной необходимости: мультилингвизм для них — необходимое условие выживания, сохранения гражданского мира. Однако он не может принести долговременную стабильность и создать единую нацию (пример Бельгии, Канады и т. д.). Видимо, единственным успешным примером государственного мультилингвизма остается Швейцария. Но и она должна рассматриваться как особый случай, так как это государство разделено на кантоны — квазигосударства, образованные по языковому принципу (официальное название государства — Швейцарская Конфедерация). Итак, реальный мультилингвизм опасен для единства государства, и его применение — это вынужденная мера для государств, пытающихся удержать свое единство хотя бы в краткосрочной перспективе.

3. Придание языкам национальных меньшинств особого статуса в отдельных регионах (привязка мультилингвизма к конкретной территории). Миноритарные языки выживают на территории иноязычного государства только в условиях мощной географической концентрации носителей малого языка в той или иной местности. При придании официального статуса малому языку (вместе с государственным) на определенной территории внутри этого автономного образования неизбежно возникает языковой конфликт, свойственный многоязычным государствам, но, так сказать, в миниатюре. При этом лингвистически угнетенными иногда становятся носители государственного языка, не желающие мириться с отходом своего языка в «своей» стране на вторые роли. Самоутверждение того или иного языка порождает новые конфликты. Зачастую процесс придания официального статуса тому или иному малому языку в отдельном регионе сопровождается все большая регионализация официально иноязычных

областей государства, т. е. более замедленная и цивилизованная форма фрагментации, но не ее остановка.

4. Мультикультурализм без мультилингвизма. Представляется, что данный парадокс может быть преодолен с помощью продуманной лингвистической и национальной политики, проводимой по следующим трем основным направлениям.

1. *Признание и государственная поддержка мультикультурализма как политической философии*, что предполагает не только принципиальный отказ от любых форм национальных преференций, но и поощрение проявления различных национальных культур, рассматриваемых как часть общечеловеческой гуманистической культуры, воспитания не только толерантности, но и уважения к ним. Однако принципиальным моментом здесь является то, что при сохранении и поддержке мультикультурализма реальный мультилингвизм, хотя и не подвергается никаким ограничениям или запретам, не поддерживается и не поощряется (как утопическая программа), а вместо него используется символический мультилингвизм.

2. *Символический мультилингвизм* должен компенсировать *de facto* неравноправие социальных статусов языков, используемых национальными меньшинствами (неравноправие статусов — объективный факт, который бесполезно отрицать). Миноритарные языки должны быть широко представлены не в реальном социальном общении (где они, в принципе, не нужны), но в некотором символическом наборе. Например, в школьном курсе обществознания теоретически можно научить детей говорить «здравствуйте» и «спасибо» на всех малых языках государства, можно использовать надписи на всех малых языках на денежных банкнотах и т. д., и т. п. Разумеется, должно быть доступно образование на всех языках, используемых в государстве, но нельзя принуждать к их изучению. То же самое касается и национальных автономий, в которых местный язык дол-

жен иметь равный статус с государственным, но не должен искусственно насаждаться, ибо при предоставлении равных условий и отсутствии всяческого юридического неравноправия на языковом рынке реально должен победить сильнейший.

3. *Быстрое экономическое развитие* является сильнейшим фактором языковой унификации, так как для экономических нужд необходима эффективная коммуникация. Экономический прогресс и общий рынок требуют нормализации и стандартизации языка, в идеале — одноязычия. Как показывает практика, многоязычие сохраняется в экономически отсталых странах, где основная часть населения рассеяна в провинции и не имеет нужды в интенсивном общении с соседями.

В относительно недавние исторические времена предложенная лингвистическая альтернатива могла бы быть обоснована достаточно просто. Традиционное марксистское восприятие языковой (и национальной) политики, в общем-то, укладывается в предложенные нами рамки. В. И. Ленин в своих трудах, посвященных национальной политике, неоднократно подчеркивал, что признание права на самоопределение наций, вовсе не означает поддержки всякого требования всякой нации на самоопределение: «Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации», «...борьба против всякого национального гнета — безусловно, да. Борьба за всякое национальное развитие, за “национальную культуру” вообще — безусловно, нет» [24, с. 129]. И о языке: «Прогрессивное значение русский язык имел для тьмы мелких и отсталых наций — бесспорно. Но неужели Вы не видите, что он имел бы прогрессивное значение еще в большем размере, если бы не было принуждения? Что же, разве “государственный язык” не означает палки, отбивающей от русского языка?? Как Вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном

вопросе и которая при малейшем при-
нуждении поганит, пакостит, сводит на
нет бесспорное прогрессивное значение
централизации, больших государств,
единого языка?? Но еще важнее эконо-
мика, чем психология: в России уже есть
капиталистическая экономика, делающая
русский язык необходимым. И Вы не ве-
рите в силу экономики и хотите косты-
лями полицейской швали “подкрепить”
экономику?», «...потребности экономи-
ческого оборота всегда заставят живущие
в одном государстве национальности
(пока они захотят жить вместе) изучать
язык большинства... Если отпадут всякие
привилегии, если прекратится навязыва-
ние одного из языков... потребности
экономического оборота сами собой
определят тот язык данной страны, знать
который большинству выгодно в инте-
ресах торговых сношений» [24, с. 116].
«Остается ли что-нибудь реальное в по-
нятии ассимиляторства за вычетом вся-
кого насилия и всякого неравноправия?
Безусловно, да. Остается та всемирно-
историческая тенденция капитализма
к ломке национальных различий, к ас-
симилированию наций, которая с каж-
дым десятилетием проявляется все мо-
гущественнее» [24, с. 123]. Авторам
кажется, что по данному вопросу тезисы

В. И. Ленина (в отличие от печально из-
вестных «Апрельских тезисов») могут быть
признаны заслуживающими внимания.

Итак, если язык — основа процессов
фрагментации в современном мире, то
«средством лечения» этнических кон-
фликтов внутри государства должна
выступать продуманная языковая поли-
тика. Политика «языкового мультикуль-
турализма» может в обозримой перспе-
тиве привести к отказу от концепции
нации, т. е. к простому сосуществованию
этносов в рамках государства, которое
станет рассматриваться лишь как юри-
дические рамки. Существование госу-
дарств без нации логично ведет к кон-
цепции мира без наций, построенному
на основе этносов. Затем логично исчез-
новение государств как таковых в совре-
менном понимании (ведь все равно,
в какие юридические рамки заключен
этнос без «своего» государства).

На наш взгляд, данный сценарий
вряд ли является оптимальным. Эффек-
тивной для России (и не только для нее)
может стать описанная выше политика
«неязыкового мультикультурализма» (без
насильственного навязывания государ-
ственного языка и без искусственной
реанимации малых языков), проводимая
на фоне экономического роста.

Использованные источники

1. Tacoma L. E. Moving Romans: Migration to Rome. URL: www.academia.edu/26033797/L.E._Tacoma_Moving_Romans_Migration_to_Rome_in_the_Principate_Oxford_Oxford_University_Press_2016_.ISBN_9780198768050 (дата обращения: 24.02.2016).

2. Кацы Д. В. Из истории взаимоотношений Европейского Союза с Украиной: реалии партнерства // Университетский научный журнал (филологические и исторические науки, археология и искусствоведение). 2016. № 18. С. 88–95.

3. Единое экономическое пространство // Евразийское экономическое сообщество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evrazes.com/customunion/eepr> (дата обращения: 08.03.2016).

4. Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России. Научно-иссле-

довательский отчет 2013/12 // КАРИМ-Восток. Консорциум прикладных исследований по международной миграции [Электронный ресурс]. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27871/CARIM-East_RR-2013-12.pdf?sequence=1 (дата обращения: 04.04.2015).

5. Банки фиксируют снижение переводов мигрантов из России // Известия. Экономика. 25 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/economics/20578604> (дата обращения: 12.01.2016).

6. Российская газета. 25 октября 2007 г.

7. Всемирный банк: за год мигранты перевели из России на родину 33 млрд долларов // Banki.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8532004> (дата обращения: 21.02.2016).

8. Ромодановский: миграция в РФ из-за новых законов снизилась на 70% // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/01/09/romodanovskiy-migraciya-v-rf-izza-novykh-zakonov-snizilas-na-70.html> (дата обращения: 24.02.2016).
9. Шаймерден. Д. В РК не ожидается наплыва трудовых мигрантов из стран ЕАЭС // Kapital.kz [Электронный ресурс]. URL: kapital.kz/gosudarstvo/36507/v-rk-ne-ozhidaetsya-naplyvatrudovyh-migrantov-iz-stran-eaes.html (дата обращения: 21.02.2016).
10. Шаймерден. Д. В северных регионах дефицит квалифицированных кадров // Kapital.kz [Электронный ресурс]. URL: kapital.kz/economic/34984/v-severnyh-regionah-deficit-kvalificirovannyh-kadrov.html (дата обращения: 21.02.2016).
11. Черненко Е. Ф. Особенности миграционных процессов в евразийском экономическом пространстве. Вестник МГЭИ. 2015. № 1. С. 56.
12. Frémy D., Frémy M. QUID2007. Paris : Edition Robert Laffont, 2007. P. 997.
13. Рубинский Ю. И. Национальная идея в политической культуре Франции. М. : ФГБУН «Институт Европы» РАН, 2004.
14. Birnbaum P. «La France aux Français»: histoire des haines nationalistes // Le Monde. 2007. Mars, 15.
15. Кузнецов А. М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе. // Полис. Политические исследования. 2007. № 6.
16. Уолден Б. Что означает мультикультурализм? // Русская служба BBC [Электронный ресурс] URL: news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6191000/6191261.shtml (дата обращения: 28.12.2015).
17. Меркель заявила о провале мультикультурализма // Русская служба BBC [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml (дата обращения: 14.12.2015).
18. Le multiculturalisme est «un échec», affirme Nicolas Sarkozy // Le Point. 2011. Décembre, 20.
19. Du progrès au pacte social, les pistes pour sortir de la crise de civilisation // Le Monde. 2012. Mai, 4.
20. Mapping multiculturalism. Eds. Avery F. Gordon and Christopher Newfield. Minneapolis; London : University of Minnesota Press, 1996. P. 3.
21. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М. : Логос, 2004.
22. Тишков В. А. Этнология и политика. Статьи 1989–2004 годов. М., 2005.
23. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (стенограмма). 5 ноября 2008 г. // Kremlin.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (дата обращения: 28.12.2015).
24. Ленин В. И. О национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956.

Н. П. Маюров, Т. В. Варячева

Правовые основы становления Евразийского экономического союза

Аннотация: В статье отражены правовые основы становления Евразийского экономического союза, а также вопросы миграции на территории указанного союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Евразийское экономическое сообщество, договор, соглашение, миграция.

Об авторах

Николай Петрович Маюров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — заведующий кафедрой государственного и административного права Межрегионального института экономики и права при МПА ЕврАзЭС, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; mayurov2010@mail.ru

Татьяна Валерьевна Варячева (Москва, Российская Федерация) — соискатель Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по кафедре государственно-правовых дисциплин

N. Mayurov, T. Varyacheva

Legal Basis of Establishment Eurasian Economic Union

Summary: The article investigates the legal framework for the Eurasian Economic Union, as well as the issue of migration in the territory of the said Union.

Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Community, contract, agreement, migration.

About the Authors

Nikolay Mayurov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of State and Administrative Law in Interregional Institute of Economics and Law at the IPA EurAsEC; mayurov2010@mail.ru

Tatyana Varyacheva (Moscow, Russian Federation) — Competitor of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Развитие международной экономической интеграции невозможно без правовой базы, поскольку именно через двусторонние и многосторонние договоры, а также внутреннее законодательство государства — участники международной экономической интеграции проводят в жизнь политические идеи и решения. Перспективы развития Евразийского экономического союза требуют анализа новых подходов к интеграционному взаимодействию и разрешения определенных правовых проблем. Прежде всего это касается как правового обеспечения функционирования самого ЕАЭС, так и введения в действие актов его органов.

В 2001 г. было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), которое стало своего рода предшествен-

ником Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Основные цели ЕврАзЭС были связаны с полномасштабной реализацией положений, установленных Соглашением о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 6 января 1995 г., Соглашением о Таможенном союзе от 20 января 1995 г., Договором об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г., Договором о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г., Договором о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г. и т. д.

В силу необходимости регламентации отношений, связанных с перемещением товаров по территории Таможенного

союза и за его пределами, Межгосударственным Советом ЕврАзЭС было принято решение от 27 ноября 2009 г. № 17 «О Договоре о Таможенном кодексе таможенного союза» [5], в соответствии с которым Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация как стороны договора на уровне глав государств приняли Таможенный кодекс Таможенного союза.

Указанные базовые документы обозначили цели формирования Таможенного союза, а именно:

— обеспечение совместными действиями социально-экономического прогресса государств — членов путем устранения препятствий для свободного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами;

— гарантирование устойчивого развития экономики, свободного товарообмена и добросовестной конкуренции;

— создание условий для формирования общего экономического пространства;

— создание условий для активного выхода государств-членов на мировой рынок.

Констатируя успешность единой таможенной политики государств — членов Таможенного союза, а также выражая нацеленность на дальнейшее продолжение интеграционной политики применительно к новому этапу строительства единого экономического пространства, президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации подписали 18 ноября 2011 г. декларацию «О евразийской экономической интеграции». Данная декларация определила основные направления дальнейшей интеграции, позволяющие обеспечить эффективность функционирования общего рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; углубить сотрудничество в целях обеспечения экономической безопасности во всех ее аспектах; развивать и совершенствовать наднациональные институты; обеспечить совместимость стандартов образования; развивать сотрудничество в сфере внешней и миграционной политики [1–4].

Основой для дальнейшего формирования единого экономико-правового пространства государств — членов Евразийского экономического союза на сегодняшний день является Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в Астане 29 мая 2014 г., что обусловило новый прорыв в области международного сотрудничества. С учетом того, что цели, поставленные при создании ЕврАзЭС, были достигнуты, 10 октября 2014 г. в Минске был подписан Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества с 1 января 2015 г.

Несмотря на скептические заявления в некоторых СМИ о том, что Договор о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор) является лишь декларацией о намерениях и не содержит жестких условий и обязательств, эксперты государств-членов, комментируя подобные заявления в ходе пресс-конференции, подчеркнули, что в четырех частях, 28 разделах, 118 статьях и 32 приложениях этого объемного документа общих деклараций быть не может. Договор был сформирован на основе договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства (ЕЭП). В нем изложены стратегические цели и задачи евразийской интеграции, определяется правовой статус союза как полноформатной международной организации.

На данный момент государствами — членами ЕАЭС являются Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Армения¹, Кыргызская Республика². Между тем в отношении Республики Армения и Кыргызской Республики на протяжении определенного времени будут действовать особые условия торгового оборота, которые выражаются в установлении переходных ставок на уплачиваемые таможенные пошлины; отложении вступления

¹ Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан в Минске 10 октября 2014 г.).

² Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан в Москве 23 декабря 2014 г.).

в силу технических регламентов Таможенного союза. Положения раздела XX «Энергетика» Договора начинают применяться не позднее одного года с даты вступления в силу Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Положения раздела V Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (приложение № 26 к Договору) применяются республиками по истечении трех лет с даты вступления в силу договора о присоединении.

Таким образом, процесс интеграции новых государств — членов ЕАЭС и их адаптации к устоявшимся правилам Таможенного союза будет постепенным, предусматривающим отдельные переходные положения, что связано с необходимостью приведения ими своего внутреннего законодательства в соответствие с нормами международных договоров.

С учетом обозначенных интеграционных перспектив Договор, в частности, предусматривает: унификацию правового режима перемещения товаров, услуг, инвестиций и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС, ликвидацию барьеров на пути их свободного перемещения; установление единого порядка въезда, выезда и пребывания трудящихся государств-членов; унификацию подходов к определению правового статуса трудящихся государств-членов и осуществлению ими трудовой деятельности.

Так, раздел XXVI «Трудовая миграция» Договора выводит на качественно новый уровень сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции. В рамках данного договора впервые достигнута договоренность сторон о том, что работодатель признает документы об образовании трудящихся без проведения каких-либо установленных процедур признания. Договором также устанавливается право трудящегося на занятие профессиональной деятельностью в соответствии с полученными специальностью и квалификацией. В части упрощения режима въезда предусмотрено,

что при пересечении границы пограничному паспорту миграционная карта не заполняется.

Срок временного пребывания (проживания) трудящегося определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора. Кроме того, граждане государств-членов, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства на территорию другого государства-члена, освобождены от обязанности регистрации (постановки на учет) в течение 30 суток с даты въезда.

В случае досрочного расторжения трудового или гражданско-правового договора по истечении 90 суток с даты въезда на территорию государства трудоустройства трудящийся государства-члена имеет право без выезда с территории государства трудоустройства в течение 15 дней заключить новый трудовой или гражданско-правовой договор.

Право трудящихся государств-членов и членов их семей на получение скорой медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) и иной медицинской помощи регулируется в порядке, предусмотренном Договором, а также законодательством государства трудоустройства и международными договорами, участником которых оно является.

Дети трудящихся государств-членов, совместно проживающие с ними на территории государства трудоустройства, согласно Договору имеют право на посещение дошкольных учреждений, получение образования в соответствии с законодательством государства трудоустройства [3].

Таким образом, очевидна позитивная роль создания Евразийского экономического союза в отношениях между государствами — участниками СНГ. Правовая регламентация деятельности данной организации уже имеет определенную сложившуюся практику, однако экономический прогресс требует разработки и принятия в будущем единого Таможенного кодекса Евразийского экономического союза. Создание правовой базы,

нацеленной на ликвидацию таможенных границ на пути движения товаров и услуг внутри единой таможенной территории, позволит повысить экономическую активность и товарооборот между странами. С окончательным формированием единой таможенной территории будет осуществляться свободное перемещение товаров, услуг и рабочей силы, ограни-

чения во взаимной торговле будут сняты, а таможенные пошлины упразднены. Это, безусловно, станет стимулом к развитию национальной экономики государств, входящих в Таможенный союз, что позволит им более эффективно осуществлять антикризисные меры и добиться значительного экономического и социального прогресса.

Использованные источники

1. Прудникова Т.А. Организационно-правовые основы деятельности уполномоченных органов в сфере миграции по регулированию миграционных процессов в Республике Польша // Административное право и процесс. 2015. № 12. С. 60–62.
2. Организация и деятельность миграционных органов (служб) государств — участников Содружества Независимых Государств: уч. пособ. / Н. П. Маюров [и др.]; под общ. ред. Н. П. Маюрова, А. С. Прудникова. СПб., 2015. 428 с.
3. Маюров Н.П., Алымова Д.П. Право на образование по законодательству Российской Федерации и законодательству Республики Казахстан: теоретико-правовое исследование // Международный научно-аналитический журнал МПА СНГ «Диалог: политика, право, экономика». 2016. № 1. С. 45–50.
4. Маюров Н. П., Трофимова Т.А. Взаимосвязь нравственных и правовых основ служебной деятельности государственного служащего как европейская традиция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 1 (17). С. 71–76.
5. Прудников А.С., Яковлев В.А. К вопросу о переселении соотечественников в Российскую Федерацию // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 73–77.
6. Прудников А. С. Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел. М. : ЮНИТИ, 1999. С. 33.
7. Маюров Н.П. Права человека и их обеспечение органами внутренних дел: сб. нормативно-правовых актов / Н. П. Маюров, Ю. А. Потапов, О. Д. Ороева [и др.]; под общ. ред. д-ра юр. наук, проф. Н. П. Маюрова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. 584 с.
8. Маюров Н.П., Прудников А. С. и др. Органы Государственной власти в России. Конституционно-правовой аспект: уч. пос. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 351 с.
9. Маюров Н.П., Маюров П. Н. Конституционные права человека в России и их обеспечение правоохранительными органами: теоретико-правовой аспект. Современни проблеми на регионално развитие: Събрани статии. Пловдив (България) : Академично издателство на Аграрния университет, 2014. Т. 2. С. 229–236.
10. Маюров Н.П., Маюров П. Н., Шилова А. Е. К вопросу о классификации гарантий прав человека // Economics, management, law: problems and prospects: Collection of scientific articles. Coventry (United Kingdom) : Agenda Publishing House, 2015. Vol. 2. P. 230–234.

А. В. Кодолова

Использование модельного закона «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде» в национальных законодательствах государств — участников СНГ

Аннотация: Статья посвящена вопросам эффективности использования модельного закона «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде» в национальных законодательствах государств — участников СНГ. На развитие законодательства об экологической ответственности в странах СНГ оказывает значительное влияние процесс гармонизации с нормативно-правовыми актами Европейского союза, переносящими бремя компенсации ущерба, нанесенного окружающей среде, с общества в целом на хозяйствующих субъектов — виновников причинения вреда. В государствах СНГ степень развития законодательства о возмещении экологического вреда во многом зависит от взятых на себя государством СНГ обязательств по международным договорам.

Ключевые слова: экологический вред, экологический ущерб, вред окружающей среде, экологическая ответственность.

Об авторе

Алёна Владимировна Кодолова (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра экологической безопасности РАН, кандидат юридических наук; alena_kodolova@mail.ru

A. Kodolova

The Efficiency of the Model Law «Environmental Liability Concerning the Prevention and Elimination of Environmental Damage»

Summary: Article is devoted to the efficiency of the model law «About Environmental Liability concerning the Prevention and Liquidation of Environmental Damage» in national legal systems of the CIS countries. Process of harmonization with the regulatory legal acts of the European Union transferring a burden of compensation of damage caused to the environment from society in general to accounting entities — responsible for dandification exerts considerable impact on development of the legislation on ecological responsibility in the CIS countries. In the CIS countries extent of development of the legislation on compensation of environmental damage in many respects depends on the liabilities undertaken by the CIS countries according to international law.

Keywords: Environmental Liability, Environmental Damage.

About the Author

Alena Kodolova (St. Petersburg, Russian Federation) — senior expert of Saint-Petersburg Scientific Research Center for Environmental Safety Russian Academy of Sciences, Ph. D. in Law; alena_kodolova@mail.ru

Модельный закон «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде» был принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств № 33-10 от 3 декабря 2009 г. Целью данного закона является установление основанной на принципе «загряз-

нитель платит» и гармонизированной с нормами международного права системы экологической ответственности для предотвращения и ликвидации вреда окружающей среде с перенесением бремени компенсации нанесенного ущерба окружающей среде с общества в целом на хозяйствующих субъектов, чья деятельность причинила вред окружающей среде.

В указанном законе экологический ущерб понимается как экологический вред, а также вред, причиненный жизни и здоровью человека экологическим правонарушением.

Рассматриваемый модельный закон является адаптацией Директивы 2004/35/СЕ Европейского парламента и Совета Европейского союза от 21 апреля 2004 г. об экологической ответственности в отношении предотвращения и ликвидации вреда окружающей среде (далее — Директива 2004 г.) и рекомендован для гармонизации национального законодательства стран СНГ с европейским законодательством, переносящим бремя компенсации ущерба, нанесенного окружающей среде, с общества в целом на хозяйствующих субъектов — виновников причинения вреда.

В отличие от государств СНГ, в большинстве стран Евросоюза действуют дифференцированные подходы к изучению, регулированию и порядку возмещения будущих (прогнозируемых), текущих (фактических) и прошлых экологических ущербов.

Согласно положениям Директивы 2004 г. понятие экологического ущерба (вреда) применяется исключительно к тем природным компонентам, возможность восстановления которых в натуральной форме существует, а именно: к охраняемым видам и природной среде обитания, водным и земельным ресурсам. Директива 2004 г. не применяется в отношении вреда, причиненного атмосферному воздуху, озоновому слою и околоземному атмосферному пространству, а также недрам.

Директива 2004 г., в отличие от российского законодательства, а также законодательства большинства стран СНГ, предусматривает не гражданско-правовые, а административные механизмы по предотвращению и устранению экологического ущерба. Указанные в документе меры природопользователь принимает либо добровольно, либо по решению компетентного государственного органа.

В законодательстве и научно-правовой доктрине некоторых государств СНГ экологический ущерб понимается как монетарное (денежное) выражение экологического вреда¹.

В соответствии со статьей 8 модельного закона «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде» возмещение ущерба по согласию сторон либо по решению суда может осуществляться в натуральной либо денежной форме за счет собственных средств хозяйствующего субъекта, причинившего вред объектам охраны, или с помощью страховых выплат.

К натуральным формам возмещения ущерба относятся меры по восстановлению объектов охраны до состояния, имевшегося к моменту причинения вреда, предоставлению равноценного природного ресурса взамен уничтоженного либо поврежденного. Возмещение вреда в натуральной форме производится путем заключения договора и (или) соглашения между хозяйствующим субъектом, причинившим вред объектам охраны, и компетентным органом. При этом в договоре и (или) соглашении регламентируются порядок, условия, сроки и объемы возмещения ущерба, причиненного объектам охраны.

К денежным формам возмещения ущерба относятся финансовые средства для восстановления объектов охраны до состояния, имевшегося к моменту причинения вреда, выполнения мероприятий по воспроизводству природных ресурсов, возмещения истцу иных убытков, включая упущенную выгоду.

В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что

¹ См., например, приказ Росприроднадзора «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению инвентаризации объектов накопленного экологического ущерба». Пинаев В. Е., Чернышев Д. А. Анализ отечественной нормативно-правовой базы, регулирующей сферу экологического ущерба от прошлой хозяйственной деятельности // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Вып. 5 (24). С. 2; Ответственность за ущерб окружающей среде в странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии (ВЕКЦА): применение лучшего международного опыта. ОЭСР, 2012. С. 12.

законодательство о возмещении экологического вреда в странах СНГ находится на разных ступенях развития. Степень развития законодательства во многом зависит от взятых на себя тем или иным государством СНГ международных обязательств.

Рассмотрим подробнее особенности нормативно-правового регулирования экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде в различных государствах СНГ.

В законодательстве **Российской Федерации** содержатся близкие по значению, но неравнозначные термины «вред окружающей среде» и «экологический ущерб», которые нуждаются в четком разграничении. Например, в статье 42 Конституции РФ говорится об экологическом праве граждан на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В статье 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» содержится понятие «вред окружающей среде», которое подразумевает негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов. В приказе Росприроднадзора № 193 от 25 апреля 2012 г. «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению инвентаризации объектов накопленного экологического ущерба» приводится следующее определение экологического ущерба: «выраженный в денежном выражении вред, причиненный окружающей среде».

Юридический смысл дефиниций заключается в том, что данные понятия должны трактоваться при реализации закона строго в том значении, которое придается им данным нормативно-правовым актом. Кроме того, по общему правилу именно это значение должно вкладываться в соответствующие термины и тогда, когда они встречаются в иных законах или подзаконных актах, если

только в самом нормативном акте не дается иное определение. Именно поэтому различия терминов в законодательстве и правоприменении неприемлемы.

Можно выделить несколько причин употребления терминов «вред окружающей среде» и «экологический ущерб» в одном значении, а также попыток законодательно разграничить данные понятия.

Во-первых, в российском гражданском праве, цивилистической науке, а также в других отраслях права и законодательства термины «вред», «убытки», «ущерб» используются настолько вольно, что это приводит к неоднозначному их толкованию не только учеными-исследователями, но и правоприменительной практикой. Несмотря на то что термин «вред» ассоциируется с последствиями любого правонарушения, данное понятие в российской правовой системе имеет в большей степени гражданско-правовую природу, что обуславливается урегулированностью гражданским законодательством вопросов его возмещения (глава 59 Гражданского кодекса РФ).

Во-вторых, в процедурах возмещения вреда окружающей среде в России и зарубежных странах (например, в странах ЕС и ОЭСР) имеются существенные различия, что послужило причиной различного понимания термина «вред окружающей среде» в отечественном и зарубежном праве. Новый термин «экологический ущерб», как ожидается, будет способствовать гармонизации законодательства России с законодательством государств ОЭСР и Европейского союза как в большей степени соответствующий экологическому законодательству зарубежных стран.

В Российской Федерации понятие «вред», как и «ущерб», имеет в основном экономическое, стоимостное содержание и основывается на положениях гражданского законодательства о возмещении убытков (ст. 15 ГК РФ), а также главы 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда».

Европейское законодательство, напротив, считает ущерб, причиненный окружающей среде, эколого-правовым термином, отличным от гражданско-правового понимания ущерба. Поэтому и устранение экологического ущерба проводится в рамках административно-правовых процедур.

В настоящее время статьями 77 и 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» установлены обязанность возмещения вреда окружающей среде, а также порядок компенсации вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды.

Однако указанные статьи противоречат друг другу в части порядка и процедуры возмещения вреда окружающей среде. Так, в части 3 статьи 77 предусмотрено, что вред окружающей среде, причиненный субъектом хозяйственной и иной деятельности, возмещается в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии — исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

В то же время в абзаце втором части 1 статьи 78 предусмотрено, что определение размера вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ, и только при их отсутствии — в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, утвержденными органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды. На практике данные противоречия приводят к при-

нятию судами взаимоисключающих решений, а также к необоснованным требованиям государственных органов природного надзора к природопользователям по двойному возмещению вреда: в виде расходов на рекультивационные и иные восстановительные мероприятия и расходов по утвержденной методике.

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе находится законопроект, предлагающий установить четкий порядок возмещения вреда окружающей среде, предусмотрев два способа такого возмещения, а также последовательность их применения. В качестве приоритетной формы возмещения вреда окружающей среде предлагается рассматривать возмещение в натуральной форме путем проведения причинителем вреда окружающей среде рекультивации и иных восстановительных работ. И только в случае, если причинитель вреда окружающей среде отказался от возмещения вреда в натуральной форме, вред окружающей среде может быть возмещен им добровольно в стоимостном выражении.

В Республике Беларусь основным законодательным актом, регулирующим порядок возмещения экологического вреда, является Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее — Закон РБ «Об охране окружающей среды»).

Статья 1 рассматриваемого закона содержит следующие термины и определения:

— вред, причиненный окружающей среде, — это имеющее денежную оценку отрицательное изменение окружающей среды или отдельных компонентов природной среды, природных или природно-антропогенных объектов, выразившееся в их загрязнении, деградации, истощении, повреждении, уничтожении, незаконном изъятии и (или) ином ухудшении их состояния в результате вредного воздействия на окружающую среду, связанного с нарушением требований в области охраны окружающей среды, иным нарушением законодательства Республики Беларусь;

— экологический вред — вред, причиненный окружающей среде, а также вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду.

Понятие «экологический ущерб» в Законе РБ «Об охране окружающей среды» не используется.

Вопросы ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды рассмотрены в главе 15 указанного закона. Особая роль отводится приостановлению (запрещению) деятельности, создающей угрозу причинения вреда окружающей среде (ст. 100 Закона РБ «Об охране окружающей среды»). Такое приостановление (запрещение) производится государственным органом, осуществляющим контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь о контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь. Общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, и граждане имеют право на предъявление в суд иска о приостановлении (запрете) хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду, в случае, если в результате такой деятельности нарушаются требования в области охраны окружающей среды, причиняется экологический вред или создается опасность причинения экологического вреда в будущем.

Статья 101 Закона РБ «Об охране окружающей среды» устанавливает правило полного возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Факт причинения вреда окружающей среде, установленный при осуществлении государственного контроля в области охраны окружающей среды, фиксируется государственным органом, осуществ-

ляющим контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, в акте об установлении факта причинения вреда окружающей среде.

Если хозяйственная и иная деятельность, оказывающая вредное воздействие на окружающую среду и причиняющая экологический вред, создает опасность причинения экологического вреда в будущем, суд вправе обязать юридических лиц или индивидуальных предпринимателей помимо возмещения экологического вреда приостановить до устранения выявленного нарушения либо запретить такую деятельность.

Размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, определяется в соответствии с таксами для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, установленными Президентом Республики Беларусь, а при их отсутствии — по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

Вред, причиненный окружающей среде, может быть возмещен лицом, причинившим вред, посредством восстановления нарушенного состояния окружающей среды за счет собственных средств в соответствии с предписаниями государственного органа, осуществляющего контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, содержащимися в претензии о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, либо по решению суда с учетом обстоятельств дела. При этом размер средств, направленных на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, не может быть меньше размера возмещения вреда, определенного в соответствии с таксами для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Восстановление нарушенного состояния окружающей среды за счет лица, причинившего вред окружающей среде, производится в сроки, установленные

в предписаниях государственного органа, осуществляющего контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, содержащихся в претензии о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, либо в решении суда в соответствии с законодательством Республики Беларусь, и необходимые для проведения работ по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды.

Статья 85 Закона РБ «Об охране окружающей среды» предусматривает возможность осуществления экологического страхования, под которым понимается страхование гражданской ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по защите имущественных интересов граждан и организаций, а также Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц при причинении экологического вреда.

Таким образом, положения рассматриваемого модельного закона и законодательства Республики Беларусь об экологической ответственности во многом сходны: устанавливаются две формы возмещения вреда — натуральная и денежная, определены полномочия компетентного органа в области обнаружения причиненного вреда и определения его размеров, существует возможность экологического страхования ответственности причинителя вреда.

В Республике Казахстан действует Экологический кодекс от 9 января 2007 г. № 212-III (далее — ЭК РК). В статье 1 ЭК РК приведено понятие ущерба окружающей среде. Под таким ущербом понимается загрязнение окружающей среды или изъятие природных ресурсов свыше установленных нормативов, вызвавшее или вызывающее деградацию и истощение природных ресурсов или гибель живых организмов. Несмотря на то что в данной статье не приводится термин «вред окружающей среде», он неоднократно использован в тексте ЭК РК. Так, в части 4 статьи 36 ЭК РК (статья посвящена оценке воздействия на окружающую

среду — ОВОС) указывается, что заказчик (инициатор) и разработчик проектов обязаны учитывать результаты проведенной ОВОС и обеспечивать принятие такого варианта, который наносит наименьший вред окружающей среде и здоровью человека. В статье 107 ЭК РК об экологическом страховании говорится, что целью экологического страхования является возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью, имуществу третьих лиц и (или) окружающей среде в результате ее аварийного загрязнения. Кроме того, в ЭК РК содержится статья 322, посвященная порядку возмещения вреда, причиненного нарушением экологического законодательства Республики Казахстан.

Отсутствие легального понятия экологического вреда в ЭК РК обедняет его содержание, позволяет произвольно трактовать данный термин в правоприменительной деятельности.

В качестве выхода из положения ученые предлагают заменить понятие «ущерб окружающей среде» на понятие «вред окружающей среде» в связи с использованием законодателем понятия «ущерб» в узком гражданско-правовом контексте и исключительно экономической составляющей ущерба².

Статья 321 ЭК РК посвящена вопросам возмещения экологического ущерба. Устанавливается требование возмещения ущерба в полном объеме.

Возмещение ущерба, причиненного окружающей среде вследствие нарушения экологического законодательства Республики Казахстан, производится добровольно или по решению суда на основании экономической оценки ущерба, порядок проведения которой определяется в соответствии с ЭК РК.

В статье 322 ЭК РК, в которой идет речь о возмещении вреда, а не ущерба, делается акцент на возможности в добровольном порядке устранить вред

² Битабарова Ж. А. Проблемы совершенствования законодательства о возмещении экологического вреда в Республике Казахстан // Известия НАН РК. 2011. № 5. С. 45.

(провести восстановительные работы): лицо, причинившее вред окружающей среде, вправе добровольно устранить нанесенный ущерб либо компенсировать его иным способом. При этом обязательства лица по устранению либо компенсации ущерба должны быть изложены в гарантийном письме.

Кроме того, возмещение вреда в натуральной форме возможно с согласия сторон по решению суда путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению окружающей среды. К натуральным формам возмещения вреда относятся меры по восстановлению окружающей среды до состояния, имевшегося к моменту причинения вреда, предоставлению равноценного природного ресурса взамен уничтоженного либо поврежденного. Возмещение вреда в натуральной форме производится путем заключения договора и (или) соглашения, регламентирующих порядок, условия, сроки и объемы возмещения причиненного вреда.

Возмещение вреда может осуществляться также и в стоимостной форме за счет собственных средств лица, причинившего вред окружающей среде, или страховых выплат. К стоимостным формам возмещения вреда относятся денежные средства для восстановления окружающей среды до состояния, имевшегося к моменту причинения вреда, выполнения мероприятий по воспроизводству природных ресурсов, возмещения истцу иных убытков, включая упущенную выгоду.

В Республике Казахстан действует Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Правил экономической оценки ущерба от загрязнения окружающей среды» от 27 июня 2007 г. № 535. Экономическая оценка ущерба, нанесенного окружающей среде, производится должностными лицами в области охраны окружающей среды при выявлении в ходе осуществления государственного экологического контроля нарушений экологического законодательства.

Экономическая оценка ущерба прямым методом осуществляется в соответствии со статьей 109 ЭК РК, где указано, что прямой метод экономической оценки ущерба заключается в определении фактических затрат, необходимых для восстановления окружающей среды, деградировавших природных ресурсов и оздоровления живых организмов посредством наиболее эффективных инженерных, организационно-технических и технологических мероприятий. Должностными лицами уполномоченного органа в области охраны окружающей среды в первую очередь рассматривается возможность осуществления мероприятий по восстановлению окружающей среды лицом, нанесшим ущерб окружающей среде. Соответствующие обязательства по проведению мероприятий по восстановлению окружающей среды излагаются в гарантийном письме лица, нанесшего ущерб окружающей среде, с указанием конкретных мероприятий и сроков их проведения. Стоимость мер по ликвидации последствий ущерба определяется по их рыночной стоимости.

В Республике Молдова, как и в других странах СНГ, требования в области экологической ответственности и оценки экологического ущерба были введены как общегосударственные на всех уровнях власти. В соответствии с действующим в Молдове законодательством экологическая ответственность применяется ко всем юридическим и физическим лицам.

Закон Республики Молдова «Об охране окружающей среды» был принят 16 июня 1993 г. В настоящее время в большинство законов страны вносятся изменения и дополнения с учетом требований по их гармонизации с европейскими законодательством и нормами.

В соответствии с данным законодательным актом ответственность всех физических и юридических лиц за ущерб, нанесенный или наносимый окружающей среде, предупреждение, ограничение, борьба с загрязнением, а также возмещение ущерба, нанесенного окружающей среде и ее компонентам, проводятся за

счет виновных физических и юридических лиц (главы IV–VII). В то же время конкретное законодательство об экологической ответственности и компенсации ущерба в Молдове нет. В процессе разработки национальных законов Молдовы учитывался опыт других стран, а по ряду аспектов стране была оказана международная помощь. Иностранцы эксперты, в частности, участвовали в разработке новых законов об охране окружающей среды и охране водных ресурсов.

В соответствии с действующими законодательными актами Республики Молдова причиненный ущерб природной среде исчисляется посредством инструкций и методик, разработанных Министерством окружающей среды Республики Молдова и обобщенных в «Руководстве по оценке ущерба, наносимого окружающей среде антропогенной деятельностью, и механизмы его компенсации». Все инструкции и упомянутое руководство, касающиеся возмещения экологического ущерба, указаны в постановлениях Правительства Республики Молдова № 186-188 от 15 октября 2004 г., № 189-192 от 22 октября 2004 г., № 150-155 от 20 августа 2004 г. и № 208-210 от 3 октября 2003 г. К числу таких инструктивно-методических документов относятся: «Инструкция определения ущерба, нанесенного почвенным ресурсам», «Методика по оценке ущерба, нанесенного окружающей среде в результате нарушения водного законодательства». В соответствии с этими методиками ущерб должен исчисляться и возмещаться в полном объеме.

В Кыргызской Республике действует Закон Кыргызской Республики от 16 июня 1999 г. № 53 «Об охране окружающей среды» (далее — Закон КР «Об охране окружающей среды»).

При проведении исследования было выявлено, что терминология в области экологической гражданско-правовой ответственности, принятая на законодательном уровне в Кыргызской Республике, соответствует сложившейся в настоящее время правовой доктрине в наибольшей степени.

В статье 2 Закона КР «Об охране окружающей среды» разделены понятия «вред окружающей среде» и «ущерб окружающей среде».

При этом под вредом понимаются негативные изменения в состоянии окружающей среды, вызванные деятельностью человека, в результате загрязнения среды, истощения природных ресурсов, повреждения, разрушения экологических систем природы, создающие реальную угрозу здоровью и жизни человека, растительному и животному миру, материальным ценностям.

Ущерб окружающей среде понимается как исчисляемые в денежном выражении экономические и внеэкономические потери общества, возникающие в результате изменения окружающей среды, ее загрязнения.

В соответствии со статьей 36 Закона КР «Об охране окружающей среды» устанавливаются основы экологического страхования. Предусматривается возможность как добровольного, так и обязательного экологического страхования юридических и физических лиц, объектов их собственности и доходов на случай экологических бедствий, аварий и катастроф, а также страхование ответственности за загрязнение окружающей среды. Юридические лица и граждане, занимающиеся экологически опасными видами хозяйственной и иной деятельности, подлежат обязательному экологическому страхованию.

В соответствии со статьей 54 Закона КР «Об охране окружающей среды» юридические и физические лица, в том числе иностранные, причинившие ущерб окружающей среде, здоровью и имуществу граждан, юридических лиц и государству загрязнением окружающей среды, порчей, уничтожением, повреждением, нерациональным использованием природных ресурсов, разрушением естественных экологических систем и другими экологическими правонарушениями, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с Гражданским кодексом Кыргызской Республики и иными

нормативными правовыми актами Кыргызской Республики, например постановлением Правительства Кыргызской Республики от 7 сентября 2004 г. № 668 «О материальной ответственности за ущерб, причиненный порчей земель».

Возмещение вреда, причиненного окружающей среде в результате экологического правонарушения, производится в денежной форме, добровольно либо по решению суда в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера ущерба, а при их отсутствии — по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды. Суммы ущерба, взыскиваемые по решению суда, перечисляются в республиканский или местные фонды охраны природы.

Понятие экологического ущерба как таковое в **Республике Армения** не определено отдельным законом, и вопросы, касающиеся возмещения ущерба, причиненного природе и окружающей среде, регулируются статьей 17 Гражданского кодекса Республики Армения, принятого Национальным Собранием РА 5 мая 1998 г.

В республике действует целый ряд законов, регламентирующих вопросы оценки экологического ущерба и экологической ответственности. Примером такого закона может служить Закон Республики Армения «О тарифах возмещения ущерба, нанесенного животному и растительному миру вследствие экологических правонарушений», принятый в 2005 г. Статья 6 данного закона «Порядок расчета меры компенсации ущерба, причиненного животному и растительному миру вследствие экологических правонарушений», например, определяет, что «мера компенсации ущерба, причиненного животному и растительному миру вследствие экологических правонарушений... рассчитывается исходя из количества и/или объемов поврежденных объектов растительного или животного мира и тарифов, установленных

2-й главой настоящего закона». Закон предусматривает, что ставки возмещения ущерба, нанесенного растительному и животному миру, установлены по видам, исходя из экономической ценности ресурсов.

Данным законом Республики Армения предусматривается, например, что мера компенсации за ущерб, причиненный путем незаконного сруба или уничтожения разновидностей деревьев и кустов, зарегистрированных в Красной книге Республики Армения, а также объектов, имеющих статус памятников природы, незаконного использования или уничтожения разновидностей животных, рассчитывается в десятикратном размере от установленных законом тарифов.

Кроме того, к основным законам Республики Армения в области охраны окружающей среды, регламентирующим в числе прочих и вопросы экологической ответственности и оценки ущерба, относятся: закон «Об охране атмосферного воздуха» (1994 г.), закон «О растительном мире» (1999 г.), закон «О животном мире» (2000 г.), Лесной кодекс Республики Армения (2005 г.); Водный кодекс Республики Армения (2002 г.) (статья 114 этого кодекса, в частности, подробно регламентирует уголовную и административную ответственность за нарушение требований Водного кодекса), закон «Об отходах» (2004 г.), Земельный кодекс Республики Армения (2001 г.), закон «О тарифах возмещения ущерба, нанесенного животному и растительному миру вследствие экологических правонарушений» (2005 г.).

Основополагающий нормативный правовой акт экологического содержания **Азербайджанской Республики** — Закон Азербайджанской Республики от 8 июня 1999 г. № 678-IQ «Об охране окружающей среды» не содержит терминов «экологический вред» и «экологический ущерб».

В законе устанавливаются общие условия экологической ответственности: нарушение стандартов и иных нормативно-технических требований по охране

природы; невыполнение требований государственной экологической экспертизы; нарушение экологических требований при планировании, проектировании, размещении, строительстве, реконструкции, вводе в действие, эксплуатации и ликвидации предприятий, сооружений, передвижных средств и иных объектов; несоблюдение санитарных норм, правил и гигиенических нормативов; сверхнормативное загрязнение природной среды, физическое и иное вредное воздействие на нее; непринятие мер к ликвидации последствий вредного воздействия на природную среду; невыполнение предписаний органов, осуществляющих государственный контроль за охраной природы; нарушение природоохранных требований при хранении, транспортировке, использовании, обезвреживании и захоронении производственных, бытовых и иных видов отходов; нарушение экологических требований при обращении с радиоактивными и вредными химическими веществами; отказ от предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды, а также об источниках загрязнения; сокрытие данных о произведенных сверхнормативных сбросах и выбросах загрязняющих веществ, об авариях или катастрофах с вредными экологическими последствиями; самовольный захват земель лесного фонда; нарушение норм и порядка сбора, подготовки лекарственных и других дикорастущих растений; отказ от выделения земельных угодий для посадки противоэрозионных лесных насаждений.

Аналогично другим странам СНГ система экологической ответственности в Азербайджане была введена на всех уровнях власти. Требования в области экологической ответственности включены в систему национального законодательства, а головным ведомством, отвечающим за вопросы определения экологического ущерба и его оценки, является Департамент охраны окружающей среды Министерства экологии и природных ресурсов Азербайджана.

Как и в других странах СНГ, в Азербайджане наиболее близким подходам, используемым в странах ЕС, является такой метод возмещения ущерба, как «ценность за стоимость». В экономическом плане для оценки ущерба и его компенсации используется определение меры утраченных или подвергшихся воздействию ресурсов, учитывается и экономическая ценность ресурса.

Меры по восстановлению и компенсации ущерба осуществляются загрязнителем или третьей стороной, деятельность которой оплачивается загрязнителем. В случае если применяется денежная компенсация ущерба, сумма компенсационного платежа определяется стоимостью компенсационных мер.

Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 г. № 760 «Об охране окружающей среды» (далее — Закон РТ «Об охране окружающей среды») по своему содержанию очень близок, в том числе в вопросах возмещения экологического вреда, к законодательному акту Кыргызской Республики.

Закон РТ «Об охране окружающей среды», может быть, не так детально прописывает вопросы экологической ответственности и определения ущерба, но, как и закон Кыргызстана, предусматривает, что «привлечение к ответственности не освобождает виновных лиц от обязанности возмещения причиненного ими ущерба».

В соответствии со статьей 1 Закона РТ «Об охране окружающей среды» вред окружающей среде — это вызванные деятельностью человека негативные изменения состояния окружающей среды: загрязнение, истощение природных ресурсов, повреждения, деградация экологических систем.

Термины «экологический вред» и «экологический ущерб» в законодательстве Республики Таджикистан не разделены.

Порядок возмещения экологического вреда (ущерба) содержится в статьях 77, 78 Закона РТ «Об охране окружающей среды».

В соответствии со статьей 77 предприятия, учреждения, организации и граждане, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, порчи и уничтожения, повреждения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и другого нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в соответствии с нормативными правовыми актами Республики Таджикистан.

Что касается регламентирования возмещения ущерба, то закон Республики Таджикистан практически идентичен кыргызскому и определяет, что «возмещение ущерба, причиненного окружающей природной среде нарушениями природоохранительного законодательства, производится добровольно либо по решению суда или экономического суда в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления его размера, а при их отсутствии — по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния природной среды с учетом понесенных убытков».

Общие положения в отношении порядка возмещения экологического вреда содержатся в Законе **Республики Узбекистан** от 9 декабря 1992 г. № 754-ХП «Об охране природы».

В соответствии со статьей 49 данного закона предприятия, учреждения, организации и отдельные лица, причинившие вред окружающей природной среде, обязаны его возместить, включая упущенную выгоду, в соответствии с законодательством.

Привлечение виновных в нарушении экологических требований к административной или уголовной ответственности не освобождает их от обязанности возмещения причиненного вреда окружающей природной среде.

В Республике Узбекистан действует Положение о порядке применения компенсационных выплат за загрязнение

окружающей природной среды и размещение отходов на территории Республики Узбекистан, утвержденное постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 1 мая 2003 г. № 199, в котором достаточно подробно рассмотрены вопросы определения стоимостного выражения ущерба и регламентированы способы его расчета. Однако оно не содержит необходимых указаний по способам определения виновных в причинении ущерба, а также описания инструментария для проведения процедур оценки.

Своеобразным аспектом законодательства Республики Узбекистан является статья 2 указанного Положения, определяющая, что «предприятия и организации, финансируемые исключительно из средств государственного бюджета, не являются плательщиками компенсационных выплат за загрязнение окружающей природной среды и размещение отходов на территории Республики Узбекистан». Таким образом, данные субъекты освобождаются от необходимости возмещения стоимости потенциального ущерба, который могут нанести окружающей среде.

Понятие «вред» применительно к окружающей среде содержится в статье 60 Конституции **Украины** (1996 г.). Под таким вредом можно понимать как материальный, так и моральный. Материальный вред выражается в утрате жизни или причинении вреда здоровью человека, утрате или повреждении природных объектов, деградации окружающей среды. В экономическом аспекте материальный вред трансформируется в стоимость утраченного или поврежденного имущества, природных объектов и ресурсов, а также расходов на их восстановление (реальный ущерб), стоимость недополученных доходов в результате утраты природных ресурсов (упущенная выгода). Наряду с возмещением вреда, причиненного здоровью и имуществу вследствие совершения экологического правонарушения, гражданин имеет право на компенсацию морального вреда, причиненного нрав-

ственным переживанием в связи с невозможностью продолжать активную общественную жизнь, с потерей работы, а также с физической болью, связанной с причинением ущерба здоровью либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий.

В соответствии со статьей 69 Закона Украины от 25 июня 1991 г. № 1264-ХІІ «Об охране окружающей природной среды» ущерб, причиненный в результате нарушения законодательства об охране окружающей природной среды, подлежит компенсации, как правило, в полном объеме, без применения норм снижения размера взимания и независимо от сбора за загрязнение окружающей природной среды и ухудшение качества природных ресурсов.

Лица, которым причинен такой ущерб, имеют право на возмещение неполученных доходов за время, необходимое для восстановления здоровья, качества окружающей природной среды, воспроизводства природных ресурсов до состояния, пригодного для использования по целевому назначению.

По результатам проведенного исследования использования модельного за-

кона «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде» в национальных законодательствах государств — участников СНГ представляется возможным сделать следующие основные выводы:

1) в большинстве государств — участников СНГ приняты нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы возмещения вреда, причиненного окружающей среде;

2) в законодательствах государств — участников СНГ имеются противоречия в отношении понятий «экологический вред» и «экологический ущерб» (за исключением Кыргызской Республики, где эти понятия разделены);

3) законодательство большинства стран Содружества содержит положения, составляющие основу экологического страхования;

4) подобно положениям рассматриваемого модельного закона, законодательство большинства стран СНГ предусматривает возможность возмещения вреда, причиненного окружающей среде, как в денежной, так и в натуральной форме.

А. М. Барлуков

Экономика региона с экологической регламентацией: анализ и устойчивое развитие

Аннотация: Статья посвящена выявлению проблем и перспектив развития экономики региона с экологической регламентацией в концепции устойчивого развития, разработке схемы преодоления системы факторов, сдерживающих развитие региональной экономики, функционирующей в условиях особого режима хозяйствования.

Ключевые слова: устойчивое развитие, региональная эколого-экономическая система, регламентирование хозяйственной деятельности, регион с экологической регламентацией.

Об авторе

Александр Михайлович Барлуков (Улан-Удэ, Российская Федерация) — директор центра содействия трудоустройству выпускников Бурятского государственного университета, доцент кафедры прикладной математики Бурятского государственного университета, кандидат экономических наук; barlukov88@mail.ru

A. Barlukov

The Economy of the Region with Environmental Regulations: Analysis and Sustainable Development

Annotation: The article is devoted to the problems and prospects of development of the economy of the region with environmental regulations, the development of the scheme to overcome of the system of the constraints in the development of the regional economy, operating under a special management regime.

Key words: sustainable development, regional ecologic and economic system, regulation of economic activity, region with environmental regulations.

About the Author

Aleksander Barlukov (Ulan-Ude, Russian Federation) — Director of the Centre to promote the employment of graduates of the Buryat State University, Associate Professor of the department of applied mathematics of the Buryat State University, PhD; barlukov88@mail.ru

Разрешение противоречия между экономическими интересами и состоянием окружающей среды является одной из первостепенных задач общества, обусловленных поиском возможностей эффективного инновационного использования природных ресурсов и увеличения экономического роста. В связи с этим особенно важно создание теоретико-методологического подхода к решению региональных эколого-экономических проблем, теоретическое осмысление явлений, процессов и противоречий на региональном уровне организации эколого-экономических отношений, в том числе для регионов с регламентированием хозяйственной деятельности.

Регионализм устойчивого развития объективно обуславливается тем, что социально-экономические процессы,

структура производства и его специализация имеют четко выраженный региональный характер. На это оказывают существенное влияние территориальные различия природно-климатических условий, неравномерность распределения природных ресурсов, сложившаяся система расселения населения, традиции хозяйственного уклада. Социально-экономическое развитие, использование природных ресурсов и охрана окружающей среды во всех случаях соотносятся с определенной территорией. Методологическая и практическая важность регионального аспекта стратегии устойчивого развития России определяется тем, что такое развитие страны в целом возможно лишь при устойчивом и гармоничном развитии всех ее регионов и соблюдении необходимых взаимно

сбалансированных межрегиональных отношений [1].

Перспективы развития России в XXI в. отечественные ученые видят в реализации качественно новых концепций. Например, С. Дятлов [2] предлагает новую инвестиционную концепцию развития, результатом реализации которой будет достижение управляемого сбалансированного устойчивого экономического роста, который и должен стать базисом устойчивого развития России и ее общественных институтов. Автор также отмечает, что «успешный переход к стратегии устойчивого развития в России в новом понимании возможен только при переходе на качественно новые условия жизнедеятельности, основанные на новой информационной парадигме общественного развития» [3].

Вышеизложенное, по нашему мнению, позволяет сделать вывод о необходимости проведения фундаментальных исследований по созданию эколого-экономических моделей в соответствии с требованиями концепции устойчивого развития, дающих возможность проигрывать сценарии социально-экономического развития отдельных регионов и страны в целом. Основная идея устойчивого развития — учет экологического фактора в развитии человеческого общества, поэтому при составлении федеральных целевых программ приоритет должен быть отдан экологической политике, а для решения экологических проблем необходим синтез социально-экономических возможностей, изменение социальной политики и сознания людей.

Рост числа глобальных экологических проблем, возникновение локальных кризисов и катастроф антропогенного происхождения, угрозы для выживания человечества, осознание зависимости жизнедеятельности людей, производственных процессов от состояния окружающей среды привели к необходимости пересмотра перспектив развития цивилизации. Как следствие, начали активизироваться научные исследования по проблемам взаимосвязи экономического

развития общества и состояния окружающей среды, включая региональный аспект указанной проблемы, создаваться государственные структуры, связанные с охраной окружающей среды.

Исследуя систему сдерживающих факторов в развитии экономики региона с экологической регламентацией, важно определить содержание понятий «регион», «регион с экологической регламентацией».

В России и за рубежом приняты следующие определения понятия «регион» [4]:

— область (район, часть страны), отличающаяся от других совокупностью естественных или исторически сложившихся экономико-географических особенностей, в большинстве случаев сочетающихся с особенностями национального состава населения;

— пространственно-организованная форма жизнедеятельности населения, включающая сферы проживания и профессионально-трудовой деятельности, управляемая из единого политико-административного центра и объединяемая реальными и многообразными связями (производственно-трудовыми, политическими, социально-экономическими, этническими, культурно-бытовыми) на основе самоуправления и полной реализации своих прав как субъекта социально-политической жизни;

— крупная таксономическая единица производственно-территориального устройства страны и форма организации производственно-общественной жизни населения, отличающаяся геоэкономическими, геополитическими, производственно-хозяйственными, культурно-этническими, динамическими характеристиками;

— регион (для РФ) — территория в административных границах субъекта Российской Федерации, характеризующаяся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т. е. наличием политико-административных органов управления.

По мнению А. Гранберга, регион — это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов [5].

В. Леонтьев под регионом понимает административно-территориальную единицу государства, выделенную по функциональному признаку [6].

У. Изард считает, что регион — это географически и административно выделенная территориальная единица в зависимости от его производственной специфики, культуры и исторических традиций [7].

Таким образом, мы разделяем существующую на сегодня позицию ученых по поводу обоснования содержания понятия «регион» и понимаем под регионом локальную территорию с организационным сочетанием устойчивых производственных, социальных, политико-административных, ресурсных, культурно-этнических, инновационных, экологических и биологических связей.

В свою очередь, регламентация — это способ организации правового регулирования общественных отношений посредством наделения их участников субъективными юридическими правами и обязанностями [8]. Таким образом, на наш взгляд, экологическая регламентация — это установление юридических правил (ограничений, запретов), определяющих порядок осуществления хозяйственной деятельности с учетом экологического фактора.

По мнению И. В. Жигжитовой, экологические ограничения представляют собой совокупность федеральной и региональной системы экологических требований, норм, нормативов, регламентов и правил природопользования, лимитов и других ограничителей, реализуемых путем запрета или дозволения хозяйственной и иной деятельности на охраняемой территории с целью эффективной охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Они диктуют субъектам экономики определенную

модель поведения путем предписаний запретительного, дозволистельного характера осуществления хозяйственной деятельности [9].

При этом И. В. Жигжитова замечает, что экологические ограничения в регионе распределяются по пространственно-территориальному принципу, т. е. происходит разделение экологических ограничений в зависимости от сферы их применения: природные объекты или территории с напряженной экологической ситуацией. Целью внедрения экологических ограничений в регионах с напряженной экологической ситуацией является снижение опасности вредных условий проживания на территории, а целью применения экологических ограничений для природных объектов — сохранение уникальных природных комплексов.

По мнению Е. М. Наумовой, организация и ведение производственной деятельности на территории с экологическими ограничениями приводят к увеличению затрат на продукцию, производимую в регионе, и ее удорожанию. Это снижает конкурентоспособность данного региона по сравнению с другими регионами России и усиливает кризисные процессы в экономике территорий, имеющих экологические ограничения [10].

Ч. Б. Дамдинова замечает, что особенность региональной социально-экономической системы в условиях экологических ограничений заключается в смещении целей — с чисто экономических в сторону эколого-экономических, и, соответственно, цели каждой подсистемы ориентированы на достижение цели всей системы. Автор понимает под региональной социально-экономической системой в условиях экологических ограничений целостную систему, являющуюся звеном социально-экономической системы страны, представляющей собой множество подсистем, объединенных в целостную структуру в рамках определенной территории. Причем экологическая подсистема, по мнению автора, занимает доминирующее положение, но все подсистемы

в своем развитии подчинены единой цели — удовлетворению материальных и духовных потребностей населения региона при сохранении устойчивости природной среды [11].

По мнению В. Е. Викулова, режим особого природопользования целесообразно или необходимо устанавливать в тех регионах, где богатые природные ресурсы невозможно не использовать для эффективного социально-экономического развития и обеспечения достойного уровня жизни населения, но при этом необходимо сохранить уникальный природный объект или совокупность таковых, представляющую, как правило, общегосударственную или даже мировую ценность [12].

В результате исследования существующих подходов к определению сущности экологических ограничений, вводимых на территории региона, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, регион с экологической регламентацией характеризуется либо кризисной экологической ситуацией, либо наличием уникальных природных объектов на его территории.

Во-вторых, к регионам с экологической регламентацией в отличие от других регионов предъявляются особые, более жесткие требования, гарантирующие охрану и воспроизводство природных ресурсов, сохранение и нормальное функционирование экологических систем данного региона.

Содержание понятия «регион с экологической регламентацией», на наш взгляд, должно быть дополнено требованием сохранности экосистемы данной территории на основе создания единой региональной системы экологических фондов, влияющих на развитие экологосберегающих технологий в регионе.

По нашему мнению, понятие «регион с экологической регламентацией» определяет локальную территорию с организационным сочетанием устойчивых производственных, социальных, политико-административных, ресурсных, культурно-этнических, инновационных,

экологических, биологических связей и строго установленными для данной территории определенными нормативными правовыми актами, устанавливающими жесткие ограничения и запреты на ведение хозяйственной деятельности, что обусловлено либо кризисной экологической ситуацией на территории региона, либо наличием уникальных природных объектов на этой территории, на которые оказывается негативное воздействие [13].

Регион с экологической регламентацией предполагает особый режим хозяйствования, при котором к организации хозяйственной деятельности предъявляются более высокие требования, в отличие от требований, налагаемых на национальном уровне, т. е. режим охраны и пользования природными ресурсами региона отличается от правового режима природопользования, установленного для иных регионов государства. Статус «регион с экологической регламентацией» подразумевает наличие на территории этого региона уникальных природных объектов либо кризисную экологическую ситуацию. Следовательно, в таком регионе запрещаются или ограничиваются те виды хозяйственной деятельности, при осуществлении которых оказывается негативное воздействие на уникальную экосистему данной территории или происходит дальнейшее усугубление экологической ситуации, характеризующееся повышением опасности вредных условий проживания на территории региона. Таким образом, экологическая регламентация, по нашему мнению, выступает сдерживающим фактором в развитии экономики региона за счет высоких издержек и высокой экологической нагрузки, обусловленной выполнением природоохранных функций, а также экологических ограничений, налагаемых введением особых режимов хозяйственной деятельности. При этом для преодоления сдерживающего фактора в развитии экономики региона, на наш взгляд, необходимо изменить структуру экономики региона, сделав упор на развитии ее инновационности [14].

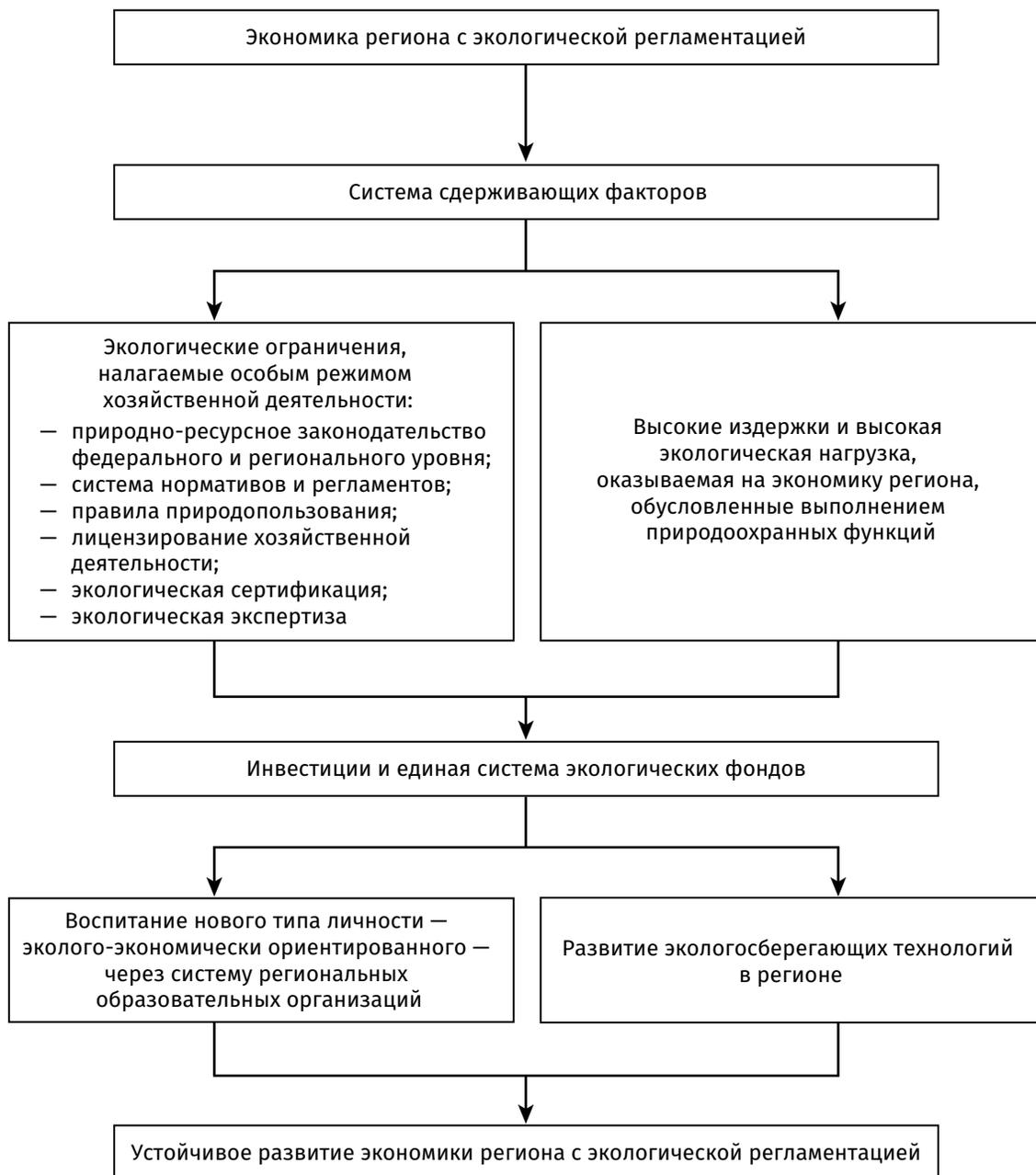

Схема преодоления системы сдерживающих факторов в развитии экономики региона с экологической регламентацией

Следует сокращать разрыв между технологической и хозяйственной цепочками, вызванный экологическими ограничениями, за счет развития отраслей и производств, наносящих минимальный вред окружающей среде, ориентированных на преимущественное ис-

пользование возобновляемых ресурсов, использующих ресурсосберегающие, экологически чистые высокие технологии.

Подобная перестройка требует серьезных инвестиций, необходимых, с одной стороны, для технического перевооружения традиционных отраслей, а с другой

стороны, для создания отраслей новой инновационной экономики. Также для финансирования этих мероприятий необходимо, на наш взгляд, создать единую систему экологических фондов, источниками формирования которых будут являться: платы за выбросы, сбросы загрязняющих веществ в окружающую природную среду, размещение отходов и другие виды загрязнений; суммы, полученные по искам о возмещении вреда и взыскании за экологические правонарушения; средства от реализации конфискованных орудий охоты и рыболовства, незаконно добытой с их помощью продукции; средства, полученные в виде дивидендов, процентов по вкладам, банковским депозитам, от долевого использования собственных средств фонда в деятельности предприятий и юридических лиц; инвалютные поступления от иностранных юридических лиц и граждан.

Решение этих проблем, по нашему мнению, должно обеспечиваться посредством утверждения экологически ориентированных форм поведения для населения региона, для всех субъектов хозяйственной деятельности через совершенствование системы экологического воспитания и образования.

Систему экологического воспитания и образования необходимо совершенствовать путем воспитания нового типа личности — эколого-экономически ориентированного, базирующегося на понятии любовно-творческого типа личности, — через систему региональных образовательных организаций [15; 16].

Все вышеперечисленное позволит перейти к устойчивому развитию экономики региона с экологической регламентацией (см. схему).

Таким образом, устойчивое развитие региона с экологической регламентацией становится возможным при условии гармоничной интеграции экономических и экологических аспектов развития в процессе принятия управленческих решений, использования единой методологии управления региональной эколого-экономической системой, главным конструктивным и управляющим фактором которой является человек, человеческое общество. Уравновешивание экономики с природой и сохранение оптимальной среды обитания для человека и человеческого общества дает возможность стать эколого-экономической системе необходимым условием устойчивого развития региона.

Использованные источники

1. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А. М. Шелехова. М. : Наука, 2002.
2. Дятлов С. А. Инвестиционная концепция развития России. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2007.
3. Дятлов С. А. Информационная парадигма социально-экономического развития // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2008. С. 3–4.
4. Нестеров П. М., Нестеров А. П. Менеджмент региональной системы : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
5. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М. : ГУ ВШЭ, 2006.
6. Леонтьев В. Межотраслевая экономика : пер. с англ. М. : Экономика, 1997.
7. Изард У. Экономическая география США : пер. с англ. М. : Дело, 1992.
8. Акимова Т. А., Кузьмин А. П., Хаскин В. В. Экология. Природа — Человек — Техника / под общ. ред. А. П. Кузьмина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
9. Жигжитова И. В. Повышение конкурентоспособности региона в условиях экологических ограничений (на примере Республики Бурятия) // ЭКО. 2010. № 4. С. 160–170.
10. Наумова Е. М. Вопросы учета экологических ограничений в управлении Байкальской природной территорией // Известия ИГЭА. 2008. № 1. С. 58–61.
11. Дамдинова Ч. Б. Особенности региональной социально-экономической системы с экологическими ограничениями // Актуальные вопросы экономических наук : сб. материалов XII Международной научно-практической конференции / под ред. Ж. А. Мингалева, С. С. Чернова. Новосибирск : СИБПРИНТ, 2010. Ч. 1. С. 38–43.

12. Викулов В. Е. Режим особого природопользования (на примере озера Байкал). Новосибирск : Наука, 1982.

13. Социально-экономическое развитие региона: факторы, проблемы, тенденции, перспективы. К 80-летию БГПИ-БГУ / под ред. Н. М. Полянской. Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2013. С. 9–26.

14. Барлуков А. М. Система сдерживающих факторов в развитии экономики региона с эко-

логической регламентацией // Стратегическое планирование и прогнозирование в экономике региона : сб. материалов Межвузовской научно-практической конференции (г. Великий Новгород, 17 мая 2013 г.). СПб. : Изд-во СПбГУСЭ, 2013. С. 135–138.

15. Барлукова Я. А. Становление любовно-творческой личности школьника. Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2006.

16. Горелов А. А. Экология. М. : Центр, 2002.

В. Ю. Додонов

Система торговли квотами на выбросы парниковых газов в Казахстане. Оценка первого опыта и перспективы

Аннотация: В статье представлен обзор опыта внедрения в Казахстане системы торговли квотами на выбросы парниковых газов, запущенной в рамках курса на создание «зеленой экономики» и нацеленной на сокращение выбросов парниковых газов, предусмотренное Киотским протоколом и Парижским климатическим соглашением. Рассмотрены предпосылки и основы формирования системы торговли выбросами (СТВ), проанализированы основные показатели торговли квотами, дана оценка ее масштабов в сопоставлении с общими параметрами выбросов парниковых газов.

Ключевые слова: парниковые газы, выбросы парниковых газов, система торговли выбросами, квоты на выбросы парниковых газов, «зеленая экономика».

Об авторе

Вячеслав Юрьевич Додонов (Алматы, Республика Казахстан) — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор экономических наук; dodonov@mail.ru

V. Dodonov

The System of Greenhouse Gas Emission Trading in Kazakhstan. First Experience Evaluation and Perspectives

Summary: The article provides an overview of the experience of implementation in Kazakhstan greenhouse gas emission trading scheme, launched on the route to the «green economy» and aimed to greenhouse gas emissions reducing, the Kyoto Protocol and the Paris climate agreement obligations fulfillment. The prerequisites and bases of ETS formation are observed, the main indicators of trading is analyzed. The conclusion is that the emissions trading system proved its efficiency, as well as a certain growth of the main indicators that allow to evaluate the prospects for its further use positively.

Keywords: greenhouse gas, greenhouse gas emissions, emission trading scheme, emission permits, «green economy».

About the Author

Vyacheslav Dodonov (Almaty, Republic of Kazakhstan) — Chief Research Fellow, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences; dodonov@mail.ru

Система торговли выбросами (СТВ) практикуется во многих странах и регионах мира, стремящихся снизить уровень загрязнения окружающей среды, и является рыночным механизмом, который должен стимулировать предприятия, выбрасывающие парниковые газы, к снижению объемов таких выбросов. Данная система основана на ограничении предприятий — эмитентов парниковых газов в их выбросах, превышение которого требует покупки квот на дополнительные выбросы, а показатели ниже установленного для предприятия уровня предполагают возможность продажи излишков квот на внутреннем рынке. Тем самым создаются стимулы для снижения уров-

ня выбросов, включается рыночный механизм саморегулирования соответствующих процессов.

Казахстан как государство, заявившее о переходе к «зеленой экономике» и принявшее ряд соответствующих стратегических документов, ориентирован также на внедрение механизмов повышения энергоэффективности, декарбонизации и экологической устойчивости, одним из которых является торговля выбросами парниковых газов. Кроме того, необходимость внедрения СТВ обусловливается обязательствами страны в рамках Парижского климатического соглашения по сокращению этих выбросов.

Основой для организации национальной системы торговли выбросами парниковых газов в Казахстане послужили ратификация Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата в 2009 г. и объявление о намерении сократить (по сравнению с уровнем 1992 г.) выбросы парниковых газов к 2020 г. на 15%, и на 25% — к 2050 г. После этого началась работа по организационному, нормативному и институциональному оформлению требуемых мер по реализации принятых решений.

Основными элементами инфраструктуры торговли квотами в Казахстане стали:

— торговая площадка — товарная биржа «Каспий» в Астане, а также брокеры и дилеры, непосредственно осуществляющие биржевую торговлю по поручениям клиентов;

— объект торговли — финансовые инструменты, базовым активом которых являются единицы квот и единицы внутреннего сокращения выбросов, приравненные к одной тонне в эквиваленте двуокиси углерода;

— государственный реестр углеродных единиц Республики Казахстан, обеспечивающий фиксацию прав и сделок с углеродными единицами, в том числе посредством ведения следующих счетов: счета выпуска единиц квот, счета аннулирования углеродных единиц, счета изъятия из обращения углеродных единиц, счета резервирования единиц квот, счета операторов квотируемых установок, счета операторов (инвесторов) внутренних проектов по сокращению выбросов парниковых газов (далее — счета операторов (инвесторов) проектов), счета участников торговли углеродными единицами;

— уполномоченный орган АО «Жасыл даму», выполняющий следующие функции: управление и распределение резерва квот на выбросы парниковых газов, управление кадастром парниковых газов, управление государственным реестром углеродных единиц Республики Казахстан.

После создания нормативной, институциональной и технической инфраструктуры в 2013 г. была запущена торговля квотами. Казахская СТВ функционирует на основе системы квотирования и торговли (в мировой практике — Cap and Trade), в рамках которой для предприятий — эмитентов парниковых газов (по казахстанскому законодательству — операторы установок) устанавливаются годовые лимиты выбросов, которые они обязаны соблюдать, а в случае превышения — покупать на рынке квоты в требуемом объеме.

Квоты для операторов установок изначально устанавливаются в Национальном плане распределения квот на выбросы парниковых газов (НПР). Первый НПР был принят в конце 2012 г. и действовал на протяжении 2013 г. В декабре 2013 г. был утвержден следующий НПР — на период 2014–2015 гг. Очередной НПР должен охватывать период 2016–2020 гг., но он пока не утвержден. Национальный план распределения квот на выбросы парниковых газов выполняет следующие функции [1]:

1) квотирует (лимитирует) выбросы двуокиси углерода от установок операторов, совокупные выбросы двуокиси углерода которых превышают 20 тыс. т в год;

2) определяет количество распределяемых единиц квоты по отраслям экономики, а также по природопользователям для всех стационарных источников, эксплуатируемых соответствующими природопользователями;

3) определяет количество единиц квоты, составляющих резерв объема квот, предназначенный для новых установок в приоритетных секторах экономики.

Целью запуска системы торговли квотами на выбросы было постепенное снижение уровня выбросов парниковых газов. Для реализации этой цели Национальным планом распределения квот предполагается постепенное сокращение объема выбросов парниковых газов, первое из которых было запланировано в рамках второй фазы НПР на 2015 г.

и составляло 1,5%. В целом данные по фазам работы национальной системы торговли выбросами приведены в таблицах 1 и 2.

Первая фаза была тестовой и функционировала в имитационном режиме. В этот период не проводилось реальных торгов квотами, шла отработка технических аспектов функционирования СТВ, в связи с чем не было и целевого индикатора по сокращению выбросов парниковых газов. Тем не менее, именно с началом этой фазы, с 1 января 2013 г. Казахстан формально запустил СТВ и стал первой страной в Азии, обеспечившей торговлю выбросами в общенациональном масштабе (существующие в других азиатских странах системы торговли либо носят фрагментарный характер,

либо находятся в стадии становления). В первой фазе приняли участие 178 крупных предприятий электроэнергетики, нефтегазовой, угледобывающей, химической промышленности и металлургии, на долю которых в Казахстане в 2010 г. суммарно пришлось 77% выбросов углекислого газа и 55% выбросов парниковых газов [3].

На второй фазе функционирования СТВ в качестве базового года для определения квот и установления индикаторов снижения выбросов были взяты не показатели 2010 г., а среднее значение 2011–2012 гг., что обусловило более высокий объем распределенных квот — 154,9 млн т на 2014 г. против 147,2 млн т в 2013 г. При этом следует отметить, что в 2013 г. фактически было выдано квот

Таблица 1. Основные параметры первой фазы функционирования СТВ в Республике Казахстан

Отрасль	Электроэнергетика	Добыча угля, нефти и газа	Промышленность	ВСЕГО
Количество компаний-участниц	55	69	54	178
Выбросы CO ₂ в базовом (2010) году, млн т	84	19,8	43,4	147,2
Распределенные углеродные квоты на 2013 г., млн т	84	19,8	43,4	147,2
Резерв дополнительных квот для новых и расширяющихся установок, млн т	—	—	—	20,6
Целевой индикатор сокращения выбросов, %	—	—	—	0

По данным Базы данных схемы торговли выбросами Казахстана [2]

Таблица 2. Основные параметры второй фазы функционирования СТВ в Республике Казахстан

Отрасль	Электроэнергетика	Добыча угля, нефти и газа	Промышленность	ВСЕГО
Количество компаний-участников	60	66	40	166
Распределенные углеродные квоты на 2014 г., млн т	93,4	23,4	38,6	155,4
Распределенные углеродные квоты на 2015 г., млн т	92	23	38	153

По данным Базы данных схемы торговли выбросами Казахстана [2]

Таблица 3. Основные параметры торговли квотами на выбросы парниковых газов на бирже «Каспий» в 2014–2015 гг.

Период	2014 г.	2015 г.
Количество сделок	35	15
Общий объем сделок, тенге	182 188 933	354 818 000
Количество квот на выбросы в торгах	1 271 289	674 300
Количество компаний-участников	20	11
Средняя цена одной квоты, тенге	143,3	526,2

По данным презентации «Статус системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в Республике Казахстан» [4, с. 4, 5]

не на 147,2 млн т, а на 158,1 млн т, так как 43 компании дополнительно получили квоты на 18,8 млн т, хотя этот дополнительный объем не был использован полностью — из него задействовали только 6,83 млн т [4, с. 2], т. е. фактическое использование квот в 2013 г. составило 154 млн т.

Во время второй фазы резерв квот для новых и расширяющихся установок составил 18 млн т на 2014 г. и 20,5 млн т — на 2015 г. В 2014 г. не было установлено целевого уровня снижения выбросов, т. е. этот уровень был равен нулю, а на 2015 г. впервые в ходе функционирования системы он был установлен на уровне 1,5%. Этот уровень означал, что всем предприятиям-участникам в 2015 г. квоты были уменьшены на 1,5% по сравнению с 2014 г., что было отражено в электронной системе Кадастра источников выбросов и поглощений парниковых газов и реестра углеродных единиц, ведение которых осуществляет АО «Жасыл даму».

Вторая фаза также ознаменовалась началом реальных торгов квотами на выбросы на товарной бирже «Каспий». Это произошло в начале 2014 г., торги продолжались до лета 2015 г., а их основные параметры приведены в таблице 3.

К сожалению, в настоящее время не доступны первичные данные о торгах непосредственно с товарной биржи «Каспий» — они не сохранились в архивах сделок. Источником информации, приведенной в таблице 3, является презентация USAID «Статус системы торговли

квотами на выбросы парниковых газов в Республике Казахстан» (июнь 2015 г.), однако приведенные в ней данные имеют существенные расхождения с данными реестра углеродных единиц, который ведет АО «Жасыл даму».

В реестре отражаются все сделки, совершавшиеся с квотами, поэтому данный официальный источник заслуживает большего доверия. В соответствии со статистикой реестра объем торгов был несколько больше: в 2014 г. было проведено транзакций на 1 252 950 квот (что незначительно меньше, чем указано в таблице 3, и может быть объяснено техническим фактором погрешностей в учете), а в 2015 г. — на 1 983 922 квоты, и эта величина в три раза больше данных, приведенных в презентации USAID. Таким образом, если в соответствии с данными USAID в 2015 г. количество реализованных квот заметно сократилось, то по данным реестра углеродных единиц, напротив, был отмечен значительный рост. Помесячные объемы регистрации транзакций с квотами в реестре приведены на рисунке 1, и они демонстрируют уверенную динамику роста.

Как свидетельствуют приведенные данные, торги проводились периодически — не на всем протяжении года, а только с марта — апреля по август. Также большой неравномерностью отличалась и торговая активность. Кроме того, можно отметить и тот факт, что на протяжении 2014–2015 гг. росла цена квот на выбросы, т. е. рынок постепенно

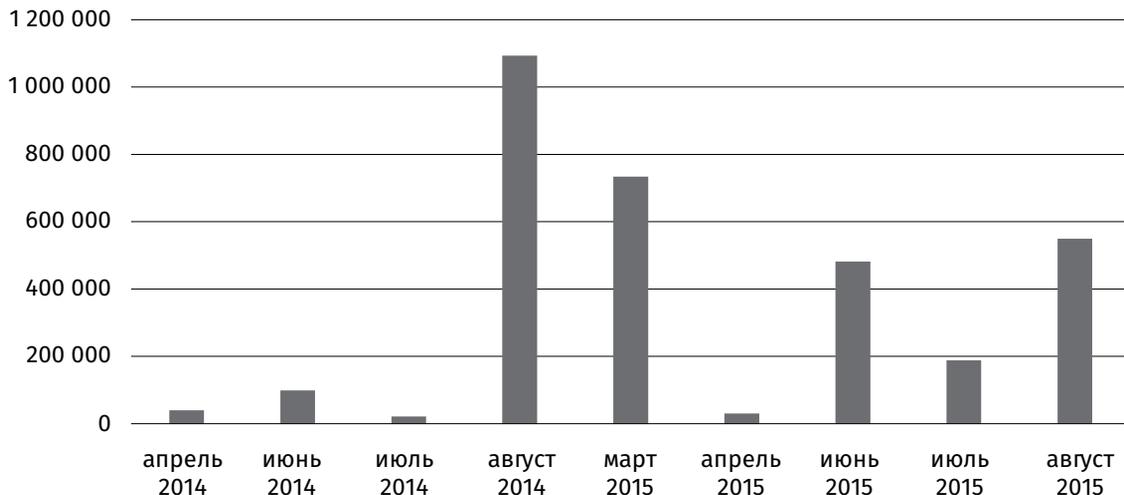

Рис. 1. Месячные объемы квот по сделкам, отраженным в реестре углеродных единиц

Рассчитано по данным реестра углеродных единиц: Проведенные торговые транзакции [5]

формировался и развивался. Ближе к окончанию периода торговли цена квот находилась преимущественно в диапазоне 1000–1500 тенге, что является достаточно существенной величиной с точки зрения выполнения СТВ стимулирующей функции по сокращению выбросов, учитывая, что у крупнейших организаций — эмитентов парниковых газов объем выбросов превышает 10 млн т в год. В условиях высокой рыночной цены квоты на выброс эквивалента 1 т диоксида углерода у таких предприятий повышается мотивация к проведению мероприятий по сокращению выбросов, так как рыночная стоимость 1 млн т выбросов приближается к уровню порядка 1–1,5 млрд тенге.

В то же время переоценивать роль системы торговли выбросами в период ее непродолжительного действия в Казахстане не следует. Объемы торгов квотами оставались очень небольшими — не только в сопоставлении с масштабами национального биржевого рынка, но даже относительно оборотов товарной биржи «Каспий», доля в которых торговли выбросами составляет всего несколько процентов. Если же рассматривать долю биржевой торговли квотами относительно их общего объема, распределяемого

в рамках НПР, то она оставалась крайне незначительной как в 2014 г., так и в 2015 г., составляя около 1%.

На наш взгляд, эта ситуация ограниченной реализации потенциала торговли квотами возникла прежде всего вследствие того, что достаточно большой объем квот в 2014–2015 гг. продолжал выделяться государством бесплатно из резерва. Объем таких дополнительных квот существенно превышал объем квот, проходивших через вторичный рынок: в шесть раз — в 2014 г., в 3,4 раза — в 2015 г., что в значительной мере лишало смысла биржевую торговлю. У операторов установок — эмитентов парниковых газов не было стимула приобретать квоты у других участников рынка через биржу, так как существовала возможность получить дополнительные квоты бесплатно из государственного резерва. На этом фоне биржевые торги квотами оставались существенно ниже своего потенциала и представляли минимальную часть общего количества распределяемых квот (рис. 2).

Несмотря на незначительные объемы торговли квотами в первые два года функционирования СТВ, в целом ее опыт можно признать успешным, так как на протяжении этого периода происходило

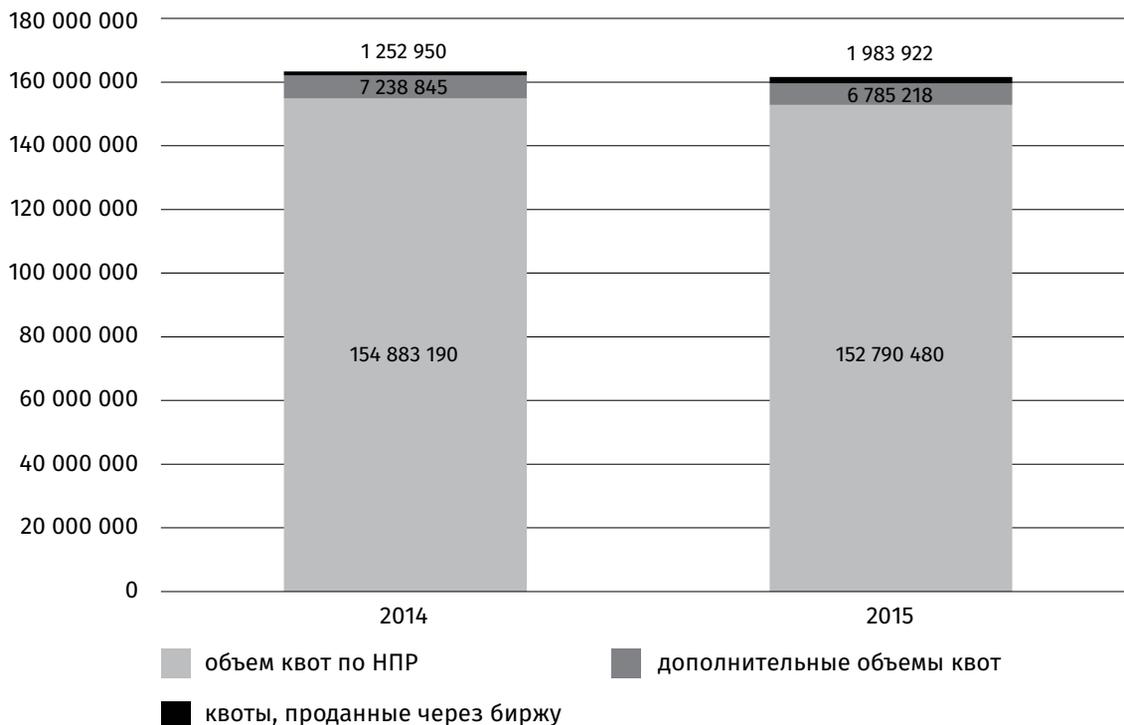

Рис. 2. Сравнительные масштабы биржевой торговли квотами на выбросы и других параметров предоставляемых квот, ед.

Рассчитано по данным [5; 6; 7]

постепенное увеличение торговой активности, рост цены квот, а также были успешно отработаны механизмы торговли, клиринга, оформления и регистрации сделок, несмотря на ряд факторов, препятствовавших активизации торговли.

В начале 2016 г. работа СТВ была приостановлена до 2018 г. в связи с необходимостью совершенствования методики расчета и выделения квот, а также решения ряда технических вопросов, вызывавших критику у бизнеса. В связи с этим также не был принят очередной Национальный план распределения квот на выбросы парниковых газов на 2016–2020 гг. Тем не менее, на наш взгляд, перспективы развития СТВ в Казахстане остаются скорее благоприятными. Возможности рестарта и развития торговли квотами подкреплены рядом факторов, среди которых можно выделить следующие:

— необходимость выполнения Казахстаном норм Парижского климатического соглашения по снижению выбросов парниковых газов, одним из механизмов которого является внутренняя торговля квотами на выбросы;

— положительный зарубежный опыт применения СТВ для снижения уровня выбросов парниковых газов, показывающий целесообразность использования этого механизма в Казахстане;

— достаточно большой охват системой торговли квотами отраслей и производств, являющихся основными эмитентами парниковых газов, что свидетельствует о высокой потенциальной эффективности СТВ в плане стимулирования снижения выбросов;

— СТВ, по сравнению с альтернативным методом стимулирования ограничения выбросов — углеродным налогом, является меньшим обременением для бизнеса;

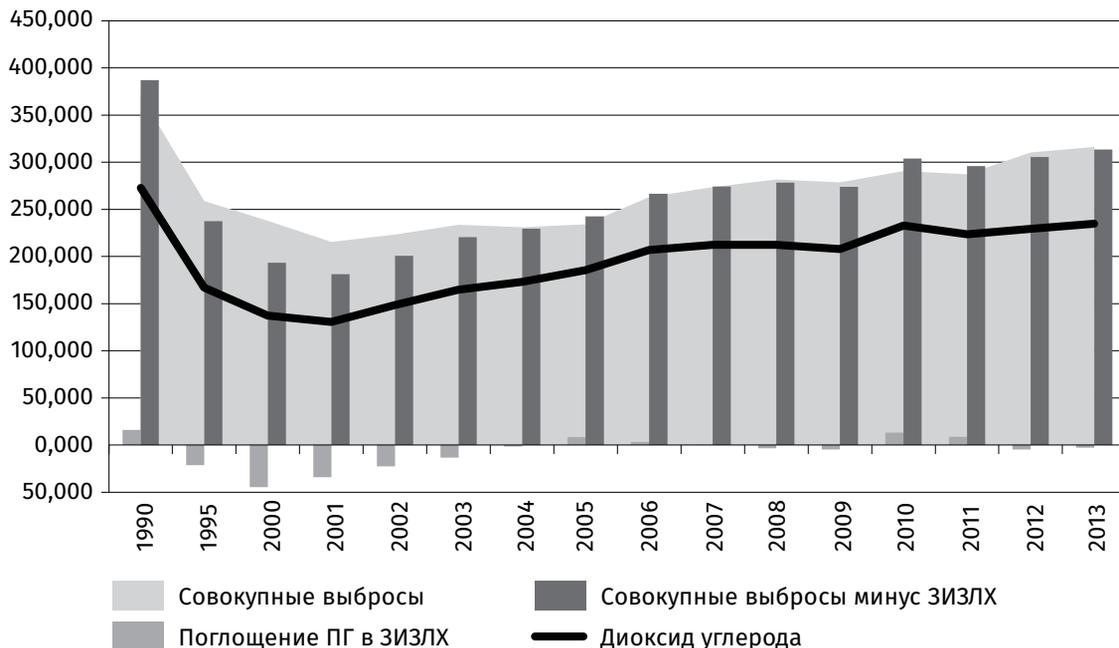

Рис. 3. Динамика основных показателей, характеризующих выбросы парниковых газов в Республике Казахстан, млн т

Примечание: ЗИЗЛХ — землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство. Рассчитано по данным Комитета по статистике МНЭ РК [8]

— более высокий по сравнению с некоторыми другими направлениями (использование лесов для поглощения выбросов, переход на возобновляемую энергетику и пр.) и с учетом природно-климатических и экономических условий Казахстана потенциал СТВ по снижению выбросов.

Рассмотрим эти факторы подробнее.

Необходимость выполнения Казахстаном заявленных обязательств по снижению выбросов парниковых газов является ключевым условием реализации различных мер в области стимулирования выбросов, поскольку несмотря на то, что современный уровень выбросов остается ниже показателя базового 1990 г. на комфортную величину порядка 19%, уровень выбросов постоянно растет с 2002 г. (рис. 3).

Таким образом, «запас» текущего уровня выбросов относительно 1990 г. ежегодно уменьшается, и в случае сохранения этой тенденции к 2020 г. уровень

в 15%, принятый Казахстаном в рамках Парижского климатического соглашения, может быть не достигнут.

Зарубежный опыт использования СТВ в рамках систем квотирования и торговли, аналогичных казахстанской, показывает достаточно высокую эффективность торговли квотами в плане ее влияния на сокращение выбросов. Например, принятая в США программа «Региональная инициатива по парниковым газам» (Regional Greenhouse Gas Initiative), охватывающая девять северо-восточных штатов, осуществлялась в течение 2009–2014 гг. и обеспечила значительное снижение эмиссии парниковых газов. В рамках этой программы ежегодный объем квот сокращался на 2,5%, а объем выбросов основной отрасли — эмитента парниковых газов, энергетики, сократился со 120 млн т в 2009 г. до 86 млн т в 2014 г. Также в период действия этой программы резко сократился объем генерации электроэнергии

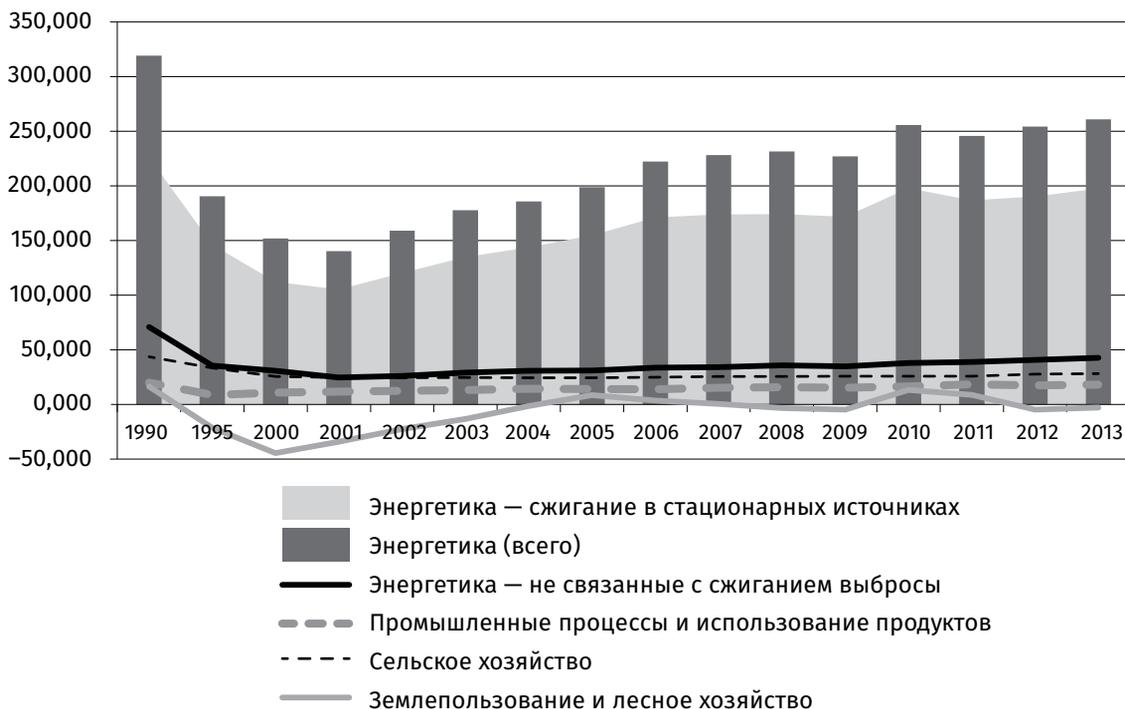

Рис. 4. Отраслевая эмиссия парниковых газов, млн т
 Рассчитано по данным Комитета по статистике МНЭ РК [8]

на угле: в три раза за шестилетний период [9].

В Казахстане основным эмитентом парниковых газов также выступает энергетика (рис. 4), и в генерации электроэнергии основную долю занимают электростанции, работающие на угле, в связи с чем зарубежный опыт сокращения выбросов парниковых газов свидетельствует о возможности успешного применения аналогичных схем торговли выбросами в Казахстане.

Итак, основные выбросы парниковых газов обеспечивает энергетика, главным образом — сжигание в стационарных источниках топлива, большей частью которого является уголь. Соответственно, внедрение и развитие СТВ, причем не только торговли квотами на вторичном рынке, а и активной продажи квот на аукционах (что не практиковалось в период действия СТВ в 2014–2015 гг.), способны, как показывает зарубежный опыт, существенно сократить выбросы.

Высокий потенциал торговли квотами на выбросы в Казахстане также обеспечивается широким охватом квотируемых предприятий, в число которых по действующему законодательству входят установки, эмитирующие более 20 000 т парниковых газов в год. В рамках этого подхода квотирование охватывает почти 66% выбросов двуокиси углерода в Казахстане и почти половину совокупных выбросов всех парниковых газов (табл. 4).

Даже в соответствии с критерием объема выбросов 20 тыс. т парниковых газов (ПГ) в год охват выбросов CO₂ (единственного квотируемого ПГ в Казахстане) достаточно велик — 65,9%. Также достаточно велик и охват выбросов энергетики — основного эмитента ПГ. Что же касается биржевой торговли квотами на выбросы, то она покрывала за время своего недолгого существования незначительную долю выбросов — всего 0,5% от выбросов двуокиси углерода, но для стартового этапа и без использования

Таблица 4. Основные показатели выбросов парниковых газов в Республике Казахстан в 2013 г. в сопоставлении с объемами торговли квотами на выбросы за 2014 г.

Показатель	Выбросы, млн т	Покрытие квотами выбросов, %
Совокупные выбросы всех ПГ	316,32	49,0
в том числе выбросы энергетики	260,84	35,8
Совокупные выбросы CO ₂	234,88	65,9
Общий объем квот на 2014 г.	154,88	—
в том числе квоты для энергетики	93,4	—
Объем торговли квотами в 2014 г.	1,25	0,5

аукционного метода торговли квотами это можно считать удовлетворительным результатом. Таким образом, исходя из степени охвата системой квотирования и торговли выбросами в Казахстане, которую можно оценить как достаточно полную, реально прогнозировать и значительный потенциал влияния СТВ на уменьшение выбросов парниковых газов.

Благоприятные перспективы СТВ также обуславливаются меньшей нагрузкой на бизнес по сравнению с альтернативным инструментом стимулирования снижения выбросов — углеродным налогом. Углеродный налог в мировой практике имеет достаточно высокие ставки — в основном в интервале от 10 до 30 долл. за тонну выбросов CO₂, что существенно выше рыночных цен на квоты выбросов, сложившихся в Казахстане в период действия СТВ — порядка 3–5 долл. за тонну выбросов CO₂. Углеродный налог имеет сильный негативный потенциал влияния не только на эмитентов парниковых газов, но и на экономику в целом, так как обуславливает рост тарифов на энергию для конечного потребителя, что в итоге ведет к сжатию совокупного спроса в экономике и замедлению роста вплоть до стагнации.

Возможность введения углеродного налога в России побудила Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) заказать исследование о последствиях такой меры известной

консалтинговой компании McKinsey&Co. В соответствии с прогнозом McKinsey общая нагрузка на промышленность составит более 2 трлн руб. в 2020 г. (около 3% ВВП), выплаты только энергетической отрасли составят почти 700 млрд руб. при ставке в 15 долл. за тонну, а цена электроэнергии для конечных потребителей вырастет на 27–55% [10]. Очевидно, что издержки от введения углеродного налога для экономического развития значительно выше, чем от СТВ, поэтому торговля выбросами представляет собой более мягкий вариант стимулирования сокращения выбросов парниковых газов и в силу этой причины также имеет благоприятные перспективы в Казахстане.

Наконец, перспективность СТВ в целях реализации задач Парижского климатического соглашения определяется и тем, что торговля квотами может оказать на снижение выбросов парниковых газов большее влияние по сравнению с другими методами. Например, попытка наращивать поглощение парниковых газов лесами в условиях Казахстана будет неэффективна, учитывая малую площадь лесов. В настоящее время объемы поглощения парниковых газов лесами (см. выше рисунки 3 и 4), во-первых, крайне незначительны — в 2013 г. объем поглощения составил 2,9 млн т, т. е. менее 1% совокупных выбросов, — и, во-вторых, регулярно меняют свой вектор — периоды

поглощений выбросов сменяются периодами выбросов, что делает данный фактор реализации Парижского соглашения крайне ненадежным и неустойчивым.

Декарбонизация экономики за счет развития возобновляемой энергетики, особенно нетрадиционных источников генерации — солнца и ветра, также имеет крайне ограниченный потенциал как собственно развития, так и влияния на снижение выбросов парниковых газов. Значительно более перспективным представляется модернизация и развитие энергогенерации на традиционных источниках, одним из основных стимулов которой может стать торговля квотами на выбросы.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что СТВ в Казахстане имеет достаточно существенный потенциал роста и положительного влияния на снижение выбросов парниковых газов. Тенденции биржевой торговли 2014–2015 гг., а также нереализованный потенциал продажи квот на первичном рынке посредством аукционов позволяют оценить возможный объем совокупной торговли квотами в 3–5% от общего количества квот в пятилетней перспективе, а сохранение курса на ежегодное сокращение квот на 1,5% позволит Казахстану выполнить взятые на себя обязательства в рамках присоединения к Парижскому климатическому соглашению.

Использованные источники

1. Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 декабря 2012 года № 1588 «Об утверждении Национального плана распределения квот на выбросы парниковых газов на 2013 год» [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31313146#pos=1;-263 (дата обращения: 09.06.2016).
2. База данных схемы торговли выбросами Казахстана // База данных World Carbon Market Database. Carbon Market Data [Электронный ресурс]. URL: <https://www.carbonmarketdata.com/ru/Продукты/База-данных-world-carbon-market/База-данных-схемы-торговли-выбросами-Казахстана> (дата обращения: 10.06.2016).
3. Национальный энергетический доклад — 2015. Kazenergy, 2016. С. 402.
4. Санковский А., Кэмп Р., Чередниченко А. Статус системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в Республике Казахстан. Казахская Программа USAID по сдерживанию изменения климата. Июнь 2015. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: http://kazccmp.org/wp-content/uploads/2015/06/Законодательство-2_kccmp.pdf (дата обращения: 05.06.2016).
5. Реестр углеродных единиц: Проведенные торговые транзакции // Электронная система Кадастра источников выбросов и поглощений парниковых газов и реестра углеродных единиц [Электронный ресурс] URL: <http://kadastr.climatechange.kz/index.php?mode=publicTransactions> (дата обращения: 10.06.2016).
6. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2013 года № 1536 «Об утверждении Национального плана распределения квот на выбросы парниковых газов на 2014–2015 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300001536> (дата обращения: 07.06.2016).
7. Отчет по углеродным единицам выбросов парниковых газов // Электронная система Кадастра источников выбросов и поглощений парниковых газов и Реестра углеродных единиц [Электронный ресурс]. URL: <http://kadastr.climatechange.kz/index.php?mode=publicReport> (дата обращения: 10.06.2016).
8. Выбросы парниковых газов // Сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/ecolog-B-6?_afzLoop=37747946068702509#%40%3F_afzLoop%3D37747946068702509%26_adf.ctrl-state%3Dcuommmxmp_50.
9. Regional Greenhouse Gas Initiative (RGGI) // IETA, April 2015. URL: <http://www.ieta.org/Resources/Resources/101s/regional-greenhouse-gas-initiative-101-apr112015.pdf>.
10. Милина А. Цена углеродного налога // Переток.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://peretok.ru/strategy/tsena-uglerodnogo-naloga.html> (дата обращения: 03.06.2016).

А. С. Исахова

Бюджетные ресурсы как системообразующий фактор комплексного социального развития регионов Казахстана

Аннотация: В статье рассмотрена роль бюджета региона в формировании социального развития Казахстана. Выявлены основные сдерживающие факторы развития регионов и проанализированы характерные особенности асимметрии в социальных расходах. Показаны различия между номинальным и реальным (с учетом дефлятора ВВП) выражением роста бюджетных услуг на душу населения.

Ключевые слова: бюджет региона, бюджетные услуги, дифференциация, дефлятор ВВП.

Об авторе

Асия Сейдихабаровна Исахова (Алматы, Республика Казахстан) — доктор PhD, доцент кафедры «Финансы и статистика» Университета «Нархоз»; asiya-isakhova@mail.ru

A. Issakhova

Budgetary Resources as an Underlying Factor of the Complex Social Development of the Regions of Kazakhstan

Summary: This article examines the role of the regional budget in the formation of social development of Kazakhstan. Basic constraints for regional development are identified and characteristics of asymmetry in social expenditures are analyzed. The differences between the growth of nominal and real terms using GDP deflator are shown.

Keywords: regional budget, budgetary services, differentiation, GDP deflator.

About the Author

Assiya Issakhova (Almaty, Republic of Kazakhstan) — PhD, Associate Professor of the department of «Finance and Statistics» JSC «Narxoz University»; asiya-isakhova@mail.ru

Комплексное развитие регионов Казахстана является стратегией по достижению конечной цели — создания условий для повышения уровня и качества жизни населения. В настоящее время роль бюджетных средств, обеспечивающих формирование прямых и обратных связей финансового механизма, сбалансированное развитие территориальной социально-экономической инфраструктуры и регулирование макроэкономического равновесия, резко возрастает. Это актуализирует необходимость глубокого и всестороннего исследования проблем развития бюджетных отношений и совершенствования методов мобилизации бюджетных средств отдельного региона, эффективности функционирования бюджетного механизма как важнейших инструментов государственного воздействия на стабилизацию эконо-

мического и социального положения региона.

Решение задач социально-экономического развития региона — прерогатива местных органов власти, осуществляющих свои полномочия за счет финансовых ресурсов местного бюджета [1].

Бюджеты регионов предназначены для финансового обеспечения задач, возложенных на местные органы власти, и призваны обеспечить комплексное развитие регионов, пропорциональное развитие производственной и непроизводственной сфер на соответствующих территориях. Значительно возрастает координационная функция этих бюджетов в экономическом и социальном развитии территорий. Одновременно усиливается роль бюджетов регионов, расширяется сфера их использования. На основе предоставленных республиканским бюджетом

местным органам власти средств для увеличения регионального бюджета осуществляется финансирование промышленности, сельского хозяйства, строительства и содержания дорог, охраны окружающей среды. С помощью региональных бюджетов государство осуществляет выравнивание уровней экономического и социального развития территорий, которые под влиянием исторических, географических и иных условий отстали в развитии от других районов страны. Необходимость регулирования финансово-экономического потенциала регионов сохраняется и вследствие крайне неравномерной территориальной мобилизации налоговых и неналоговых платежей, большого количества разноплановых факторов, определяющих потребности регионов в бюджетных расходах. Потенциальные возможности использования бюджета региона для воздействия на процессы общественного регионального развития заложены в их экономической природе [2].

По данным Министерства финансов Республики Казахстан, в настоящее время 13 из 16 регионов страны являются субвенционными, т. е. неспособными в полной мере решать задачи по социально-экономическому развитию территории за счет внутренних финансовых источников. С каждым годом зависимость от субвенции лишь усиливается, что снижает мотивацию местных государственных органов к развитию собственной налогооблагаемой базы, что негативно отражается на активности малого и среднего бизнеса [3].

Из таблицы 1 видно, что начиная с 2002 г. по 2014 г. включительно крупнейшими производителями валового регионального продукта (ВРП) являются пять регионов республики: Атырауская область, Карагандинская область, Мангистауская область, города Астана и Алматы. В 2014 г. в этих пяти регионах, где проживают 29% населения Казахстана, производилось 54,7% ВВП страны. Наименьшие доли в общем объеме ВВП приходились на Жамбылскую, Северо-

Казахстанскую, Акмолинскую, Кызылординскую и Костанайскую области (в сумме — 14,4%).

К сдерживающим факторам социально-экономического развития региона можно отнести следующие:

- общие кризисные явления в экономике;
- на уровне регионов остается малая часть собираемых налогов и сборов;
- низкий уровень собираемости налогов;
- передача на региональный уровень расходов, не подкреплённых источниками финансирования;
- неэффективное использование бюджетных средств.

На современном этапе реализации задач стабилизации экономики Казахстана центр тяжести переносится на региональный уровень хозяйствования. Расширение хозяйственной деятельности регионов требует нового подхода к проблеме взаимоотношений между республиканским бюджетом и местными бюджетами, правильной оценки потребности последних в государственном финансировании и нормах его осуществления. Поэтому одной из наиболее сложных проблем бюджетной реформы является разработка эффективного механизма предоставления в распоряжение местных органов власти источников финансирования региональных программ [5].

Для того чтобы проанализировать характер изменений, необходимо исследовать структуру расходов местных бюджетов, которая позволит анализировать значимость тех или иных расходов в их общей сумме. Анализ расходов бюджета на одного жителя показал (рис. 1), что в 2014 г. лидерами стали: Астана — 371 тыс. тенге, Алматы — 261 тыс. тенге, Атырауская область — 319 тыс. тенге. Наименьший показатель расходов бюджета на одного жителя при среднереспубликанском уровне 224 тыс. тенге составил: в Южно-Казахстанской области — 164 тыс. тенге, в Карагандинской области — 168 тыс. тенге, в Алматинской области — 170 тыс. тенге. В 2002 г. при

Таблица 1. Доля регионов в валовом региональном продукте, %

Регион/Период	2002	2010	2011	2012	2013	2014
Акмолинская область	3,1	2,7	3,1	3	2,7	2,7
Актюбинская область	4,8	5,3	5,2	5,1	5	4,8
Алматинская область	4,9	4,5	4,7	4,6	5	4,7
Атырауская область	10,3	12,9	12,1	12	10,2	10,4
Восточно-Казахстанская область	7,8	5,9	5,7	5,6	5,9	5,8
Жамбыльская область	2,2	2,1	2,3	2,2	2,5	2,5
Западно-Казахстанская область	4,7	4,8	4,6	4,9	4,9	4,9
Карагандинская область	9,8	8,5	8,7	8,6	7,5	7,7
Костанайская область	4,9	4	4,3	4,4	3,8	3,5
Кызылординская область	2,7	3,9	3,9	4	3,8	3,6
Мангистауская область	5,3	6,6	6,5	6,7	5,4	5,7
Павлодарская область	5,7	5	5	5,1	5	4,6
Северо-Казахстанская область	3,0	2,1	2,5	2,5	2,1	2,1
Южно-Казахстанская область	6,5	5,2	5,2	5,1	6,1	6,1
г. Алматы	18,2	18,2	17,8	17,9	20,2	20,7
г. Астана	6,1	8,3	8,4	8,3	9,9	10,2
Пять регионов, имеющих наибольшие доли в ВВП в среднем	49,8	54,5	53,4	53,5	53,2	54,7
Пять регионов, имеющих наименьшие доли в ВВП в среднем	15,9	14,8	16,0	16,1	14,9	14,4

Рассчитано автором на основе источника [4]

среднереспубликанском уровне расходов бюджета на одного жителя 32 тыс. тенге в Атырауской области этот показатель составил 95 тыс. тенге, в Мангистауской — 65 тыс. тенге, в г. Астане — 60 тыс. тенге, в Южно-Казахстанской области — 15 тыс. тенге, в Алматинской — 16 тыс. тенге, в Костанайской — 17 тыс. тенге.

Дифференциация регионов по социально-экономическому развитию по-прежнему имеет тенденцию к углублению и наиболее характерно проявляется в объеме производства ВРП на душу населения, инвестиционной активности, уровне безработицы и ухудшении экологической обстановки.

Когда мы рассматриваем тренд сезона, то обязательно возникает проблема волатильности показателей за исследуемый период, и остро встает вопрос «Был ли вообще рост (или снижение) показателей в реальном выражении?», поскольку основная масса аналитиков не учитывает ценовой фактор, т. е. инфляцию, и анализирует данные в номинальном выражении. Мы предлагаем исправить эту ситуацию и применить показатель — дефлятор ВВП. В таблице 2 указаны данные дефлятора ВВП за анализируемый период.

По данным таблицы 2, накопленный индекс дефлятора ВВП за анализируемый период составляет:

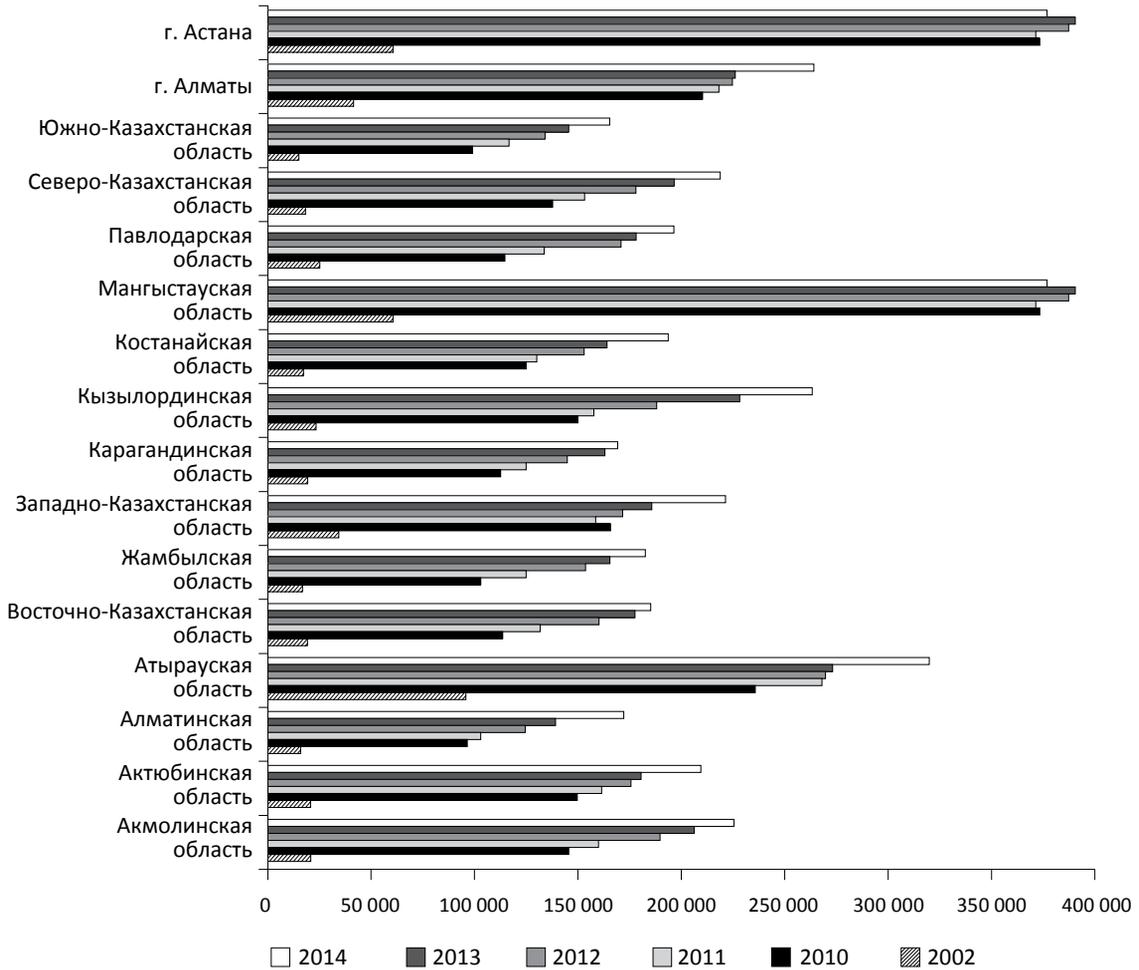

Рис. 1. Бюджетные услуги местного бюджета на душу населения, тенге/чел.

$$4,6741 = 1,117 \times 1,161 \times 1,179 \times 1,215 \times 1,155 \times 1,21 \times 1,047 \times 1,196 \times 1,178 \times 1,049 \times 1,097 \times 1,06.$$

Теперь сопоставим данные о бюджетных услугах на одного жителя в местном бюджете в 2014 г. и в 2002 г. с учетом дефлятора ВВП и наглядно покажем, на сколько изменится наш номинальный темп роста и на сколько он отличается от реального выражения.

Как видно из проведенных расчетов (табл. 3), бюджетные услуги на душу населения с учетом дефлятора ВВП значительно меньше, чем в номинальном выражении, т. е. рост бюджетных услуг местного бюджета на душу населения

превысил 1,78 раз, против 8,26 раз в номинальном значении, которое предопределило необходимость проверки показателей на инфляцию.

Число бюджетных услуг на душу населения выросло как в целом по республике, так и по регионам: рост с учетом дефлятора в большинстве регионов превышает два раза. Наиболее высокие показатели характерны для Южно-Казахстанской, Кызылординской, Костанайской, Северо-Казахстанской областей, а также для Астаны (см. табл. 3). В этих же регионах наблюдается наименьший по сравнению с другими регионами прирост налоговых доходов. Это связано с тем, что в данных регионах трансферты

Таблица 2. Дефлятор ВВП за 2002–2014 гг., %

Период, год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Показатель — дефлятор ВВП	105,9	111,7	116,1	117,9	121,5	115,5	121	104,7	119,6	117,8	104,9	109,7	106

Составлено автором на основе источника [4]

Таблица 3. Рост бюджетных услуг на душу населения в номинальном выражении и с учетом дефлятора ВВП, соотношение данных 2002 г. к данным 2014 г.

Регион	Коэффициент номинального роста бюджетных услуг на душу населения	Рост бюджетных услуг на душу с учетом дефлятора ВВП, раз
Акмолинская область	10,88	2,34
Актюбинская область	10,24	2,21
Алматинская область	10,74	2,31
Атырауская область	3,34	0,72
Восточно-Казахстанская область	9,72	2,09
Жамбылская область	11,00	2,37
Западно-Казахстанская область	6,49	1,40
Карагандинская область	8,75	1,89
Кызылординская область	11,25	2,42
Костанайская область	11,31	2,44
Мангыстауская область	3,62	0,78
Павлодарская область	7,87	1,70
Северо-Казахстанская область	12,06	2,60
Южно-Казахстанская область	11,08	2,39
г. Алматы	2,78	0,60
г. Астана	14,28	3,08
Местные бюджеты в совокупности	8,26	1,78

Рассчитано автором на основе источника [3]

из республиканского бюджета для целей бюджетного выравнивания поступают в больших объемах.

Бюджетные услуги на душу населения уменьшились: в 0,6 раза — в Алматы, в 0,72 раза — в Атырауской области, в 0,78 раза — в Мангыстауской области (см. табл. 3). Это связано с тем, что из бюджетов перечисленных регионов пере-

даются трансферты (бюджетные изъятия) в республиканский бюджет.

С одной стороны, рост бюджетных услуг на душу населения является положительным фактом, свидетельствующим о росте объема государственных услуг и благ, предоставляемых местными бюджетами. С другой стороны, возникает вопрос об источниках их покрытия.

Таблица 4. Минимальные и максимальные значения социальных расходов Республики Казахстан по областям за 2002 г., 2010–2014 гг.

Годы		Категория бюджетных расходов, тенге/чел.		
		Образование	Здравоохранение	Социальная помощь и социальное обеспечение
2002	min	5 282	2 943	1 952
	max	13 286	8 355	4 773
2010	min	24 604	17 655	3 622
	max	55 339	53 631	10 616
2011	min	36 323	15 494	3 541
	max	62 143	51 799	8 556
2012	min	42 884	18 529	3 994
	max	73 163	40 922	8 929
2013	min	40 057	24 584	4 192
	max	76 612	41 511	8 901
2014	min	44 765	26 792	4 552
	max	87 997	45 524	10 273

Рассчитано автором на основе источника [4]

Как показал проведенный нами анализ, затраты местных бюджетов растут на фоне снижения собственных доходов, т. е. осуществляются преимущественно за счет республиканских трансфертов. В связи с этим возникает вопрос об эффективности их использования.

Согласно данным, приведенным в таблице 4, наблюдается значительная (более чем в два раза) дифференциация в расходах и внутри территорий на уровне бюджетов регионов. В базисном 2002 г. и в последние годы проблемы не изменились. За 13 лет региональное бюджетное выравнивание не дало положительного результата, т. е. сами по себе минимальные стандарты в той форме, в какой они сегодня существуют, не решают проблему качества и рациональности бюджетных расходов [6].

Расходы бюджета региона на образование и здравоохранение, социальное обеспечение, науку, культуру и искусство являются той финансовой базой, без ко-

торой невозможно проведение социально-культурных мероприятий регионального масштаба.

Дифференциация в оказании образовательных услуг, услуг здравоохранения и социальных услуг порождает региональные проблемы долгосрочного характера, ведет к разрыву между регионами по уровню и качеству жизни населения.

Стремление регионов к финансовой самостоятельности не стимулируется, встречные финансовые потоки бюджетных средств возрастают. Необходим принципиальный подход к разработке среднесрочной модели межбюджетных отношений. Система межбюджетных отношений различных уровней бюджетов должна опираться на принципы единства и самостоятельности. Разумная реализация этих принципов и их синтез предполагают существование механизма перераспределения средств между регионами и внутри регионов.

Использованные источники

1. Дягилева Д. Н. Механизм формирования, распределения и использования бюджетных ресурсов субъектов Российской Федерации (на примере Ростовской области) : дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону : РИНХ, 2003.

2. Исахова П. Б. К вопросу разграничения полномочий между уровнями государственного управления и совершенствования межбюджетных отношений // Каржы-каражат. 2003. № 1. С. 25–36.

3. Статистические бюллетени Министерства финансов Республики Казахстан за 2002 г., 2010–2014 гг. // Официальный интернет-ресурс Министерства финансов Республики Казахстан. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymouse?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.

[roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/reports_fldr](http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymouse?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/reports_fldr).

4. Статистические бюллетени Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан за 2002 г., 2010–2014 гг. // Сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsPage?_afLoop=35303053021756831#%40%3F_afLoop%3D35303053021756831%26_adf.ctrl-state%3Dh0aae9l30_37.

5. Исахова А. С. Межбюджетные отношения в современном Казахстане // Вестник КазНУ: экономическая серия. 2013. № 3 (97). С. 88–95.

6. Issakhova A. S. Issues of inter-budget relations in modern Kazakhstan // Актуальные проблемы экономики. Киев, 2014. № 1. С. 417–424.

К. П. Курылев, Д. В. Станис, Ван Ин

Экономический пояс Шелкового пути как геоэкономический проект КНР

Аннотация: В статье рассматривается концепция «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), предложенная Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. По мнению авторов, создание данного проекта — отклик на те реальные вызовы и угрозы, с которыми приходится сталкиваться современному Китаю в условиях формирования полицентричной системы международных отношений, сопровождающейся усиливающейся геополитической и геоэкономической конкуренцией и турбулентностью. Авторы показывают, что ЭПШП затрагивает множество стран, в том числе и государства Центральной Азии (одного из ключевых геополитических регионов Евразии), и цель его — экономическое развитие указанных стран и западных провинций Китая с намерением принести в регион с социально-экономическим возрождением стабильность и безопасность.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, Россия, Китай, Центральная Азия.

Сведения об авторах

Константин Петрович Курылев (Москва, Российская Федерация) — доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук; kurylev_kp@pfur.ru

Дарья Владимировна Станис (Москва, Российская Федерация) — доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, кандидат экономических наук; dariona@mail.ru

Ван Ин (Пекин, Китайская Народная Республика) — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, магистр в области международных отношений; happywangying@yandex.ru

K. Kurylev, D. Stanis, Van In

The Silk Road Economic Belt as a Geo-Economic Project of China

Summary: The article considers the conception of the «Silk Road Economic Belt», which was announced by the leader of the People's Republic of China Xi Jinping in 2013. According to the authors, it is the main project of the Chinese authorities. It answers the challenges and threats to China within the formation of the multipolar system of international relations, which reveals the increasing geopolitical and geo-economic competition and turbulence. The authors illustrate how the SREB affects the number of states including the Central Asian countries. Being in the heart of the Eurasian continent, this region is its key area particularly after the Cold war, when these states acquired independence. All the regional events impact the development of this area and can cause the geopolitical balance of powers in Eurasia. In this context, as to the authors, the SREB project of China is aimed at the economic development of the Central Asian states and the western areas if the P.R. China, that should restore the regional stability and security.

Keywords: Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Russia, China, Central Asia.

About the Authors

Konstantin Kurylev (Moscow, Russian Federation) — Assistant Professor of Theory and History of International Relations Chair of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor in History; kurylev_kp@pfur.ru

Daria Stanis (Moscow, Russian Federation) — Assistant Professor of State and Municipal Government of the Peoples' Friendship University of Russia, PhD; dariona@mail.ru

Van In (Beijing, People's Republic of China) — Graduate Student of the Theory and History of International Relations Chair of the Peoples' Friendship University of Russia, master in the International Relations; happywangying@yandex.ru

Введение

Проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) появился сравнительно недавно, но в последние годы

изучение данной проблемы привлекает внимание большого числа ученых как в Китае, так и в государствах Централь-

ной Азии, а также в России и на Западе. Однако на данный момент проблеме формирования и развития ЭПШП посвящено все еще немного работ.

В российской историографии активное изучение ЭПШП началось в 2014 г., и основные аспекты исследований следующие: ЭПШП — это возможность или риск для России; сопряжение ЭПШП и ЕАЭС; интересы России и Китая в Центральной Азии в формировании ЭПШП. Подобные вопросы затрагиваются в работах И. И. Арсентьевой [1], А. Г. Ларина [2], С. Г. Лузянина и С. Л. Сафонова [3].

В свою очередь, китайская историография представлена работами Ван Шу-чуня и Вань Цинсуна [4], Цуй Цимина [5], Ху Аньгана и Ма Вэй [6]. Анализ их работ позволяет сделать вывод, что в Китае спектр тем дискуссий о строительстве

ЭПШП весьма широк: анализ основного содержания проекта, сравнение его с другими проектами, проблемы создания ЭПШП, методы реализации инициативы и т. п.

В центральноазиатской историографии ряд исследователей в сфере политики и экономики — например, К. Л. Сыроежкин [7], А. А. Нурсейтов [8], К. К. Иманалиев [9], А. Ч. Элеманова [10], А. Ордабаев [11], А. Бугаенко [12] — также уделяют пристальное внимание проектам ЕАЭС и ЭПШП.

Однако очевидно, что при всей значимости проекта ЭПШП для интересов Китая, России и государств Центральной Азии в контексте перспектив его сопряжения с ЕАЭС степень изученности проблемы на сегодняшний день крайне невысока, что обуславливает актуальность данного исследования.

Причины и предпосылки формирования ЭПШП

Более 2100 лет назад, в эпоху китайской династии Хань, путешественник и дипломат Чжан Цянь дважды посещал с миссией мира и дружбы Западный край, т. е. нынешнюю Центральную и Южную Азию, положив начало дружественному взаимодействию между Китаем и странами этого региона. Этот торговый путь прошел испытание временем, постоянно расширяясь, и, в конце концов, превратился в Великий шелковый путь, протянувшийся на тысячи километров по территории Евразии.

Учитывая внешние и внутренние факторы, историческую и реальную базу, Китай выдвинул инициативу создания Экономического пояса Шелкового пути.

7 сентября 2013 г. во время своего зарубежного визита в Казахстан Председатель КНР Си Цзиньпин выступил в Назарбаев Университете с речью, в которой впервые была выдвинута идея о совместном построении Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). ЭПШП — это огромная зона экономического сотрудничества, берущая свое начало в Китае

и достигающая Европы. Зона, в которой проживает около 3 млрд жителей планеты. Данная инициатива получила активные отклики в странах и регионах, характеризующихся тесной взаимосвязью, и вызвала большой резонанс в международном сообществе.

Позднее, в ноябре 2014 г., на заседании Центральной руководящей группы КНР по финансово-экономическим вопросам Председатель КНР Си Цзиньпин обещал оказать содействие странам, принимающим участие в проекте, в строительстве инфраструктурных объектов.

28 марта 2015 г. в ходе Боаоского азиатского форума Государственный комитет по делам развития и реформ КНР, Министерство иностранных дел КНР и Министерство коммерции КНР совместно обнародовали документ «Концепция и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». В документе были представлены основные принципы, структура, географические рамки и ме-

ханизмы реализации сотрудничества участников проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

Очевидно, что китайское руководство настроено серьезно. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» присутствует практически во всех актуальных политических документах. 28 октября 2015 г. на Пятом пленуме ЦК Компартии Китая XVIII созыва важным пунктом содержания 13-го пятилетнего плана народно-хозяйственного и социального развития был признан продвижение ускоренными темпами строительства в зоне ЭПШП.

Концепция ЭПШП наследует и развивает дух древнего Шелкового пути, являя собой неизбежный результат регионального сотрудничества и общественного развития в эпоху экономической глобализации. Китай выдвинул такую инициативу, учитывая не только необходимость развития Китая, но и потребность долгосрочного развития Евразии. Иными словами, создание современной концепции Шелкового пути, т. е. ЭПШП, как и в древние времена, обусловлено и внешними, и внутренними факторами.

В качестве внутренних факторов, определявших решение руководства КНР, выделим следующие. Во-первых, ЭПШП — неизбежный выбор Китая после начала нового этапа его экономического развития. В последние годы экономика Китая постепенно формирует новые реалии, отражением чего становится возрастающее давление на экономический рост страны. Чтобы стимулировать свое экономическое развитие, Китай проводит перестройку экономической структуры и активно ищет новые внешние пути [13]. Перед властями КНР остро стоит задача расширения инновационного сектора. Учитывая трудности в продвижении китайских инновационных товаров, встает вопрос их сбыта. Внутри Китая они могут использоваться в инфраструктурных проектах. Однако инфраструктура уже перенасыщена для данного этапа развития

страны. Таким образом, весьма актуальными становятся новые, в том числе внешние, каналы сбыта. Очевидно, что строительство инфраструктуры вдоль ЭПШП приведет к увеличению спроса на сталь, что предполагает новые решения по использованию производственных мощностей. Вообще, благодаря своим географическим преимуществам ЭПШП имеет огромное значение для устойчивого экономического развития Китая [4].

Во-вторых, ЭПШП соответствует требованию социальной модернизации. Одним из важнейших символов модернизации стран и регионов является уровень урбанизации. По сравнению с другими десятью крупнейшими экономиками мира уровень урбанизации в КНР существенно ниже. Дальнейшее повышение уровня урбанизации зависит от уровня урбанизации западного региона Китая, так как уже долгое время остро стоит проблема дисбаланса в развитии восточных регионов и центральной, а также западной частей страны из-за географического положения и нехватки природных ресурсов.

Согласно статистике наиболее высокий ВВП на душу населения в пяти провинциях Северо-Западного Китая (Шаньси, Ганьсу, Цинхай, Нинся, Синьцзян). Там этот коэффициент превышает 1,5, свидетельствуя о том, что уровень развития региона все еще ниже уровня развития других регионов [14]. Несмотря на успех китайских реформ, развитие страны остается несбалансированным. Для исправления ситуации нужно стимулировать перемещение ресурсов и производств восточных и западных регионов страны, использовать ресурсные и географические преимущества центральных и западных провинций и раскрыть потенциал их сотрудничества с соседними странами. В качестве одного из путей эффективного решения этих задач Китай видит формирование ЭПШП [5], цель которого — стимулирование развития западных районов страны, широкая интеграция на евразийском пространстве.

Китайское руководство видит и внешние причины для формирования ЭПШП. Во-первых, ЭПШП соответствует требованиям текущего момента. Как указал Си Цзиньпин: «Многие страны, в особенности развивающиеся, рассчитывают на развитие международных систем в более справедливом и рациональном направлении, однако это не означает ломку старого и создание нового, это значит провести реформы, шагая в ногу со временем» [15]. Китай выдвинул свой проект позитивного изменения действующего международного порядка, в частности предложил построить Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века, создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Кроме того, одной из важных причин появления китайской концепции «Экономический пояс Шелкового пути» является объективная необходимость экономической интеграции. По мере углубления процесса экономической и политической региональной интеграции возникают организации регионального и субрегионального сотрудничества, вырабатываются и совершенствуются механизмы и системы взаимодействия в этой сфере, интерес к которой постоянно растет.

ЭПШП — это не искусственно продвигаемая идея интеграции, а естественно сформировавшаяся инициатива сотрудничества. ЭПШП является своего рода мостом между Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР) на востоке и Европейским союзом (ЕС) на западе. Оба этих региона весьма активны в международном сотрудничестве. Хотя страны Центральной Азии в зоне ЭПШП не столь развиты, как страны ЕС, но зато они обладают богатыми энергетическими, земельными, минеральными, сельскохозяйственными и человеческими ресурсами. Объем и потенциал рынка являются уникальными. Следовательно, строительство ЭПШП станет мощным стимулятором торгового сотрудничества, экономического развития стран Евразии и в то же время — процесса построения нового международного экономического порядка, а вслед за этим —

процесса нового международного политического и культурного порядка.

Во-вторых, есть и историческая база для строительства ЭПШП. На протяжении тысячи лет древний Шелковый путь являлся важным торговым мостом, соединявшим Восточную, Центральную, Западную Азию и Европу. Этот путь формировался в эпоху династии Хань, расцвел во времена династий Тан и Мин и сыграл положительную роль в развитии экономических связей и распространении культуры. Маршрут этот также носил названия «чайный путь» и «фарфоровый путь».

Спустя века на этом протянувшемся на тысячи километров пути зародилось «жемчужное ожерелье» городов, связанных общей судьбой расцвета и упадка. Таким образом, древний Шелковый путь не только служит исторической основой Экономического пояса Шелкового пути, но и рождает чувство культурной идентичности.

Кроме того, общий путь через всю Евразию — это не только китайская мечта, но и вековая мечта других народов — как Европы, так и Азии. Попыток создания такого маршрута было несколько. Первая была в конце XIX — начале XX в., когда Россия построила Транссибирскую железнодорожную магистраль. Однако несмотря на активное ее использование в гражданских нуждах, этой железной дороге все-таки больше внимания уделялось с точки зрения безопасности и обороны России.

Вторая попытка — создание в 1990 г. Ланьчжоу-Синьцзянской железной дороги, соединяющей Синьцзян-Уйгурский автономный район с остальной территорией Китая. Эта дорога является участком второго евро-азиатского континентального моста, соединившего восток Китая с голландским портом Роттердам. Необходимо при этом отметить, что в 1990-х гг. в Китае использовались колеи железных дорог шириной 1435 мм, а в Казахстане — 1520 мм, что увеличивало время доставки грузов поскольку приходилось решать означенную проблему.

Третьей попыткой был построенный Китаем ряд железнодорожных линий направления Север — Юг, например: Чэнду — Куньмин, Цинхай-Тибетская железная дорога и др. Однако мечта о строительстве дороги, связывающей Китай и Индию через Юго-Восточную Азию, например Малайзию и Сингапур, пока не осуществлена.

В числе современных предпосылок для строительства ЭПШП можно назвать следующие: с одной стороны, растущая совокупная мощь Китая, с другой — хорошая возможность для развития сотрудничества Китая с другими странами. На территории Китая существует много скоростных автотрасс и железных дорог мирового уровня, непрерывно обновляется рекорд скорости их строительства. В настоящее время в Китае создана самая длинная высокоскоростная железно-

дорожная сеть в мире. Таким образом, Китай может экспортировать не только дешевые предметы первой необходимости, но и передовые технологии дорожного строительства и производства оборудования для него. Это открывает новые возможности для углубления международного сотрудничества и, соответственно, является одной из причин для создания ЭПШП. Кроме того, обладая одними из крупнейших в мире золотовалютных запасов, Китай может работать совместно со многими странами, чтобы справиться с финансовыми рисками и трудностями. В последние годы Китай стал самым крупным торговым партнером России, Казахстана и Туркменистана, вторым — для Узбекистана и Кыргызстана, третьим — для Таджикистана, т. е. нынешнее состояние сотрудничества в этом регионе заложит прочную основу для ЭПШП.

Концепция ЭПШП

28 марта 2015 г. опубликован и распространен вместе с его материалами важный правительственный документ, который, по всей видимости, стал итогом почти полуторагодичной работы политиков и экспертов — «Концепция и план действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в.» [18].

В этом весьма объемном официальном материале, подготовленном Государственным комитетом по делам развития и реформ КНР, а также двумя министерствами — иностранных дел и коммерции, была представлена развернутая программа проекта, по сути — его рамочная дорожная карта, которая подробно структурирована по базовым характеристикам — географии, целям и задачам, принципам, направлениям и механизмам реализации [16].

Первоначально пространственный масштаб проекта ЭПШП определялся по-разному. В специальном разделе «Концепции и плана действий» от 28 марта представлена версия, которую в КНР счи-

тают стандартной. Согласно документу «Новый Шелковый путь», начинаясь в Китае и «пролегая по территориям Азии, Европы и Африки», включает три главных направления — через Центральную Азию в Россию и Европу (Балтию); опять-таки через Центральную Азию, а также Западную Азию в страны Персидского залива и Средиземноморья; в Юго-Восточную и Южную Азию и Индийский океан.

В рамках евразийского сухопутного моста и параллельно названным маршрутам были также выделены несколько транспортно-экономических коридоров, в том числе Китай — Монголия — Россия, Китай — Пакистан и Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма.

Принципиально важной частью Концепции представляется раздел о «Механизмах кооперации». На просторах Евразии уже действуют различные интеграционные объединения со своими целями и регламентами. Продвигая свою инициативу, Китай будет использовать возможности и «двусторонних, и многосторонних кооперационных механизмов».

КНР предполагает развивать двусторонние отношения «на всех уровнях» и «по всем каналам», используя и существующие, и новые совместные рабочие группы, комиссии и комитеты, специально нацеленные на подготовку дорожных карт, пилотных проектов и других документов и планов, связанных с инициативой «Шелковый путь».

В части международных структур говорится о намерении «поддержать деятельность и использовать возможности» существующих в зоне «пояса пути» объединений. Приводится их большой перечень — от АТЭС и ШОС до субрегиональных механизмов по типу структуры «Большой Меконг». Предполагается задействовать также потенциал международных выставок, конференций, научных симпозиумов [18].

Относительно концепции ЭПШП существуют два заблуждения. В соответствии с первым проект «Экономический пояс Шелкового пути» — геополитический инструмент. В действительности же ЭПШП выступает в качестве инклюзивной и открытой площадки регионального сотрудничества, основным принципом взаимодействия на которой является «совместность»: совместные консультации, совместное создание и совместное пользование. В противном случае прогресса не было бы. Ущемление интересов какой-либо другой страны или определенной организации, получение преимуществ в какой-либо сфере влияния не являются целями создания ЭПШП, следовательно, данный проект не представляет собой геополитический инструмент.

Как отмечает А. Г. Ларин, «Центральная идеологическая задача концепции как раз в том и состоит, чтобы остановить или по крайней мере замедлить накопление недовольства и тревоги, убедить другие государства, что Китай, несмотря на его превосходство в национальной мощи, предлагает сотрудничество на основе принципов «общего выигрыша» («гун ин») для всех его участников, «совместного строительства и использова-

ния»; что развитие Китая несет благо всему человечеству» [19].

Согласно второму заблуждению ЭПШП — китайская версия плана Маршалла. Однако в период холодной войны целью плана Маршалла являлось не только восстановление разрушенной войной экономики Европы и овладение США европейским рынком, но и воспрепятствование распространению советского влияния в регионе.

План Маршалла был направлен, таким образом, на управление Европой и ослабление СССР, эта программа характеризуется как эксклюзивная. ЭПШП же призван содействовать совместному развитию на основе открытости и инклюзивности. Механизм реализации плана Маршалла содержал много условий, исключавших равенство участников, с помощью которых США оказывали значительное влияние на европейскую экономическую политику. Реализация ЭПШП, напротив, основывается на принципах равенства, взаимной выгоды.

Как видно, сравнивать ЭПШП и план Маршалла неверно.

Согласно документу «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века» основное содержание инициативы «Один пояс и один путь» состоит из пяти пунктов: 1) политическая координация, 2) взаимосвязь инфраструктуры, 3) бесперебойная торговля, 4) свободное передвижение капитала, 5) укрепление близости между народами. По всем этим пунктам предлагается в будущем активное сотрудничество.

Политическая координация. Данный пункт предполагает повышение уровня скоординированности действий государств региона в политической области. Этот пункт назван «важной гарантией продвижения реализации проектов “Один пояс и один путь”». Страны-участницы могли бы укрепить межправительственное сотрудничество через выстраивание связей в сфере макроэкономической

политики, поиск точек соприкосновения, а также содействовать политическому взаимодоверию, стремиться к достижению консенсуса. Соседние со странами-участниками государства могут разрабатывать программу регионального сотрудничества, оказывать политическую и правовую поддержку в сфере делового сотрудничества и при осуществлении крупномасштабных проектов [18].

Взаимосвязь инфраструктуры. Эта цель является приоритетной для реализации проекта «Один пояс и один путь». В Китае говорят: «Чтобы стать богатыми, надо сначала строить дороги». Эту точку зрения разделяют во многих странах мира. Китай, основываясь на принципах уважения национального суверенитета и безопасности заинтересованных государств, должен согласовать со странами-участницами проекта планы по строительству инфраструктуры и созданию системы технологических стандартов, совместно содействовать строительству международных магистралей и постепенно формировать сеть инфраструктуры у субрегионов Азии, а также сеть, соединяющую Азию, Европу и Африку [18]. Иначе говоря, устранить ситуации «нет дороги — нет связи», «дорога есть, а связи нет», «связь есть, но с перебоями».

Бесперебойная торговля. Инвестиционное и торговое сотрудничество также является одним из приоритетных направлений деятельности в рамках проекта «Один пояс и один путь». Представляется крайне важным сосредоточить усилия на создании комфортных условий для торговли, устранении барьеров для инвестиций и торговли, в целях формирования благоприятной деловой среды (как в регионе, так и в каждой стране-участнице) вести активные переговоры о создании зон свободной торговли со странами и регионами, расположенными вдоль «пояса»

и «пути», раскрыть и задействовать потенциал сотрудничества в целях его расширения и улучшения качества [18].

Свободное передвижение капитала. Свободное передвижение капитала — важное условие осуществления проекта «Один пояс и один путь», в рамках которого предполагается углубить финансовое сотрудничество, стимулировать создание в Азии системы валютной стабильности, финансово-инвестиционной и кредитно-рейтинговой системы; содействовать развитию и открытости азиатских фондовых рынков. Сообща продвигать строительство Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Банка развития БРИКС, ускорить создание и эксплуатацию Фонда Шелкового пути; усилить практическое сотрудничество в рамках межбанковского объединения Китай — АСЕАН и межбанковского объединения ШОС; начать развивать многостороннее финансовое сотрудничество посредством синдицированных и банковских кредитов; поддерживать размещение облигаций в юанях на территории Китая правительствами, компаниями и финансовыми учреждениями с относительно высоким кредитным рейтингом стран, расположенных вдоль Шелкового пути [18].

Укрепление близости между народами. Близость и взаимопонимание между народами — социальный фундамент для строительства «Одного пояса и одного пути». Его создание предполагает поддержание духа дружбы и сотрудничества в регионах Шелкового пути, расширение и углубление культурных, научных связей, активный обмен кадрами в различных областях деятельности, сотрудничество СМИ, молодежных, женских, волонтерских организаций, формирование прочной социальной основы для углубления двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Заключение

Учитывая масштабность целей создания ЭПШП, процесс реализации этой

инициативы будет длительным. Он предполагает осуществление большого комп-

лекса работ, выполнить которые необходимо без спешки, поэтапно, с особой тщательностью, следуя принципу «от простого к сложному», чтобы шаг за шагом продвигаться в сторону масштабного регионального сотрудничества.

Более двух лет назад Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу о совместном строительстве «Экономического пояса Шелкового пути». За этот период по мере осуществления названной инициативы торгово-экономические связи между Китаем и странами Центральной Азии стали более тесными, поскольку ЭПШП позволяет в первую очередь сосредоточиться на взаимосвязях инфраструктуры. Именно развитие трансконтинентального грузового сообщения между Китаем и странами Центральной Азии обеспечивает реализацию концепции «Экономического пояса Шелкового пути». Ниже перечислены некоторые достижения в этой сфере в 2015 г.

1. 4 июля 2015 г. из г. Сиань (КНР) — административного центра провинции Шэньси — отправился 100-й международный грузовой поезд «Чанъань» в страны Центральной Азии. Конечный пункт назначения — г. Алматы (Казахстан). Маршрут международных железнодорожных грузовых перевозок из г. Сиань в страны Центральной Азии был открыт 28 ноября 2013 г. На начальном этапе эксплуатации по этому маршруту ежемесячно проходил лишь один рейс. В настоящее время каждый месяц из Сианя в Алматы регулярно отправляются восемь поездов. Уже перевезено 140 тыс. т грузов на общую сумму 185 млн долл. Поезд «Чанъань» на пути своего следования останавливается в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане

и Туркменистане — в общей сложности на 44 станциях.

2. 1 июля 2015 г. с центральной железнодорожной станции приморского города Циндао (провинция Шаньдун) в Центральную Азию отправился первый прямой международный грузовой поезд. Он доставил автомобильные запчасти, шины, электронику и другие товары. Территорию Китая поезда, состоящие пока из 40 вагонов, будут пересекать за пять дней. В 2016 г. число рейсов предполагалось удвоить.

3. 16 октября 2015 г. международный грузовой состав Биньсинью — Биньчжоухао, состоящий из 46 вагонов и груженный 2760 т рулонной стали, отправился из города Биньчжоу (уезд Босин в провинции Шаньдун) в сторону Центральной Азии и Европы. Это первый международный грузовой поезд, связавший дельту реки Хуанхэ и узловые города на протяжении Экономического пояса Шелкового пути [17].

В настоящее время большой интерес к укреплению торгово-экономического взаимодействия со странами Центральной Азии проявили многие регионы Китая. Исходными пунктами отправления международных грузовых поездов стали города Ухань, Чэнду, Чжэнчжоу, Сиань, Чанша и др. Все больше продукции с ярлыком «Сделано в Китае» доставляется в страны Центральной Азии, Польшу и Германию.

Китайские поезда с контейнерами мчатся по железным дорогам, связывающим Китай со странами Центральной Азии и Европы. Великий шелковый путь, по которому в далеком прошлом проходили караваны между Востоком и Западом, вновь стал оживленным.

Выводы и предложения

ЭПШП представляет собой неизбежный результат регионального сотрудничества и общественного развития в эпоху экономической глобализации, т. е. Китай выдвинул такую инициативу,

учитывая не только необходимость собственного развития, но и потребность долгосрочного развития Евразии. Кроме того, существует историческая и реальная база строительства ЭПШП. С исторической

точки зрения соединение Евразии это не только китайская мечта, но и вековая мечта в Европе и Азии. С другой стороны, хорошее сотрудничество Китая со странами Центральной Азии является реальной основой создания ЭПШП.

Центральная Азия является своего рода ядром в инициативе ЭПШП. Этот регион, имеющий важное географическое положение, служит транзитным мостом между Европой и Азией, между Россией и Китаем. Успешное сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии может послужить примером для других стран, расположенных на протяжении Экономического пояса Шелкового пути.

Следует продолжать развивать конструктивное участие прилегающих к ЭПШП государств в региональных и субрегиональных международных форумах, выставках, а также Боаоском азиатском форуме, ярмарке «Китай — АСЕАН», выставке ЭКСПО «Китай — Евразия», Евразийском экономическом форуме, Китайской международной инвестиционно-торговой ярмарке (CIFT), ярмарке «Китай — южноазиатские страны», выставке ЭКСПО «Китай — арабские страны», Международной ярмарке Западного Китая, выставке ЭКСПО «Китай — Россия», Форуме сотрудничества «Цяньхай» и др. Необходимо поддерживать сохранение местными властями и общественными организациями культурно-исторического наследия в странах вдоль

маршрутов «Одного пояса и одного пути», совместно организовывать специальные торгово-инвестиционные мероприятия и мероприятия культурного обмена, провести международную культурную выставку «Шелковый путь» в г. Дуньхуане, международный кинофестиваль «Шелковый путь» и книжную выставку-ярмарку, выступить с инициативой создания международного форума по реализации проекта «Один пояс и один путь».

В процессе реализации проекта «Один пояс и один путь» Китай будет придерживаться традиционного подхода «нельзя недооценивать интересы, но мораль прежде всего», постоянно оказывать посильную помощь развивающимся странам и дружественным соседям. Кроме того, предполагается и впредь увеличивать вложения в окружающие страны, в том числе страны Центральной Азии, всеми силами стимулировать формирование единой инфраструктурной сети с соседними странами и создавать площадки для инвестирования и финансирования инфраструктурных проектов с целью создания гармоничной, дружественной, мирной обстановки в прилегающих к Китаю регионах. Очевидно, что с помощью ЭПШП Китай стремится не только к подъему экономики, но и к повышению уровня открытости страны и расширению взаимовыгодного сотрудничества как с соседними, так и с другими странами.

Использованные источники

1. Арсентьева И. И. Политика Китая в Центральной Азии и стратегия России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2014. Вып. 2. Т. 14. С. 37.
2. Ларин А. Г. Возрождение Китая и некоторые вопросы российско-китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Вып. 20. Т. 20. С. 37–57.
3. Лузянин С. Г., Сазонов С. Л. Экономический пояс Шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель — Observer. 2015. № 5 (304). С. 35–40.

4. Ван Шучунь, Вань Цинсун. Проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнеры? // Обозреватель — Observer. 2014. № 10. С. 56–68.
5. Цуй Цимин. Открыть новую страницу Великого шелкового пути // Беларуская думка. 2014. № 4. С. 20–25.
6. Ху Аньган, Ма Вэй. Экономический пояс Шелкового пути: стратегическое содержание, определение и подход реализации // Вестник Синьцзянского педагогического университета. Второй период. 2014. № 7. С. 54–61.

7. Сыроежкин К. Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. Алматы : ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014.
8. Нурсеитов А. А. Экономический пояс Шелкового пути: возможности и перспективы. URL: <http://yvision.kz/post/520219> (дата обращения: 24.03.2016).
9. Иманалиев К. К. Вступление Кыргызстана в Евразийский экономический союз — важнейший стратегический приоритет страны // Проблемы современной экономики. Вып. 3 (55). 2015. С. 13.
10. Элеманова А. Ч. Аграрный сектор Кыргызстана в условиях вступления в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) // Известия вузов Кыргызстана. 2015. № 1. С. 124–126.
11. Ордабаев А. Геополитика транспортных коридоров в Центральной Азии : доклад. Астана; Алматы : Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации, 2015.
12. Бугаенко А. Экономический пояс Шелкового пути: цели и перспективы // Казахстан в глобальных процессах. 2015. № 1. С. 64–73.
13. Чжочао Ю. О концепции Экономического пояса Шелкового пути // Постсоветский материк. 2015. № 1 (5). С. 18–29.
14. Статистический ежегодник Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjs/> (дата обращения: 19.05.2016).
15. Китай и Казахстан достигли первых результатов в сотрудничестве в рамках «Одного пояса, одного пути». URL: <http://polpred.com/news/?cnt=77&fulltext=on&ns=1&sortby=id&word=clr&page=39> (дата обращения: 19.05.2016).
16. Уянаев С. В. Новые «Шелковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Вып. 20. Т. 20. С. 242–259.
17. Годовой обзор: Развитие грузового трансконтинентального сообщения обеспечивает реализацию концепции «Экономического пояса Шелкового пути». URL: <http://russian.people.com.cn//n/2015/1222/c31518> (дата обращения: 19.05.2016).
18. Концепция и план действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2015-03-28/140031655780.shtml>.
19. Ларин А. Г. К анализу сущности проекта ЭПШП и его сопряжения с ЕАЭС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2006. Т. 21. № 21. С. 138–149.

© «ДИАЛОГ: ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭКОНОМИКА», ТЕКСТ, 2016

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 14.12.2016. ФОРМАТ 60 × 90 1/8. ПЕЧАТЬ ОФСЕТНАЯ. БУМАГА ОФСЕТНАЯ.
ГАРНИТУРА CHARIS SIL. УСЛ. ПЕЧ. Л. 11,5. ТИРАЖ 1000 ЭКЗ.
ЗАКАЗ № ҚД-4064-о-16.

АДРЕС: 191015, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ШПАЛЕРНАЯ УЛ., Д. 47

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ: (812) 326-69-24, 326-68-01. WEB-СТРАНИЦА: WWW.IACIS.RU; E-MAIL: KANZ@IACIS.RU

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ.
РЕГИСТРАЦИОННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ №ФС 77-67178 от 16.09.2016 г.

ОТПЕЧАТАНО С ОРИГИНАЛ-МАКЕТА В ТИПОГРАФИИ «КАПЛИ ДОЖДЯ»: 190005, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПР., Д. 16/30, ЛИТ. Б.
ТЕЛ./ФАКС: (812) 325-08-48